

Ахмет Хатаев



ПОКАЯНИЕ
«ИУДЫ»

Ахмет Хатаев

Покаяние «Иуды»

«Пробел-2000»

2012

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

Хатаев А. Ц.

Покаяние «Иуды» / А. Ц. Хатаев — «Пробел-2000», 2012

ISBN 978-5-98604-277-0

«Покаяние “Иуды”» – это остросюжетный роман об одном из эпизодов борьбы советской контрразведки с иностранными спецслужбами, пытавшимися завладеть стратегическими секретами противоракетной обороны Москвы, и многоходовой операции органов государственной безопасности СССР по срыву враждебных устремлений противника. В книге возможны некоторые совпадения с реально происшедшими в 80-х годах прошлого столетия эпизодами тайной войны двух миров и фамилиями людей, служивших в КГБ СССР. Кто-то может увидеть в отдельных героях своих прототипов, а кто-то – образы ныне живущих среди нас людей... Это вполне допустимо, ведь автор ищет вокруг себя удачные натуры, которые помогают ему раскрыть глубину художественной реальности произведения.

УДК 821.161.1-32
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-4

ISBN 978-5-98604-277-0

© Хатаев А. Ц., 2012
© Пробел-2000, 2012

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	16
Глава III	35
Глава IV	45
Глава V	56
Глава VI	61
Глава VII	66
Глава VIII	78
Глава IX	97
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Ахмет Цуцаевич Хатаев

Покаяние «Иуды»

И вечный бой! Покой нам только снится...

А. Блок

© Хатаев А.Ц., 2012

* * *

Часть первая

Схватка в неволе

Глава I

Солнце, окрашивая в пурпурные цвета кроны деревьев на прибрежных склонах ялтинских гор, медленно плыло за бронзовый горизонт, уступая место на сереющем небосклоне только что проявившейся бледной луне. Море стало сердиться, хмурить брови и, не обращая внимания на прощальные ласки солнечных лучей, вздыбилось бурунами свинцовых волн, которые в обнимку с исторгнутой из глубин прохладой, тяжело раскачиваясь и пенясь одна за другой, грозно накатывали на песчаный берег. А он в величавом спокойствии, с игривой улыбкой на золотистых устах встречал и нежно гасил их шумный протест, поскольку знал, что за ночью придет утро, а с ним и неминуемо новая встреча вечных и неповторимых солнца и моря. Так было прежде и так будет всегда, покуда существует установившийся в нашей галактике порядок.

Эди полчаса зачарованно глядел на происходящие прямо на его глазах величественные изменения в природе, по-доброму завидуя ялтинцам, которые постоянно живут в этих райских местах и могут наслаждаться во все времена года проявлениями характера ялтинского моря и сочными красками субтропиков, а потом нехотя направился к лежаку, иногда оглядываясь назад, чтобы вновь и вновь увидеть эту неопишемую картину.

«Даст бог, и завтра, да и в другие дни буду любоваться твоими причудами, грозное море, – мысленно промолвил Эди, натягивая на загорелые ноги белые шорты, а затем, быстро прихватив свои пляжные пожитки, направился в санаторий, где пребывал уже целую неделю: много плавал, загорал и охотился с гарпуном на мелких рыбешек у заросшего мхом волнореза. И прошедший день не был исключением, и потому, ощущая в теле знакомую тяжесть от перенесенной физической нагрузки, он медленно шагал к спальному корпусу. За его мускулистым плечом на изгибе алюминиевой трубки, которую он придерживал правой рукой, висели ласты, маска для подводного плавания и увесистый полиэтиленовый пакет с полотенцами. В такт шага ласты шлепались о спину, но он всего этого не замечал, занятый мыслями о прожитом дне и о том, как отразит его в своем дневнике.

Неожиданно у самого входа он чудом увернулся от столкновения с соседом по столовой Вадимом, выбегавшим из подъезда, будто за ним кто-то гнался.

– Фу, черт, надо же, промахнулся, а то все было бы здорово: я врубаюсь на полном ходу в гору мышц и... одним словом, кому-то сейчас крупно повезло! – воскликнул Вадим, давась от смеха. Затем, театрально разведя руки, добавил: – А тебя, сосед, сегодня целый день искали, даже от здешнего шефа в столовую заглядывали, спрашивали, где ты и почему не на обеде.

– Двое с носилками, а третий с топором? – отшутился Эди, восприняв слова Вадима за розыгрыш, поскольку из его же рассказов знал, что тот проделывал подобные штучки со своими товарищами по службе.

– Я не шучу, действительно от начсанатория приходили, – добавил Вадим, уловив в словах Эди недоверие.

– Ему что, больше делать нечего, как меня разыскивать? – устало промолвил Эди и шагнул к двери.

– По всему, его кто-то настроил против тебя: к врачам не ходишь, процедуры игнорируешь, отбил ногами все стойки гандбольных ворот, – рассмеялся Вадим. – Вот и решил человек проявить начальственную волю, надавить на тебя, чтобы придерживался здешних правил.

– Ты фантазер, Вадим! Наверно, у сослуживцев в авторитетах ходишь? – добродушно заметил Эди. – А что касается врачей и тому подобное – ерунда все это. Понимаешь, у меня своя программа... Лекарей хватает и на службе, а вот ялтинского моря, к сожалению, не достает.

– Ты к нему все-таки загляни, а то может начальству жалобу настроить, мол, не дисциплинирован и всякое тому подобное, – уже серьезно посоветовал Вадим.

– Ты словно мать Тереза, отстань, хочу полежать, а то все тело ломит, кажется, сегодня несколько переусердствовал с нырянием за бычками.

– А где улов? – не отставал он.

– Уже на кухне, так что не опаздывай на ужин, – улыбнулся Эди и взялся за ручку двери.

Поднявшись в номер, Эди принял горячий душ и насухо вытерся жестким санаторным полотенцем, вызвав тем самым легкое жжение кожи, огрубевшей под воздействием южного солнца и морской воды. Затем, не торопясь, выпил стакан боржоми из холодильника и лег на кровать поверх одеяла, предварительно обернув бедра банным полотенцем. Накопившаяся за день усталость тяжелым грузом вдавливала его в кровать, требуя уступить ее натиску и хоть на непродолжительное время уснуть. Он всегда так поступал после тренировки, зная, что сон – лучшее средство для быстрого восстановления сил. Готов был так поступить и в этот раз, но назойливый вопрос: «А зачем я понадобился начсанатория?» – упорно сигнализировал в мозг, не позволяя полностью расслабиться... «Профилактировать из-за того, что на процедуры не хожу, медицинские коктейли не пью – это несерьезно. Хотя кто его знает, у него своя работа... Но все-таки не пойду. Если действительно хочет проявить служебный порыв, то пусть пришлет сюда кого-нибудь из своих многочисленных сотрудников. Я же не пляжный фраер, залетевший сюда в поисках приключений, а целый майор государственной безопасности великой и перестраивающейся в очередной раз, но уже под порывами ветров горбачевских идей, страны, – улыбнулся он своим шаловливым мыслям. – Лучше всего пусть это будет его секретарша, о которой среди отдыхающих молва идет как о спортсменке и красавице. Уж ее я не заставлю ждать, скажу «есть», «так точно» и пойду за ней, пусть только прикажет», – вновь улыбнулся Эди.

Но неожиданный стук в дверь прервал его мысли.

«А вот и она...» – только и успел подумать Эди, как, не дожидаясь ответа, в комнату хозяйски вторглась дежурная по этажу и без всяких вступлений выпалила:

– Наконец-то вы объявились. Вас срочно требует к себе начальник санатория полковник Воронов.

– А по какому вопросу, не сказал? Как-никак я в санатории нахожусь, а в данный момент отдыхаю, – учтиво произнес Эди, подтягивая на себя край одеяла и еле сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, так как все еще продолжал находиться под впечатлением ранее промелькнувших мыслей... Надеялся увидеть у себя красавицу, а притопала обердежурная в туго перепоясанном служебном халате, из-под которого виднеется край домашнего платья. «Так тебе и надо, – внутренне ухмыльнулся он за крамольные мечты. – И надо сказать, тебе, товарищ майор, повезло, что именно она пришла, а не секретарь-милашка, иначе не избежать бы разбора за аморалку».

– Не могу знать, начальник на вахту позвонил и потребовал, чтобы я немедленно сообщила вам о его при-ка-зе, – делая ударение на последнем слове раздраженно произнесла дежурная... И отчего-то неожиданно засмушалась, по ее лицу прошла тень сомнений, мол, не перебарщиваю ли я с этим молодым человеком: вроде в легкомыслии не замечен, обходительный, всегда первым поздоровается, только по вечерам машет руками и ногами, одевшись в какие-то белые японские штаны и куртку, как будто в нашей стране невозможно найти для этого подходящей одежды, но тут же, собравши всю свою волю в кулак, утвердительно добавила:

– Да, именно о приказе, и прошу меня с линии не сбивать.

– Извините, у меня и в мыслях ничего такого не было, просто хочется знать, отчего такая спешка, надеюсь, ничего не произошло из ряда выходящего? – намеренно растягивая слова, спросил Эди.

– Какая вам разница, – отчего-то стала по-настоящему сердиться дежурная, – я довела до вас приказ, а ваша обязанность немедленно его исполнить. Может быть, и на самом деле что-то важное произошло, если сам начальник тревогу забил. А вы тут расспросы устроили – сам, не сам... И вообще, какая разница, кто звонил, главное, звонили, искали, а вас нет ни на пляже, ни на обеде. Должна вам сказать, что до этого случая его распоряжений кого-либо разыскивать я не получала. Так что, молодой человек, поторопитесь.

– Хорошо, только оденусь, – теперь уже несколько сухо произнес Эди, потянувшись к стулу, на котором висели спортивные брюки: он сделал вывод, что с этой дамой лучше не продолжать диалог.

– Вот и хорошо, непременно зайдите, а то складывается впечатление, что у вас, да и вообще у современной молодежи, отношение к приказу довольно-таки легкое. В наши годы все было иначе, приказ воспринимался как призыв на великие дела.

Потом, как бы опомнившись, она умолкла и стремительно ушла из комнаты, то ли почувствовав, что своим присутствием она мешает Эди одеться, то ли поняв, что ему неинтересен ее рассказ о былом восприятии магического слова приказ. Но еще некоторое время из коридора доносился прокуренный менторский голос дежурной.

Через полчаса Эди уже был в приемной начальника санатория. Секретарь, которая и на самом деле оказалась очень красивой и внимательной девушкой, еле сдерживая смех, рассказывала, что исполнительная дежурная доложила о проведенной ею работе с «неуловимым чекистом», а затем предложила присесть на один из диванов, пока начальник не закончит совещание с персоналом.

Эди охотно сел на ближний к столу диван.

– Девушка, скажите... – начал было он формулировать свой вопрос.

– Я Оксана, – прервала его секретарь, еле заметно улыбнувшись.

– Спасибо, я хотел спросить, а вы не знаете, в чем причина моего вызова? – договорил он, изобразив на лице озабоченность.

– Знаю, это по вашей работе. Утром и в обед звонил какой-то сердитый товарищ, требовал немедленно доставить вас к телефону.

Начальника не было на месте, вот мне и пришлось оба раза держать ответ. Когда я во второй раз сказала, что вас не могут найти, он буквально взорвался и стал кричать на меня, мол, что у вас происходит, мы к вам на отдых отправили офицера, а вы не знаете, где он и чем занимается.

– Не представлялся?

– Представлялся, – недовольно сжав губы, процедила Оксана, – генерал Водопьянов.

– Этот может, – пошутил Эди, – он такой же, как и ваша дежурная. Понимаете, война, работа в СМЕРШ, а это, как рассказывают, накладывает особенный отпечаток.

Оксана, уловив, что слова о грозном генерале не произвели на ее собеседника удручающего впечатления, а даже как-то развеселили, обрадовалась и неожиданно спросила:

– Скажите, а вы у нас впервые?

– Да, но, по всей вероятности, ненадолго.

– Жаль, а то мы с подругой хотели к вам на тренировки напроситься.

Эди удивленно посмотрел на Оксану, которая, не обращая на это внимания, продолжала.

– Мы с ней тоже увлекаемся каратэ, а ваши тренировки по вечерам во все глаза наблюдаем. Очень нравится. Вот только подойти не решаемся. Скажите, вы давно занимаетесь?

– Всего десять лет, – с сожалением в голосе ответил Эди.

Ему и на самом деле казалось, что все предыдущие годы, отданные вольной борьбе и дзюдо, по которым он стал признанным мастером, следовало посвятить именно каратэ. Поэтому Эди много времени и сил прикладывал оттачиванию защитной и ударной техники каратэ.

– А мы четыре месяца занимаемся у одного из ваших здешних коллег. Он набрал группу из числа сотрудников.

В этот момент неожиданно открылась дверь кабинета начальника, и оттуда, все еще продолжая увлеченно обсуждать какие-то вопросы, стали выходить совещающиеся. Оксана на полуслове прервала свой рассказ и, бросив мимолетное: «Я сейчас», – буквально протиснулась мимо них в начальственный кабинет и, степенно выйдя из него через пару минут, улыбаясь, промолвила:

– Заходите, он ждет вас.

Эди тут же поднялся и зашел в кабинет со словами:

– Здравствуйте, разрешите, товарищ полковник.

Воронов ответил на приветствие кратким «здравствуйте» и жестом руки показал на кресло за приставным столиком. Затем, окинув Эди оценивающим взглядом, произнес:

– Сегодня утром звонили с вашей работы. Просили срочно связаться с генералом Водопьяновым, но вас не смогли найти, что вызвало много вопросов у него, да и я в недоумении, как это возможно. Вас не было ни на пляже, ни в гостинице, да и на обеде вас тоже не было. Разве так можно?

– Извините, я приехал сюда отдохнуть, а не отлеживаться на пляже. У меня есть личная программа физической подготовки, в соответствии с которой занимаюсь, плаваю, охочусь на бычков, ими же утоляю обеденный голод, – сухо ответил Эди, присаживаясь на предложенный стул. При этом он бросил взгляд на телефонный аппарат засекреченной связи, стоящий на столе начальника санатория.

– Не ершьтесь, майор, это вас не красит. Меня тоже нужно понять, ведь я на службе. Она требует от меня проявлять заботу об отдыхающих, как-никак здесь новая обстановка, море... а вам – информировать хотя бы медсестру на пляже о месте своего пребывания, – дружелюбным тоном произнес начсанатория, проследив за взглядом Эди.

– Хорошо, впредь буду поверх моих вещей на лежаке записку класть, мол, я там и там, – улыбнулся Эди.

– Ну, ладно, покончим с этим недоразумением, – важно изрек Воронов и тут же весело заметил: – Кстати, гарпунить рыбешек я и сам не прочь, но есть их в сыром виде не пробовал. Жареные бычки, ничего не скажешь, – хорошая закуска, одно объедение.

– Спасибо за понимание, товарищ полковник, – выпалил Эди, вновь бросив взгляд на телефон.

– Да, позвонить можете от меня, – предложил он, подвигая к нему аппарат.

Через пять минут Эди услышал голос Водопьянова.

– Сергей Иванович, – только и успел сказать Эди, как из трубки донеслось:

– Аتبиев, куда ты пропал, что средь дня найти не могут?

– Как и положено, отдыхаю, Сергей Иванович.

– Понимаю, Крым, море, женщины. А, как известно, в таких условиях мы все убежденные холостяки. Но я не об этом. Тут дело такое, в центре несколько раз картотеку учета оперов продавали спицей, чтобы подобрать подходящую кандидатуру для выполнения какого-то архиважного задания, тягали чуть ли не по всем двадцати пяти параметрам. Одним словом, тебе необходимо срочно вылететь в Москву. Естественно, отпуск прерывается, догуляешь потом, обещаю. Ничего не поделаешь, служба.

– Может, сначала домой, а потом?..

– Не получится, зампреда Иванков поставил перед нашими крымскими товарищами задачу сегодня, в крайнем случае завтра утром отправить тебя в столицу, а Архипов – передо мной – предупредить тебя о предстоящей командировке, что я и делаю. В Москве встретят и разместят, естественно, все расходы за счет центра. Как видишь, все динамично развивается. Держи нас в курсе, насколько это возможно. Никому сюда не звони, для них ты продолжаешь загорать. Тебе все ясно?

– Так точно.

– Тогда, удачи, верю, что ты все сделаешь как надо.

– Постараюсь, – произнес Эди и медленно положил трубку на аппарат.

– По всему, этот звонок положил конец вашей охоте на бычков? – сочувственно заметил Воронов.

– Так оно и есть, как говорится, нужно собирать вещи. Кстати, не скажете, как часты отсюда авиарейсы на Москву?

– Сегодня не улететь, только завтра, но с билетами очень туго.

– Водопьянов сказал, что этим будут заниматься местные товарищи.

– Тогда улетите. Так что желаю успехов. Когда завершите тамошние дела, возвращайтесь, может быть, за бычками вместе поохотимся, – подчеркнуто вежливо произнес Воронов.

– Спасибо, я бы с удовольствием, – ответил Эди, поднимаясь из-за стола, – может быть и представится такая возможность.

– Представится, еще много раз представится, ведь вам служить и служить, так что возвращайтесь, – бросил начальник санатория вдогонку уходящему Эди.

Когда он вышел в приемную, к нему подошла Оксана и со словами:

– Ну, вы сегодня нарасхват, – передала листок бумаги, на которой был написан телефонный номер.

Уловив вопросительный взгляд Эди, добавила:

– Это номер местного отдела КГБ. Вам надо по нему сейчас позвонить. Там ждут.

Эди понимающе кивнул и, подойдя к столу, на котором стоял телефонный аппарат, набрал номер. Ответили тут же. Состоялся короткий диалог. Эди рассказали о том, что завтра в двенадцать часов за ним приедет сотрудник и отвезет в аэропорт.

Завершив разговор с коллегой и пригласив Оксану на вечернюю тренировку, Эди вернулся в гостиницу. Усталости уже не было: натренированный организм смог восстановиться за счет внутренних ресурсов. На смену пришло желание поесть, но до ужина оставалось ждать целый час. Чтобы скоротать время, он достал из тумбочки дневник в тисненном переплете – подарок преподавателя-чекиста успешному ученику – и начал листать страницы прежних записей. Но через минуту вернул на прежнее место, поскольку ум был занят поиском ответа на вопрос о причине неожиданно свалившейся на его голову командировки. Скудность исходной информации не давала возможность смоделировать варианты. По всему о ней не знал и сам Водопьянов, иначе хоть намекнул бы. То, что она связана с какой-нибудь острой оперативной разработкой, не вызывало сомнений. Иначе не стали бы продергивать через центральную картотеку, подыскивая подходящую кандидатуру.

Неожиданно его мысли прервал стук в дверь... Не успел он толком встать, как в номер вошла та же дежурная.

– Извините, молодой человек, что так бесцеремонно, но я по делу, то есть хочу угостить вас абрикосами и вишней, а то как-то нескладно получилось. Понимаете, я же думала, что вас как нарушителя дисциплины... А оказывается, все не так. Вот и решила, как говорится, испраться. Одним словом, поешьте, все это с моего огорода. Они очень вкусные, одни витамины без всякой там химии. Я их только что помыла. Вам как спортсмену будут очень полезны, – скороговоркой изрекла она, пытаясь сдержать улыбку.

Обескураженный очередным ее появлением у себя, Эди уже хотел было отказаться, но дежурная быстро прошла к столу и, поставив на него чашку с фруктами, широко развела руки, что по всей вероятности, должно было означать, мол, прости, товарищ. А затем, как бы опомнившись, так же быстро ушла, ответив на его «спасибо» растянутым «пожалуйста, на здоровье».

Эди еще некоторое время продолжал стоять у кровати, находясь под впечатлением неожиданного визита строгой дежурной и нового проявления ее загадочной души. Потом все-таки подошел к столу, взял приглянувшийся желтый плод, надкусил его... и во рту разлился вкус бодрящей живительной влаги, насыщенной соками здешней благодатной земли, грозами летних слепых дождей, дыханием грозных морских приливов, а в ноздри ударил дурманящий запах, настоящий в лучах крымского солнца и отблесках неповторимых звездных ночей... «Она молодец, а не обердежурная, как тебе показалось, товарищ майор», – весело пробормотал он себе под нос, беря с тарелки очередной абрикос.

После ужина Эди вернулся в номер. До начала тренировки оставалось полтора часа, которые он решил посвятить чтению наставлений японского учителя каратэ Мабуни Кенва и прокрутить в голове многоходовые комплексы упражнений, называемых по-японски – ката. За этим занятием время шло быстро... Листая иллюстрированную книгу известного мастера каратэ француза Анри Пле, Эди вспомнил свои тренировки под руководством Сато Тэцуо и его слова о том, что соединение традиций и духа каратэ с повседневной работой по оттачиванию техники дыхания, защиты и ударов превращают ученика со временем в большого мастера, носителя идеала двойного пути – воинского и гражданского воспитания: культивирования высокой духовности и готовности противостоять агрессии.

«Да, с того дня прошли годы изнурительных тренировок, проведено немало спортивных боев, которые укрепили тело и дух, – подумал Эди, – но отчего-то до конца не могу вникнуть в глубинный смысл слов Мабуни о том, что истинная сущность воинского искусства – поддержание равновесия, а конечная его цель – гармония.

Видно, я еще не достиг того уровня, чтобы секрет этого определения стал предельно ясен, как многие другие сложности тернистого пути каратэ» – заключил он, кладя книгу на тумбочку. Затем не торопясь переделся в кимоно и направился на спортплощадку. Оксана уже была там.

– Добрый вечер, а я уже собиралась уходить, подумала, что вы не придете, будете готовиться к отъезду, – произнесла она.

– Привет, никаких проблем, собрал вещи в сумку и в путь. К тому же мы договорились о совместной тренировке, а, как известно, договор дороже денег, так что прошу на татами, – пошутил Эди.

– Но здесь же нет татами, это площадка для игры в ручной мяч? – растерялась было Оксана.

– Это вы его не видите, оно есть везде, где звучит слово ка-ра-тэ. Это, во-первых, во-вторых, чтобы предложить вам план занятия, хотел бы знать, на каком уровне базовой подготовки вы находитесь.

– Лучше давайте начнем с вас, – резко выпалил молодой человек, который вбежал на площадку и стал между Эди и Оксаной. Он был выше среднего роста и атлетически сложен.

– Андрей, прекрати хамить? – умоляюще попросила девушка и попыталась за руку оттянуть молодого человека в сторону.

Но тот резко отдернул руку и, уставившись колющим взглядом в Эди, произнес:

– Ты, видно, неприятностей хочешь, я тебе их сейчас организую, если не уйдешь отсюда.

– Эди, прошу вас, не слушайте его, он сам не знает что говорит, а ты, Андрей, прекрати немедленно, слышишь, прекрати, это я его попросила поучить меня, – нервно прокричала Оксана.

– Вот я и проверю, какой он учитель, угрожающе произнес Андрей и, приняв боксерскую стойку, двинулся на Эди.

– Остановитесь, – спокойно, но твердым голосом сказал Эди, вытянув вперед слегка согнутую в локте левую руку, – это была та дистанция, на которую он мог подпустить к себе разбушевавшегося грубияна. Но Андрей попытался ее сократить, и был наказан сильным и резким толчком основания ладони той же руки в грудь, отчего упал назад, слегка ударившись головой о покрытие площадки. Ошарашенный происшедшим, молодой человек некоторое время продолжал лежать, а потом резко вскочил на ноги, но вновь нападать не решился.

– Вы зря кипятитесь, – подчеркнуто строго продолжил Эди, возвращаясь из стойки, которую он занял при контратаке, в обычное положение, – надо уметь слушать и слышать других. Я прихожу сюда каждый вечер и уходить из-за ваших капризов не собираюсь. Так что прошу не мешать.

Андрей, к удовлетворению Эди, молча направился к скамейке у оградительной сетки и присел на нее. По всему было видно, что он потрясен происшедшим. Не менее была обескуражена его поведением и Оксана. Она стояла в нескольких шагах от Эди, не зная, как ей поступить в сложившейся ситуации. Но из оцепенения ее вывели слова Эди:

– Оксана, успокойтесь, как говорил Ларошфуко, ум всегда в дураках у сердца, так что не переживайте. Если не передумали, можем продолжить.

– Я согласна, сейчас попробую показать перемещения, блоки и удары.

Завершив упражнения, Оксана замерла на месте в ожидании, когда заговорит Эди.

– Для начинающего у вас получается нормально, но запомните, что правильное дыхание в каратэ – это важнейшее звено в подготовке бойца, поэтому удары выполняйте обязательно на выдохе. Если наткнетесь на встречный удар в область живота при вдохе, будут проблемы. Кроме того, поработайте над тем, чтобы ваш взгляд всегда был обращен в глаза противнику, а периферийным зрением видеть все движения его рук, ног и всего тела. Уделяйте как можно больше внимания разучиванию ката – это ключ к технике каратэ, в них зашифровано все мастерство великих мастеров этого вида единоборства. А теперь посмотрите, я выполняю действия «Сээнтин – но ката».

И Эди, все еще находящийся в некоторой степени под впечатлением короткой схватки с Андреем, выполнил все двадцать одно действие этого повышенной сложности ката, как будто сражался с реальными противниками.

– Как жалко, что вы уезжаете, – неожиданно промолвила Оксана. Затем, сделав небольшую паузу, спросила: – А можно до вашего отъезда провести еще одно занятие?

– Оксана, мы это еще не завершили, а вы о следующем, – пошутил Эди. – Будет завтра, тогда и посмотрим, но сейчас внимательно смотрите и повторяйте мои движения, будем выполнять действия начального ката.

Через час Эди, попрощавшись с Оксаной, вернулся в номер, искупался и лег спать в ожидании завтрашнего утра, предварительно слизнув с тарелки остатки угощения дежурной.

Как только лучи нарождающегося солнца заглянули в окно, он встал и пошел на пляж, чтобы перед отъездом побыть у моря, а если позволит вода и поплавать, а то неизвестно, когда еще представится такая возможность. К его приходу охотников, пожелавших поглядеть на солнце, поднимающееся из глубин величавого утреннего моря, здесь скопилось уже немало, в числе которых были и его соседи по столу. Кутаясь в махровые полотенца и натягивая на головы пляжные шапочки с цветными козырьками, они восхищенно смотрели на то, как огромный красно-оранжевый диск борется с темно-зеленой стихией, не желающей выпускать его из своих объятий.

Люди, изначально знавшие, чем закончится эта борьба, облегченно вздохнули, когда секунды спустя лучи уже отделившегося от водной глади солнца брызнули на пляж, возвещая о наступлении нового дня. Они яркими копьями ударили в глаза зачарованных наблюдателей,

заставив их опустить взгляды от божественного действа на перекрасившееся в сине-голубой цвет море, на плещущие о песчаный берег игривые волны.

«Удивительно, каждый раз как будто впервые видишь это, оторваться невозможно, пока солнце само не скажет – хватит, а то ослеплю.

Не потому ли древний человек поклонялся ему как божеству», – подумал Эди, подставив ногу в набежавшую волну. Вода была прохладной, но желание попрощаться с морем, предварительно искупавшись в нем, толкнуло его вперед, и он с разбегу бросился в волны.

Спустя некоторое время Эди вернулся в гостиницу и, быстро переодевшись, пошел на завтрак. После этого забежал в продуктовый магазин и купил шоколадку для дежурной. К его удовольствию, она еще не успела смениться, и он смог вручить ей свой подарок, не забыв при этом поделиться впечатлениями о ее абрикосах.

– Ах, они вам понравились, как я рада. В них много моего отношения к земле. Понимаете, землю нужно любить, а многие этого не знают. Обидно все-таки. Спасибо, что оценили, спасибо. Жалко, что вы уезжаете, а то бы я еще чего-нибудь вкусного вам принесла. Ой! Чуть не забыла, к вам же приходила наша Оксана, хотела попрощаться. Оказывается, вы ей уроки даете по этому, ну как его.

– Каратэ, – успел вставить Эди.

– Да, да, именно, каратэ. Она очень умная девочка. Ее родители работают в санатории, они из Белоруссии. Отец служил там, почетный чекист, а вот будущий зять, он тоже из тех краев, сейчас гостит здесь. Видела его, он какой-то не такой. Откровенно говоря, не пара Оксане, но это их дела. Хочет забрать ее к себе, а зачем это надо, здесь хорошо... О, за шоколадку, конечно, спасибо, право, не стоило этого делать. Какая же я недотепа, это при моем послужном списке, чуть не обидела такого чуткого молодого человека.

Неожиданно она прервала свой монолог, то ли уловив во взгляде Эди нетерпение, которое он пытался скрыть, то ли поняв, что задерживает его, но по-прежнему доброжелательно промолвила:

– Желаю вам удачи, молодой человек, видно, она понадобится, иначе не стали бы так спешно вызывать.

– А вам мира и благополучия, – ответил Эди и направился в номер.

– И тебе тоже, сынок, – долетели до него ее слова.

Придя в номер, Эди присел за стол, чтобы сделать очередную дневниковую запись. В голову лезли мысли, связанные с тем, как были прожиты ушедшие сутки: вспомнил об инциденте на спортплощадке, о реакции на это со стороны Оксаны, проявлениях характера дежурной по этажу, разговоре с Водопьяновым, встрече утренней зари. Несомненно, все они заслуживали внимания и отражения в дневнике. Но он решил с этим подождать до следующего раза. Его внутреннее «я» требовало медитации, чтобы потревоженная этими событиями душа вновь обрела спокойствие, а ум – ясность. И потому он, предварительно закрыв дверь, чтобы никто не потревожил его уход в себя, сел в позу лотоса.

Увлечение Эди философией восточных единоборств некоторыми партийными начальниками в системе госбезопасности, считающими, что советская система физического воспитания есть высшее достижение человека в этой области, открыто не одобрялось. Он этому не противился и никогда официально относительно духовного содержания своих занятий не высказывался. Внешним их проявлением была демонстрируемая им при необходимости эффективная техника различных школ восточных единоборств, которой ничего толкового противопоставить эти деятели не могли. В таких случаях им приходилось молча принимать реальность, особенно, когда по предложению руководителей правоохранительных ведомств он демонстрировал технику защиты от вооруженного противника или силу удара при разбивании голыми руками и ногами кирпичей и досок. Но Эди не останавливался на достигнутом и шел по пути, на котором каждый раз возникали все новые и новые вопросы.

Вот и сегодня, погруженный в себя, искал ответ на вопрос, почему вчера не смог убедить Андрея словом, дать ему убедительный сигнал на уровне биополя, что так поступать нельзя. «Выходит, мои знания еще недостаточны для решения такой задачи, так как знанием является то, что можешь применить на практике, знать и действовать – это одно и то же. Выходит, я еще на начальном отрезке этого бесконечного пути и чтобы учить тому, как по нему идти, я с ним должен слиться. Тысячу раз прав учитель, когда говорит, что если человек побежден страстями и окружен темнотой, он не может увидеть этот путь, так как он едва различим и потому доступен немногим».

Эди вышел из состояния медитации через тридцать минут: к нему вновь вернулось состояние равновесия, полного ощущения себя во времени и пространстве, готовности к действию. Посмотрев на часы, которые показывали без десяти двенадцать, он повесил на плечо дорожную сумку и направился к административному зданию санатория.

На подходе к зданию его встретила Оксана.

– Эди, я сегодня совершила поступок – приходила к вам, хотела попрощаться, но вы были на море. Жалко, что так поздно решилась. Надеюсь на ваше возвращение и продолжение совместных занятий, – промолвила она, протягивая ему руку.

– Оксана, у вас все получится, не забывайте только смотреть противнику в глаза, не упуская из виду все остальное, что происходит вокруг вас. А что касается возвращения, откровенно скажу, мне бы хотелось, здесь неповторимый климат, но посмотрим, как распорядится судьба, – подчеркнул он, легко пожимая ее руку.

– Только поскорей бы все это случилось, – произнесла она дрогнувшим голосом и посмотрела на него полными слез глазами.

Эди, удивленный увиденным, отпустил руку девушки и, чтобы как-то снять возникшую неловкость, предложил проводить его до автомашины.

Оксана улыбнулась и сказала:

– Вот видите, я умею смеяться через слезы, хотя мне и на самом деле очень грустно. Но к машине не пойду, не хочу никому ничего объяснять. Прошу, возвращайтесь, как только сможете, для меня это очень важно. Здесь мой телефон, позвоните, если захотите меня услышать.

Затем она ушла, ушла, не дожидаясь ответа, как будто боялась услышать, что он не вернется, не позвонит. Лишь удалившись на некоторое расстояние, она обернулась и помахала ему рукой.

Эди, проводивший Оксану долгим взглядом, махнул в ответ и продолжил путь, ощущая в себе неожиданно появившееся желание запомнить ее лицо, походку, голос и эти градинки слез на длинных ресницах.

В условленное время он и сопровождающий его оперативник выехали в Симферополь. По прибытии на место чекист, решив все вопросы, связанные с оформлением посадки Эди в самолет, уехал в Ялту. В аэропорту было многолюдно и шумно. Зал ожидания напоминал разбуженный курортным периодом человеческий муравейник. Неутихающий шум изредка перекрывался звучащими из мощных репродукторов монотонными женскими голосами, делающими объявления о рейсах самолетов.

До вылета оставалось более часа, и он решил подойти к доске объявлений, чтобы посмотреть рейсы из Москвы. Он все еще лелеял надежду, что сможет вернуться сюда через несколько дней и продолжить отдых. Неожиданно его окликнули. Повернувшись на голос, он увидел Андрея, который направлялся к нему.

– Привет, ты что уезжаешь? – спросил он.

– Да. Ну а вы что здесь делаете, – намеренно акцентируя на слове «вы», ответил Эди.

– Через два часа улетаю в Минск, мне здесь больше делать нечего. Хотел Оксану уговорить вернуться в Белоруссию. Не захотела теплое море оставлять. Предложила мне перебраться, но это нереально. Меня ни за что не переведут сюда.

– Я где работаете? – спросил Эди, полагавший, что Андрей является сотрудником органов госбезопасности, поскольку он свободно проходил на территорию санатория КГБ, поддерживал отношения с семьей чекистов.

– В милиции. Я недавно закончил минскую школу, некоторое время работал в «Динамо», выступал на соревнованиях за это спортивное общество.

– А каким видом занимаетесь?

– Боксом, – произнес Андрей и как-то стушевался.

– Это хорошо, очень серьезный вид спорта, дает хорошую физическую подготовку и закалку для жизни.

– Вы это серьезно?!

– Конечно, серьезно, – прервал его Эди, чтобы исключить тему их вчерашней стычки, – я с удовольствием смотрю боксерские бои, а некоторых наших великих мастеров даже лично знаю, к примеру, Конакбаева, Рискиева, Лемешева.

В это время объявили посадку на московский рейс, и Эди, попрощавшись с Андреем, направился к самолету. «В целом нормальный парень, правильно воспринял мою подсказку на «вы», да и рассуждает здраво, может, и с Оксаной у него как-нибудь наладится», – заключил Эди, поднимаясь по трапу на борт ТУ-134.

Глава II

Через пару часов самолет сделал посадку во Внуково и вырулил на стоянку. Эди встретили у трапа и сразу же повезли на Лубянку. По прибытии на место сопроводили в приемную начальника главного управления контрразведки Маликова. Дежурный офицер, изучающе оглядев его с ног до головы, предложил присесть на один из стоящих вдоль стены стульев, указав на них рукой. Но Эди, ощущая затылком тяжелый взгляд недовольного дежурного, прошел к журнальному столику и опустился в обитое блестящей черной кожей кресло, которое мягко вобрало его в себя. Затем, не обращая внимания на продолжающего смотреть в его сторону офицера, взял со столика «Правду» и начал читать передовицу, надеясь на то, что это отвлечет его от предстоящей встречи. Но, обнаружив, что не вникает в текст, вернул ее на прежнее место и стал изучать приемную. Внимание привлекли стоящие в углу массивные напольные часы с гирьками и огромным маятником, который, без устали двигаясь то в одну, то в другую сторону, отсчитывал в ритме «тик-так, тик-так» – секунда за секундой пульс бега времени. Шум, издаваемый его монотонными колебаниями, завораживал, и неискушенному человеку могло показаться, что здесь все замерло в ожидании каких-то чудес. Но Эди знал, что это обманчиво, что размеренность лубянской жизни, которую кто-то мог принять за неторопливость, диктовалась мыслительным процессом, который шел в кабинетах, где обитала контрразведка. Поэтому и отношение к ней верхов было бережливое, а коллег по ремеслу – почтительное. Хотя нет-нет да и встречались в ее коридорах люди, наподобие этого дежурного офицера, который отчего-то решил изображать из себя очень занятого и важного деятеля, что проявлялось в его общении с сотрудниками, приходящими по служебным вопросам в приемную, и в том, как он небрежно отвечал звонившим.

Эди, вынужденно ставший свидетелем этого притворного величия, внутренне негодовал, но неожиданно пришедшее на память изречение Сенеки Старшего о том, что «Золотая узда не сделает клячу рысаком», несколько развеселило его, и он вновь взялся читать газету.

Спустя десять минут в приемной появился начальник отдела контрразведки Ковалев, с которым Эди был знаком по прежним совместным делам. Он быстро огляделся и, увидев почти утонувшего в кресле коллегу, воскликнул:

– Дружище, наконец-то, а то я уже начал было волноваться, когда твой шеф вчера доложил, что тебя не могут найти. Грешным делом подумал, увлекла его какая-нибудь ялтинская зазноба в свои покои и нескоро отыщем. Но, слава богу, все обошлось и ты с нами.

Прежде чем встать навстречу Артему и отреагировать на его слова, Эди успел подумать о том, что хоть какая-то ясность наступила относительно того, с кем ему придется иметь дело. Это его в некотором смысле обрадовало и в то же время напрягло, поскольку знал сложность ковалевского направления работы.

– Привет, вот кому я обязан вызовом в центр. Надеюсь, ненадолго? – произнес Эди, пожимая протянутую ему руку.

– Это от него зависит, – показал Артем пальцем на дверь кабинета начальника. – Но, как я предполагаю, минимум на месяц, а то и навсегда, если придеешься по нраву нашим боссам, – добавил он, заговорщически подмигнув. – Но заранее предупреждаю, что ситуация прямо-таки не из простых... Я предлагал сразу назначить тебя на это дело, чтобы не терять время на всякие там отборы, но были мнения посмотреть и других. Посмотрели, проверили и выделили троих. Все хорошие ребята, но наш главный, скорее всего, остановится на твоей кандидатуре, я это почувствовал на сегодняшнем совещании. В таком случае те двое будут дублерами.

Неожиданно на столе в приемной задребезжал телефон. Дежурный офицер заученно быстро схватил трубку и, поднеся ее к уху, выпалил: «Слушаю вас, товарищ генерал». Затем,

несколько раз повторив: «есть», «есть», «так точно», – медленно вернул ее на прежнее место и, отчего-то сделав паузу, важно произнес:

– Товарищи, можете заходить, вас ждут.

Войдя в обширный кабинет, они сделали несколько шагов и остановились, после чего Эди в установленной форме доложил о своем прибытии. Артем, уже побывавший здесь с утра, сохранил молчание, отметив для себя, что его начальник удовлетворен докладом и видом Эди.

– Очень хорошо, а то мы вас несколько заждались, проходите сюда, – произнес он, показывая на два кресла у стола совещаний. Сам сел по другую сторону и, окинув Эди пронизывающим взглядом, продолжил: – Мы совместно с разведкой в течение ряда последних лет ведем разработку одного зарубежного антисоветского центра, который финансируется и контролируется спецслужбами стран главного противника. Так вот, с использованием возможностей этого центра – я имею в виду, прежде всего, людской ресурс, а это всякого рода отщепенцы, оказавшиеся за границей в разное время и по различным причинам, – западные разведки стремятся создать агентурные позиции в нашей стране, в частности, для получения доступа к секретам оборонной промышленности, военной технике, новым исследованиям в этой области. В этих целях осуществляется поиск советских граждан, сомневающихся в ценностях социализма и готовых встать на путь измены. Конечно, особо рассчитывать на серьезный успех здесь противнику не приходится, но, тем не менее, в отдельных случаях в расставленные сети попадают люди с двойным дном.

Еще долго говорил пожилой генерал прописные истины о разведывательно-диверсионных устремлениях иностранных разведок против СССР в новых перестроечных условиях и о том, как успешно противостоит им советская контрразведка, отчего Эди начал подумывать, а не решил ли начальник главка прочесть ему лекцию о политической бдительности. По крайней мере, вступительная часть проходящего совещания в узком составе и этот монолог, озвучиваемый в откровенном менторском тоне, навевали такую мысль.

«Видимо, таким образом он решил просветить меня, неотесанного провинциала, о противостоянии сил зла и добра, а также на всякий случай промыть мозги, чтобы не дай бог, какая-нибудь идеологическая соринка, способная помешать выполнению его задания, не оказалась в их извилинах», – заключил Эди, внимательно наблюдая за генералом.

– Почему я акцентировал ваше внимание на этих постулатах, спросите вы? – неожиданно прозвучало из его уст. – А для того, чтобы перекинуть мостик к сути дела, которым вам предстоит заняться, – ответил он на свой же вопрос. – Но прежде чем перейти к нему, мне важно послушать вас, то есть чтобы вы рассказали о себе, своей работе, увлечениях. Это по принципу того древнего классика, который изрек, мол, поговори, чтобы я мог получить представление о тебе. Точно знаю, что он не был японцем или китайцем и каратэ, как вы, не изучал. Кстати, это очень хорошо, поскольку человек, которым вам придется вплотную заняться, тоже увлекается восточной философией, хотя все последние годы имел дело, в основном, с европейцами. Лично я предпочитаю европейскую культуру, особенно после того, как наша страна рассорилась с Китаем.

«Все не так уж и плохо, – решил Эди, – если «генерал-западник» аргументирует свои желания изречением Сократа: «Заговори, чтобы я тебя увидел», вот только непонятно, отчего он решил, что страны рассорились. Ведь они и дружили, и рассорились на уровне первых лиц партий».

– С вашей анкетой и всякими там справками я ознакомился, и надо сказать, что по объективным характеристикам вы больше других подходите для этого дела. Для полноты же впечатлений поговорим, а чтобы придать нашей, так сказать, беседе непринужденный характер, я угощу вас, товарищи офицеры, знаменитым краснодарским чаем. Вот он, кстати, и подошел. Как видите, мой помощник четко отслеживает ситуацию в кабинете. Молодец, Александр Семенович, ты ко времени подоспел.

«Надо же, элитный чай и беспроегрышная фраза «товарищи офицеры», ну почти как у Симонова: «Как мир, так – ”сукины сыны”, а как война, так сразу “братцы”» – промелькнуло в голове Эди, вызвав некоторую иронию относительно этого чаепития. Тем не менее, крепкий чай внес ощущение тепла в общение чекистов разных поколений и в определенной степени настроил Эди на откровенный разговор, в ходе которого генерал задавал ему много уточняющих вопросов.

Эди отвечал на них, понимая, что генералу хочется до конца быть уверенным в своем выборе. Но, завершая повествование о себе, он не удержался и, улыбаясь, заметил:

– Товарищ генерал, вся моя биография у вас на ладони. Даже Сократу, которого вы цитировали, мне нечего было бы добавить, чтобы он меня увидел.

Генерал искренне рассмеялся, а потом, отпив глоток уже остывшего чая, произнес:

– Майор, немедленно приступайте к изучению материалов на «Иуду». Исходите из того, что вам предстоит очень сложная миссия, а времени на подготовку почти нет. Объект¹ находится в Минске и принимает реальные меры к реализации своих преступных замыслов. В ближайшее время он будет арестован руками милиции за совершенное несколько дней назад преступление и помещен в следственный изолятор МВД Белоруссии. Вот там, в ходе внутрикамерной разработки, из него необходимо вытрясти нужную информацию. К нам его забирать нельзя, иначе весь оперативный замысел полетит к чертям. В милиции можно, это не вызовет у его хозяев больших подозрений, тем более мы постараемся организовать утечку информации, которая их несколько успокоит. О совместных действиях договоренность уже достигнута: председатель разговаривал с министром и тот уже озадачил кого надо в Минске.

«Иуду» необходимо вывернуть наизнанку, заставить нервничать, искать ниточку на волю и в самый последний момент, когда он уже потеряет надежду, – дать ее, позволить ухватиться... вот тогда и начнется самое интересное. Главным его разработчиком в камере будете вы. И надо откровенно сказать, что от вас зависит весь ход дальнейшей работы против объекта. Вашей специальной подготовкой займутся опытные в этой части сотрудники, можно сказать, лучшие знатоки криминального мира. Типовой план подготовки имеется, его надо доработать и, как говорится, войти в роль. На все это вам дается максимум семьдесят два часа и ни минуты больше. Если почувствуете, что такая работа вам не под силу, сразу же скажите, у нас есть дублеры. После этих слов генерал умышленно сделал небольшую паузу, смотря Эди в глаза, который без раздумий заполнил ее короткой фразой: «Я подготовлюсь».

– Спасибо, несколько не сомневался, что получу такой ответ, – продолжил генерал, – я уверен, что у вас все получится. Только будьте очень скрупулезны при выборе линии поведения для общения с объектом и другими обитателями тюрьмы. Да, кстати, не упустите при этом из поля зрения вопрос о взаимоотношениях с сотрудниками администрации тюрьмы – вы для них не чекист, а преступник. Одним словом, подготовка должна быть идеальной. Будут возникать вопросы, не стесняйтесь, спрашивайте, будем вместе искать на них ответы.

Потом, уже обращаясь к Артему, приказал:

– Выделите для майора отдельный кабинет, исключите общение с ним сотрудников, не имеющих непосредственного отношения к готовящейся операции. Поселите на меблированной конспиративной квартире, что поближе к Лубянке, а то ему недели две-три придется на нарах кантоваться. Обеспечьте залом для тренировок и партнерами хорошего уровня. Разработчики легенды со своими предложениями будут у меня в двадцать тридцать. Сначала согласуем контуры с учетом всех за и против, а потом, когда майор получит представление об объекте разработки, детализируем. И еще, не забудьте о документе прикрытия, не идти же ему в камеру под своими установочными данными.

Затем, вновь взглянув в глаза Эди, спросил:

¹ Объект – в данном случае лицо, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия.

- У вас возникли какие-нибудь вопросы, которые немедленно следует обсудить?
- Пока нет, сначала нужно вникнуть в суть материалов, а все остальное потом.
- Хорошо, тогда за дело, товарищи, помня, что у настоящих оперов только вечером начинается рабочий день, – подвел генерал итог разговору, бросив при этом быстрый взгляд в сторону окон, за которыми сгустились московские сумерки.
- Ну и как тебе наш дед? – пошутил Артем, обращаясь к Эди, когда они вышли в коридор.
- Хорошо, и чай его тоже хорош, – задумчиво ответил Эди.
- А чего ты подначил его с Сократом, думаешь, он не знает, кого цитирует?
- Скорее всего, знает, но может не догадываться, что мы тоже об этом знаем, поэтому лучше сказать, чем промолчать. Ведь этот седой генерал весьма въедливый специалист своего дела.
- Ты тоже, что меня очень радует. Особенно в данной ситуации, поскольку тебя ждет десяток томов оперативных материалов на объект.
- Я не думаю, что нужно заниматься листанием всех материалов на него. Для этого не только трех суток, но и месяца не хватит. Предлагаю следующий алгоритм действий. Дашь своим ребятам сделать закладки там, где есть информация, характеризующая его как личность, а также этапные отчеты о ходе разработки. Мне необходимо знать, в чем он силен, а в чем слаб, какие имеет наклонности, увлечения по жизни, как ведет себя в ситуации, реально угрожающей его жизни, в конце концов, необходимо четко сформулировать, чего мы хотим в итоге добиться – тюрьма, перевербовка, склонение к явке с повинной для организации в последующем показательного судебного процесса. Кстати, об этих вещах генерал почему-то не стал говорить.
- Материалов на него у нас полно, остается только выбирать, что более подойдет для задания, но это в первую очередь тебе придется делать, конечно, не без нашей помощи. Что же касается последних вопросов, ничего конкретного сказать не могу, поскольку руководство не определилось. Думаю, об этом разговор состоится накануне нашего отъезда в Минск.
- А почему не в самом начале, ведь такая определенность помогла бы лучше мобилизоваться, быть готовым к различным вариантам развития ситуации.
- Думаю, генерал хочет сначала посмотреть, как пойдут твои дела с объектом, а затем по ходу корректировать цели и задачи.
- Ему, конечно, виднее, но, надо полагать, он учитывает, что «Иуда» может иметь свое отношение к нашим корректируемым на ходу целям и задачам, тем более с ними мне нужно будет знакомиться в СИЗО², – сыронизировал Эди.
- Ты прав, я постараюсь поговорить с ним по этому вопросу сегодня же, нет, завтра с утра. Действительно, чтобы справиться с «Иудой», нужно быть во всеоружии: он волевой и изворотливый противник. К тому же и валютный миллионер, сделавший свое нелегальное состояние на незаконных операциях. Так что по нему, кроме шестьдесят четвертой³, и восемьдесят восьмая⁴ плачет.
- И куда вы смотрели, когда он проворачивал эти операции? – удивился Эди.
- Все туда же, как говорится, фиксировали и облизывались, ведь трогать было нельзя, ты же понимаешь, нужно вскрывать и документировать разведустремления противника, а затем все по классике.
- Получается, что объект был свободен и в выборе места хранения своего миллиона?
- Мы знаем, что он еще в прошлом году вывез золотишко и инвалюту в Белоруссию и там у кого-то или где-то спрятал. В Минске и Бресте имеет приятельские связи, в том числе

² СИЗО – следственный изолятор.

³ Статья 64 УК РФ – измена Родине в различных формах, в том числе в форме шпионажа.

⁴ Статья 88 УК РФ – незаконные валютные операции.

в партийных и советских органах. По стране у него уйма знакомых, многие из которых являются серьезными секретносителями. В первое время мы только и занимались их установкой и проверкой на вшивость. Через некоторых из них удалось выяснить, что он мог передать своим хозяевам информацию о противоракетной обороне Москвы, в частности, по так называемой системе А-135.

– Выходит, он сейчас в Минске по валютным делам?

– В этом следует разбираться, есть только подозрения, но об этом позже, а сейчас прошу в мои па-ла-ты, – театрально произнес Артем, отперев дверь кабинета.

Пока Эди оглядывался, Артем прошел к столу с телефонами и позвонил кому-то с просьбой занести материалы по «Иуде», после чего они пошли пить кофе с бутербродами в знаменитый лубянский сороковой магазин, так как не приходилось рассчитывать на то, что в ближайшие часы им это удастся сделать в другом месте.

Когда через пятьдесят минут они вернулись, все было готово для работы. На столе для совещаний лежали: стопка толстых дел в светло-коричневом картонном переплете, чистые листы писчей бумаги, ручка, поднос из цветного стекла, на котором красовался термос с кофе, пара бутылок боржоми и несколько стаканов. На журнальном столике, что располагался в углу в окружении трех небольших полумягких кресел, стояли магнитофон, кинопроектор и нумерованные коробки с кассетами. Объектив уже заряженного пленкой кинопроектора смотрел на небольшой белый квадрат экрана, пристроенный на ближней стене.

– Оперативно сработали, – заметил Эди.

– Наша школа, – улыбнулся Артем. – Но по правде, все делается, чтобы ты как можно быстрее включился в процесс. Понимаешь, мы оказались в цейтноте, поскольку объект начал делать шаги, которые от него никто не ожидал, по крайней мере, в ближайшее время. Что-то он стал нервничать, торопиться, а отчего мы не знаем. Конечно, с одной стороны это хорошо – делает грубые ошибки, которые легче фиксировать и документировать, но с другой – может, испугавшись, уничтожить улики и доказательства.

– Вполне, если допустить, что он пронюхал об интересе к своей ненаглядной персоне со стороны контрразведчиков.

– Это исключено, – резко бросил Артем, – растерянно глянув на Эди.

– Тогда надо искать другую причину, он же не какой-то трухлявый шибзик, чтобы из-за изменения направления ветра впадать в транс? – сыронизировал Эди.

– Нет, конечно, он далеко не слабак, но что-то заставило его напрячься.

– Может быть, кто-то из его связей, с кем поддерживается оперативный контакт, мог подружески сболтнуть, мол, дружище, тут на днях ко мне подходил человек из конторы и задавал кое-какие вопросы о тебе, и этого вполне достаточно, чтобы он начал предпринимать активные действия.

– Агентура из его окружения работает так, что комар носа не подточит. Она регулярно и всесторонне проверяется на надежность, в том числе и под техникой, так что здесь все должно быть в порядке, – задумчиво произнес Артем и направился к выходу. И уже у самой двери, бросив взгляд на Эди, добавил: – Этот разговор мы еще продолжим, а сейчас ты приступай к делу, а я пойду встречаться с разработчиками легенды и заодно насчет твоего нового паспорта кое-кого озадачу. Кстати, у тебя нет с собой фото?

– Конечно, есть, но только в форме майора госбезопасности, как раз для нашего случая и подойдет, – пошутил Эди.

– Не кусайся, я так на всякий случай спросил, ведь не исключено, что в Ялте для своей новой пассии фотографировался, – поддержал его шутку Артем.

– К сожалению, до этого дело не дошло, но когда вернусь, обязательно сделаю.

– Тогда утром необходимо будет сфотографироваться. Это у нас же делается. Кстати, подумай над тем, какую фамилию, имя, отчество возьмешь.

– Имя оставлю свое, на Кавказе оно имеет широкое хождение, главное, не придется привыкать к новому, отчества не надо – я детдомовский, а фамилия пусть будет производной от имени моего двенадцатого деда – Атбиев.

– Ты это серьезно? – с сомнением в голосе спросил Артем.

– Я знаю, что так его звали, чем он был знаменит, где похоронен. Об этом мне поведал мой отец, ему в свою очередь его и так далее. Придет время, я расскажу о них своим детям. Правда, в отличие от моих предков я смогу показать им даже генеалогическое древо рода, над составлением и детализацией которого работаю.

– Эди, откуда у тебя на все это берется время?

– А его не надо откуда-то брать. Оно появляется вместе с интересом к какому-нибудь делу. В таких случаях, как говорили мои предки, дни становятся длиннее, а ночи короче.

– Однако, как мало я тебя знаю, хотя и знакомы мы не первый год, – задумчиво произнес Артем.

– Я тебя тоже практически не знаю, и ничего в этом удивительного нет: нас на короткое время сводила работа, а по ее завершении мы разбегались.

– В этот раз, дружище, нам нужно найти время, чтобы поговорить и узнать лучше друг друга, а то, ей-богу, нездорово получается – отправляю в трудный бой, а кроме сухих анкетных данных о тебе ничего не знаю.

– Вот будешь носить мне передачи в тюрьму, там и разговоримся, только надеюсь, что в таком режиме наше общение недолго будет длиться, – вновь пошутил Эди.

– Я тоже, но сейчас мне надо идти, если что понадобится, зови ребят, они в соседнем кабинете, – смеясь, выпалил Артем и ушел.

Эди еще некоторое время продолжал стоять. Со стороны могло показаться, что человек не знает с чего начать, но все обстояло совсем иначе. Он просто упивался наступившей тишиной и этим неожиданным одиночеством накануне очередного шага к схватке с противником, продолжению пути дальнейшего познания себя, на котором зло и добро часто меняют полюса в зависимости от того, кто и с каких позиций глядит на их творения. «Главное, чтобы ты был убежден в своей правоте, знал, что служишь своему государству, а не личностям, в какие бы тоги они ни рядились, ибо им часто свойственны слабости. И часто свои амбиции путают с интересами государства. В нынешней ситуации, когда многое на ходу перестраивается, переосмысливается, нужно быть семи пядей во лбу, чтобы во всем этом разобраться и не надевать ошибок, не оказаться рядом с этими крикливыми и охочими до словоблудия деятелями, которых и в среде обитателей родной конторы, как говорят, можно отыскать,» – пронеслось в голове Эди, отчего он встряхнул ею, как бы отгоняя от себя неожиданную мысль, и, наклонившись к столу, взял бутылку боржом и глазами поискал открывалку. Но ее не было. «Забыли или посчитали, что не нужна», – улыбнулся Эди, поддев пробку большим пальцем, отчего она отскочила и упала со звоном на стол.

Автоматически вытерев горловину ладонью другой руки, он сделал из бутылки пару глотков и, держа ее навесу, направился к журнальному столику с кинопроектором: ему, прежде всего, захотелось услышать голос «Иуды», манеру разговаривать, посмотреть на то, как он выглядит внешне, как двигается. Иначе говоря, сформировать первое впечатление о нем как о человеке, еще не обратившись к оперативным материалам, свидетельствующим о его предательстве. Ведь не был же «Иуда» таким с рождения: по всей вероятности, прошел школу пионerieй, комсомола, то есть не был обделен идеологическим и политическим воспитанием.

Эди внимательно послушал и посмотрел пленки с «Иудой», по несколько раз перематывая интересные на свой взгляд эпизоды, затем вернулся за стол совещаний и прочитал ротационные копии автобиографий, написанные им в разные годы, более десятка писем и документов, характеризующих его по месту службы. Перебрал более десятка фотографий и выбрал одну, которая, по всей вероятности, была сделана для фотовитрины или личного дела. Она

позволяла рассмотреть в подробностях его лицо, взгляд и глаза. Потом еще раз внимательно прочитал несколько писем знакомым и родственникам. Из одних веяло сухостью и высокомерием, из других – нарочитым менторством и ощущением собственного превосходства над ними. При этом ему нельзя было отказать в общей эрудиции и знании различных сторон жизни, что находило подтверждение в его пространных рассуждениях. Но ни в одном из них не было и намека на проявление сентиментальности или свидетельств о переживании или сопереживании. Даже о преждевременной кончине своей жены он писал приятелю как-то обыденно, мол, сердце у нее отчего-то не выдержало, похоронил рядом с родителями, что делать – не повезло, от такого несчастья никто не застрахован.

К своему удивлению, Эди не нашел и подтверждений увлеченности объекта восточной философией, кроме того, что в нескольких письмах сослуживцам писал, что увлекся каратэ и находит в этом моральное удовлетворение. Приятное исключение составляли письма к дочери, которые изобиловали подтверждениями нежной любви и большой привязанности к ней, советами строить свою жизнь, чтобы отыскать в ней «свое золотое гнездышко», не забывая при этом о боге и каратэ.

«Это хорошо, что в тебе, «Иуда», которого пока все знают как товарища Александра Бизенко, хоть любовь к дочери и что-то связанное с богом живет, а то в свои неполные сорок пять уже начал казаться каким-то биороботом. Выходит, ты не лишен высоких чувств и дум о завтрашнем дне. Прекрасно, в таком случае мы найдем с тобой тему для разговора», – еле слышно промолвил Эди, внимательно вглядываясь в застывшее изображение глаз человека, с которым ему скоро предстояло вступить в незримый бой. Затем, отложив фотографию в сторону и все еще продолжая смотреть на нее, так же тихо произнес: «Ты уж извини, Бизенко, что так бесцеремонно вторгаюсь в потайные сусеки твоей жизни, поверь, это не из-за простого любопытства. Я вообще-то против того, чтобы вскрывать конверты с чужими письмами, но сейчас просто вынужден копаться во всем, что связано с твоей далеко не простой жизнью, чтобы по рассыпанным в письмах крупичкам правды получить представление о тебе, твоей личности. Это моя обязанность, я принял ее на себя осознанно, поскольку хочу защищать от таких, как ты, мою страну, мой дом, построенный предками, яблоневый сад, где я помню каждое деревце, поскольку закладывал его сам вместе с родителями. Рядом с домом находится вырытый нами колодец, вода из которого лечит и душевные, и телесные раны. Возможно, и у тебя что-нибудь подобное имеется. Но, видно, ты забыл об этом и переступил грань, за которой лежит мир других интересов, мир, где рвется нить памяти, связывающая нас с родными очагами и нашими святыми колодцами. Поэтому я просто обязан как можно больше узнать о тебе, чтобы противостоять тебе и победить».

После этого монолога Эди углубился в анкету и послужной список Бизенко. Родился в 1945 году в Акмолинске в семье спецпереселенцев из Ленинграда: отец работал учителем немецкого языка, а мать преподавала литературу. Окончил среднюю школу и пошел работать в мехмастерские. В 1965 году переехали в Москву. Александр в том же году поступил в институт иностранных языков и через пять лет успешно окончил. Освоил немецкий и английский языки. Его стали привлекать в качестве переводчика на различные научные симпозиумы, а потом неоднократно выезжал в составе делегаций ученых в Германию, Францию, Италию и другие европейские страны. В 1972 году находился в полугодовой командировке в Германии в качестве переводчика в группе ученых-физиков.

«В послужном списке все выглядит гармонично: учеба в престижном вузе, языки, загранпоездки, знакомство с культурой и жизнью многих других народов, очевидная перспектива достойной и счастливой жизни, но что же в таком случае его толкнуло во вражеский стан, почему отвернулся от благосклонной судьбы, которая в отличие от тысяч и тысяч его сверстников дала именно ему возможность многого достичь?» – задавал себе вопрос Эди.

Он вновь взял копии автобиографии и несколько раз перечитал их, стремясь найти в них хоть самую маленькую зацепку, которая могла бы навести на мысль, почему Бизенко так поступил, но ничего не нашел. Ровные строки, написанные в разные годы, свидетельствовали о том, что он жил правильной жизнью в согласии с законами и моралью советского общества.

Прервавшись на кофе, Эди приступил к изучению итоговой справки по материалам работы «Иуды». Первый сигнал о его подозрительном контакте с установленным разведчиком из Западной Германии чекисты получили несколько лет тому назад. Тогда этому факту не придали должного значения, поскольку надежность Бизенко, проверенная в ходе неоднократных зарубежных поездок, не вызывала сомнений. К тому же с ним поддерживались доверительные отношения для получения информации о поведении советских ученых во время пребывания за рубежом.

Второй раз о его подозрительных контактах с объектом заинтересованности органов государственной безопасности, входящим в редакцию подпольно издаваемого вестника «Верный свидетель», действующего при финансовой поддержке зарубежного антисоветского центра, сообщил агент 5-го Управления КГБ СССР под псевдонимом «Викарий». Этот же агент позже информировал, что Бизенко снабжает вестник деньгами и что он торгует золотыми монетами царской чеканки и американскими долларами.

После этого Бизенко был взят в первичную проверку, которая в скором времени показала, что он ведет двойную жизнь. Поэтому было принято решение вернуться к проверке информации о его подозрительной встрече с западногерманским разведчиком.

«Вот как, если бы не повторный прокол, ты и по сей день ходил бы в хорошистах у московских чекистов? – произнес Эди, вновь бросив взгляд на фото Бизенко. – По всему видно, хитер и осмотрителен, но посмотрим далее, что ты еще учудил, – ухмыльнулся Эди, слегка потянувшись в кресле. – Но и мы не лыком шиты, так что разберемся и с тобой. Вот только непонятно, куда запропастился Артем. Понимаешь, бросил меня на произвол судьбы, а я тут как книжный червь в твоём грязном белье ковыряюсь», – добавил он в прежнем тоне и встал, чтобы размять затекшие от неподвижного сидения конечности.

Сделав несколько энергичных приседаний и заученных движений руками и ногами, он подошел к окну, чтобы посмотреть на ночную столицу, но затененное с улицы стекло, словно зеркало, отражало стол, на котором лежали материалы на «Иуду». «Надо же, не позволяет мне на минуту оторваться от себя, к чему бы это? – мысленно промолвил Эди, глядя на это отражение. – Да, что ни говори, тип он, конечно, упёртый, – заключил он. По всей вероятности, сначала придется лишить его веры в себя, уронить в собственных глазах, а затем лепить из него, что нам надо. Но как это сделать за столь короткое время да еще в камере, где полно народу? Хотя может так случиться, что именно это обстоятельство и поможет решению задачи. Ну, конечно, камера с крутыми зэками⁵ будет этому способствовать, если только он, переборов свой первоначальный испуг и поверив в то, что контрразведчикам неизвестно о его предательстве, не найдет в камере сочувствующих и их поддержку, играя роль обиженного милицией человека, у которого на воле осталась дочь, нуждающаяся в его заботе. Такое развитие ситуации вполне возможно. К тому же необходимо предусмотреть как возможное и то, что объект внутренне готовил себя к любому обороту в своей жизни и, оказавшись в камере, не растеряется. Одним словом, надо выработать такую линию поведения, которая позволяла бы выстраивать отношения как с ним, так и зэками. Поэтому косить под зэка может оказаться непродуктивным занятием, а вот под интеллигентного человека, способного при определенных ситуациях совершать дерзкие поступки – самый раз, тем более...»

Неожиданно открывшаяся дверь отвлекла Эди от этих мыслей, и он вернулся к столу.

⁵ Зэк – заключенный.

– Вот и я с пакетом поддержки. Наверно, уже скучать начал, если стоишь у окна, – услышался голос Артема. – Отсюда, кроме себя, ничего не увидишь, здание напротив не освещено, оно техническое. Лучше присаживайся, отметим нашу встречу. Уже можно, все начальство разъехалось, только надо что-нибудь подложить, а то на столе разводы останутся. Я возьму несколько листов бумаги, тебе видно она не нужна.

– Жалко же, чистая, может быть, это? – пошутил Эди, показывая на открытое дело с материалами на «Иуду». Мне не раз приходилось видеть архивные дела со следами от чайных стаканов.

– Мне тоже, и не только от стаканов, – улыбнулся Артем, выкладывая на бумагу бутерброды с черной икрой и шоколадку. А затем, сделав некоторую паузу, достал из пакета бутылку армянского коньяка и со словами: – Да простит меня Михаил Сергеевич, но ради такого случая можно покуситься на его сухой закон, – поставил ее на середину стола.

– Я с тобой полностью солидарен, тем более, «сухой» не про нас, хотя с таким добром мы здесь можем и заночевать, – рассмеялся Эди, показывая на стол.

– Реально так и получится, если ты, утомленный переездом, не ляжешь спать.

– Разве это не логично?

– Вроде да, но наш генерал думает, что молодежи вообще нечего терять драгоценное чекистское время на сон. Так что давай, дружище, опустошим не спеша эту бутылку, а заодно и поговорим. У тебя наверняка кое-что уже вырисовывается, если потянуло к окну.

– Кое-что да, но и только, здесь необходима скрупулезная работа. Его разговорить будет весьма сложно, серьезный типчик.

– Полностью согласен с тобой и рад, что сам это увидел, – согласился Артем, разливая коньяк в стеклянные рюмки.

– Скорее всего, почувствовал, знакомясь с материалами, – заметил Эди, бросив взгляд на журнальный стол.

– Ты вникни в материалы разработки, тогда не только почувствуешь, а реально оценишь. Нам понадобился целый год напряженной работы, чтобы добраться до его потайной жизни и получить данные о том, что он поддерживает конспиративную связь с эмиссарами зарубежного центра, которые в последние годы зачастили к нам под различными предложениями и личинами. А как ты знаешь, за ними маячат спецслужбы стран главного противника. Но это разговор не на один том, давай разбавлять его коньяком.

Выпив и закусив, Артем продолжил:

– Так вот. Нами были зафиксированы несколько его конспиративных встреч в Ленинграде и Нижнем Новгороде с гражданином Западной Германии Траутвайном. В материалах найдешь информацию о нем, может понадобиться. Этот фриц находится в поле зрения контрразведки уже не один год. Как было в последующем установлено, «Иуда» от него получил крупные суммы денег и антисоветскую литературу для распространения по каналам подпольного издательства «Верный свидетель». Деньги он, то есть их малую часть, передал антисоветчикам, а все остальные перевел в золото и валюту.

В начале года он выезжал в служебную командировку в Берлин. Мы не стали чинить ему препятствий, а с немецкими товарищами взяли под круглосуточное наблюдение. К тому же удалось подставить ему под видом немки нашего классного агента. Одним словом, он несколько расслабился и допустил серьезные ошибки, которые позволили нам лучше разобраться в нем самом и его делах. Несомненно, он предатель, уже успевший нанести стране вред, и наша задача минимизировать этот вред и примерно его наказать.

В последнее время он стал использовать свои связи в закрытых учреждениях для получения секретной информации, затрагивающей интересы оборонки, и делать попытки наладить надежный канал передачи ее за границу. Но, как нам кажется, он ищет также канал для ухода при необходимости за границу вместе со своей заначкой. Определенную работу по подготовке

такого канала в Польшу через Брест он уже провел и даже с целью проверки его надежности переправлял по нему за границу так называемые «куклы». По всей вероятности, эти свои действия он не согласовывает со своими хозяевами, чтобы иметь запасной вариант бегства.

Мы думаем, что его выезд в Белоруссию связан с решением каких-то вопросов по этому каналу.

– Артем, свои выезды он как-то объясняет на службе?

– Конечно, с этим у него все в порядке. Он по своей природе очень осторожный, заранее просчитывает все ходы. Эту командировку мотивировал необходимостью поработать на месте над материалами Пленума ЦК компартии Белоруссии, поскольку это ему может понадобиться для работы с иностранными делегациями. Его уровень общения достаточно высокий как в Москве, так и в других городах страны, и с этим нам приходится считаться. В Минске он остановился у своих влиятельных знакомых, чем лишил нас возможности контролировать происходящие там встречи. С одним из них на цековской машине ездил в Брест.

– Но как вы собираетесь его задерживать, если он окружен такой броней, и в чем заключается его уголовное деяние, о котором говорил генерал, – прервал говорящего Эди.

– Дело в том, что объект допустил очередную промашку: что-то не поделил со своим приятелем, которого навестил дома, соблюдая меры предосторожности, и пырнул его кухонным ножом под самое сердце. Теперь отсидживается на квартире у своего минского знакомого. Если бы не наша наружка, так и не узнали, что это преступление – дело его рук. Естественно, получив эту информацию, мы решили использовать сложившуюся ситуацию для его камерной разработки.

– Это хороший ход, но ведь милиция же будет расследовать покушение на убийство, как бы одно другому не помешало?

– Как говорил генерал, договоренность между руководителями МВД и КГБ о совместной работе уже имеется, в низах, правда, пока не знают, ищут преступника. Пострадавший к удивлению выжил, находится в реанимации горбольницы, ожидается, что в ближайшие дни он придет в себя. «Иуда», по всей вероятности, тоже об этом знает, по крайней мере, информацию об этом происшествии наши товарищи распространили в кабинетах, где работают его знакомые. Есть предположение, что объект может попытаться добить его, поскольку он представляет для него какую-то угрозу. Какую – мы еще не знаем и не особо рассчитываем узнать ее у пострадавшего, так как вполне возможно, что они одного поля ягоды. «Иуда» ранее неоднократно встречался с ним в Москве и Минске. Ясно только одно, что «Иуда» скоро будет задержан по уголовной статье и сопровожден в тюрьму.

– Это понятно, как и то, что его поместят в контролируемую камеру, где будет осуществляться разработка. Непонятно только, каким образом я в ней окажусь и под какой легендой.

– Над этим работают наши товарищи.

– Когда с их предложениями можно будет ознакомиться?

– Думаю, через шесть часов, – ответил Артем, бросив взгляд на висящие на стене часы.

– У меня есть свои мысли относительно легенды и комбинации по внедрению. Надеюсь, объект продержат пару дней в изоляторе временного содержания при отделе милиции, который произведет его задержание?

– Но для чего?

– Чтобы я смог до его появления обжиться в камере.

– Интересно, раскрой идею.

– Тут и раскрывать собственно нечего. В камере новичку необходимо прописаться и от этого зависит, будет ли он иметь право голоса. Конечно, если у него богатая криминальная биография, он там будет в авторитете, но отсутствие таковой потребует от новичка проявления некоторых качеств, иначе не миновать места у парашаи.

– Наши специалисты по заданию генерала рисуют тебе крутую биографию с наколками и целым букетом статей, так что с тобой сокамерники будут разговаривать только на вы.

– Артем, нам следует дополнительно поразмышлять над приемлемой для этого случая легендой, иначе с «Иудой» мы можем не сойтись характерами. Мне кажется, что он не потянется к субъекту с наколками и ярким криминальным опытом. Для работы с «Иудой» нужен крутой парень из интеллигентной среды, который при необходимости может его прикрыть в камере, иметь перспективу выйти из тюрьмы и быть ему полезным на воле.

– Согласен с тобой на все сто. Откровенно говоря, и мне не нравится затея с наколками. Не исключаю, что она может сработать при раскрутке обычных уголовников, но в нашем случае она вряд ли окажется эффективной. Но говорить об этом нашим специалистам я не стал: могут не так понять, не так доложить шефу, – на одном дыхании произнес Артем, беря с подноса бутылку боржом и шаря по столу глазами.

Сообразив, что он ищет открывалку, Эди взял у него бутылку и со словами «я тоже не нашел» откупорил ее и налил в стакан минералку.

– Тебе можно, ты главная фигура в этом деле, к тому же можешь пробки пальцами срывать, так что предлагай и отстаивай свою версию, думаю, они согласятся с твоей железной логикой, – заметил Артем, улыбаясь и поглядывая на мозолистые руки Эди.

– Если спецы не станут соглашаться, предложу генералу эти наколки нанести на кого-нибудь из них и втолкнуть в камеру с зэками, – сыронизировал Эди, вызвав тем самым гоме-рический смех Артема.

Выждав, когда он успокоится, Эди продолжил:

– Я предлагаю прямо с утра узнать у минских товарищей относительно моего будущего места жительства, в частности, попросить их подготовить чертеж камеры с отражением местоположения коек. Мне важно знать, что в целом представляют собой нынешние ее обитатели и главным образом смотрящий: статьи, уголовный опыт, ходки.

– Лучше будет, если по этим вопросам сам переговоришь с Николаем Парамоновым, начальником местного управления контрразведки, или с кем-нибудь из моих ребят, находящихся сейчас в Минске, – предложил Артем и ловким движением ладони стер с глянцевой поверхности столешницы блестящие на свету капли минералки.

– Артем, поскольку центр разработки переместился в Белоруссию, предлагаю ускорить наш переезд в Минск и на месте доработать детали комбинации по внедрению в камеру.

– Это будет возможно лишь после согласования предложений по легенде и комбинации у генерала, и никак не раньше, – заметил Артем и, вопросительно взглянув на собеседника, добавил: – Если я правильно понял, у тебя уже имеются наработки по комбинации.

– Кое-что имеется, но необходимо некоторое время, чтобы их систематизировать. Вот дочитаю итоговую справку и тогда возьмусь за это.

– Эди, думаю, что тебе с Парамоновым нужно переговорить обязательно до встречи с генералом, чтобы свою аргументацию подкрепить мнением и доводами белорусского чекиста, лучше знающего местную оперативную обстановку.

– Понятно, но для начала меня надо бы ему представить.

– Хорошо, я начну, а ты продолжишь и завалишь его своими вопросами, – улыбнулся Артем. – Кстати, можешь спросить у него и об «Иуде», если есть интерес к тому, как объект ведет себя в Минске. Он прекрасно изучил его за эти два года.

– Это надо учесть, – задумчиво промолвил Эди и неожиданно для собеседника спросил: – Скажи, а вы не вникали в обстоятельства смерти жены «Иуды».

– А в связи с чем это тебя интересует?

– Уж очень с прохладцей объект пишет о ней и ее смерти, что невольно возникла мысль, а не мог ли он приложить к этому руку, а то здоровая и красивая женщина неожиданно умерла

от сердечной недостаточности? Можно допустить, что она стала догадываться или узнала что-нибудь о его потайной жизни.

– Не могу ничего сказать на этот счет, хотя к тому времени его квартира была оборудована техническими средствами контроля, и если бы что не так, то мои ребята отреагировали.

– На всякий случай хотел бы просмотреть сводки того периода, в этих материалах их нет, как и копии медицинского заключения о причине ее смерти.

– Эди, ты не отвлекайся на это, я ребятам поручу досконально посмотреть и если что – дам знать.

– Лучше всего посмотреть акт вскрытия, если, конечно, такой имеется.

– Ты думаешь...

– Я сомневаюсь, а сомнения в таком деле надо снимать путем установления истины. «Иуда» амбициозный и волевой человек, который может пойти на любой шаг для устранения препятствия на пути к достижению своей цели. Вспомни, как он обошелся со своей связью в Минске – пустил в ход кухонный нож.

– Хорошо, Эди, я сам проконтролирую этот вопрос, – устало произнес Артем, наполняя в очередной раз рюмки коньяком. – Сейчас пойдем, нужно хоть пару часов поспать, к началу рабочего дня следует быть в форме.

– И это правильно, – согласился Эди, поднимая рюмку со стола.

– Тогда вперед, – произнес Артем, широко улыбнувшись, и разом опрокинул содержимое рюмки в рот. Затем, глянув на бутылку, добавил: – А оставшуюся в ней златистую страсть оставим ребятам, они ее уничтожат втихую, – рассмеялся Артем. – Им тоже необходимо расслабиться, а то из-за этого «сухого» и круглосуточной работы мозги могут прямо в кумпалах свариться.

– Согласен на все сто, надо иногда заставлять себя это делать.

– Ты же знаешь, что я скорее противник спиртного, но иногда очень хочется хватануть и на время забыться, – уже серьезно заметил Артем, ставя на стол пустую рюмку.

– А я в таких случаях иду в зал и до изнеможения тренируюсь.

– Все правильно, в каждом человеке полно различных страстей, проявляющихся в той или иной ситуации.

– И верх безумия ставить себе целью их уничтожение, – медленно произнес Эди, вызвав тем самым возглас Артема:

– Ты это по поводу «сухого»?!

– Да нет, я просто процитировал Дени Дидро относительно страстей, – отшутился Эди.

– Ты с этим поаккуратнее, а то некоторые местные добровольцы могут тебе аполитичность за такие цитирования пришить.

– Понял, не буду больше классиков цитировать, уделю больше внимания изучению основ перестройки и теории улучшения социально-политического климата в стране в период действия сухого закона.

– Это уже лучше, так что дерзай. У тебя все впереди, особенно, по части выворачивания наизнанку «Иуды», – сказал, улыбаясь, Артем и поднялся на ноги.

Спустя пятнадцать минут, убрав со стола и закрыв тома дела в сейф, они вышли на улицу.

– За рулем опер из нашего управления, он отвезет тебя на квартиру. Там все есть, в том числе и чем подкрепиться с утра. Думаю, ты сам разберешься, что к чему. Он же в половине девятого приедет за тобой, а в девять ноль-ноль позвоним Парамонову, в двенадцать, надеюсь, нас примет генерал, до этого надо будет еще встретиться с разработчиками легенды, а сейчас – отдыхать, отдыхать. Итак, до утренней встречи, – скороговоркой выпалил Артем и, хлопнув Эди по плечу, направился к стоящей неподалеку второй машине.

– До встречи, – бросил ему вслед Эди, и, кивнув парню за рулем, сел на заднее сидение машины, пристроив рядом свою сумку.

Прибыв в квартиру, он принял душ и лег спать, усилием воли отгоняя от себя ворох назойливых мыслей о предстоящей работе. «Все завтра, все завтра, а сейчас в страну сна...» – убеждал он кого-то внутри себя в течение минуты и уснул. Спал крепко, проснулся как всегда в шесть. Сделал специальную зарядку до пота. Принял душ. Затем приготовил яичницу с ветчиной, бутерброды с икрой и сыром, благо продуктов в холодильнике оказалось много и самых разнообразных, заварил чай и, привычно включив телевизор, сел завтракать.

«Ешь, товарищ майор, ешь, а то неизвестно, чем будешь услаждать свой желудок через пару дней», – иронично промолвил он, наливая в цветастую чашку из тонкого фарфора ароматный чай. Изгнанные ночью мысли вновь вернулись к нему, требуя анализа и ответа на животрепещущие вопросы. В первую очередь, нужно было подумать, какой должна быть комбинация его внедрения в камеру. «Просто так взять за теплые ручки и поместить на койку, мол, теперь это твое место, и ожидать дальнейшего развития ситуации, не годится, – рассуждал Эди. – Нужно сделать так, чтобы обитатели камеры, да и тюремщики, были уверены, что имеют дело с человеком, совершившим, как говорит генерал, преступное деяние, за которое придется держать ответ перед законом. Иначе сокамерники его расколют в течение нескольких дней. А если дело обстоит так, то меня необходимо привязать к какому-нибудь громкому преступлению в качестве подозреваемого, задержать и раскручивать на допросах. После того, как будет завершена работа с «Иудой», подтвердить алиби, извиниться и выпустить на свободу.

Вроде логично, – решил Эди, прислушиваясь к голосу диктора, который рассказывал о том, как в стране разворачивается перестроечный процесс, какие принимаются меры, чтобы ликвидировать последствия Чернобыльской катастрофы, – поэтому в разговоре с Парамоновым нужно попросить его подготовить информацию о всех громких преступлениях за последнее время, по которым еще не установлены или не разысканы лица, их совершившие. К таким делам могут подтянуть без особых проблем, только со следователем придется поработать, чтобы в обвинительном заключении не оказаться, а что касается легенды, товарищ майор, то тебе нужно настоять на принятии варианта с образом интеллигента, если не хочешь корчить из себя бандита», – попытожил Эди, отпивая из чашки уже остывший чай.

При этом он прекрасно понимал, что все предусмотреть ни в комбинации, ни в легенде невозможно, что многое будет зависеть от его умения импровизировать, правильно реагировать на изменяющуюся обстановку и соответственно действовать, изучая «Иуду» в непосредственном общении с ним в камере, ограниченной четырьмя непробиваемыми стенами, наполненной до краев страхом и злобой обитателей, добровольно или насильно оказавшихся во власти жестких правил свода уголовного бытия.

Занятый этими мыслями, он убрал со стола и вышел на улицу, где его уже ждала машина.

В девять часов Эди прибыл в кабинет Артема.

– По тебе можно часы сверять, – улыбнулся тот, поднимаясь навстречу.

– Пришел, как назначено, хотя с трудом покинул новое логово, где все есть, особенно в холодильнике. Спасибо, – произнес Эди, пожимая руку Артема.

– На здоровье, рад, что тебе понравилось. Присаживайся, скоро будем разговаривать с Парамоновым, только что звонок заказал. В десять у меня здесь же переговорим с двумя сочинителями легенды, а потом будем прорываться к генералу. Сейчас, пока есть время, переведи на бумагу свои предложения по легенде и комбинации.

В это время неожиданно раздался трезвон аппарата высокочастотной связи, который невозможно перепутать ни с каким другим телефонным звонком.

– Вот и он, не заставил себя долго ждать, – весело произнес Артем и, ловко подхватив с аппарата трубку, прижал к уху.

Переговорив с Парамоновым в общих чертах о предстоящей операции, он предложил ему послушать Эди и организовать исполнение его просьб в части подготовки комбинации.

Эди, не торопясь, рассказал Парамонову о своем видении сути комбинации, ее материальном и информационном обеспечении, чем вызвал некоторые уточняющие вопросы с его стороны. Обсудив их, и договорившись после прибытия Эди в Минск отрегулировать во взаимодействии с милицией совместные действия, завершили разговор.

– Прекрасно, – с удовлетворением в голосе произнес Артем, как только Эди положил трубку, – с этим можно идти к генералу, надо только изложить на бумаге.

К приходу специалистов по легенде, которые представились как Иван Петрович и Николай Петрович, Эди успел подготовить рапорт на имя генерала с изложением в нем своих предложений по ключевым положениям легенды. Однако, как и ожидалось, в ходе обсуждения ему пришлось убеждать специалистов, детализируя в этих целях лежащую в основе предлагаемой им легенды логику. В итоге они приняли ее и согласились вынести на суд генерала. Но при этом обстоятельно, приводя для убедительности конкретные примеры, а иногда дополняя друг друга, рассказали о жизни в камере и о нравах ее обитателей.

Эди внимательно слушал специалистов, которые на самом деле оказались тонкими знатоками камерной жизни. Иногда ему казалось, что его инструкторы имеют немалый личный опыт пребывания в местах лишения свободы, особенно, когда они прибегали к тюремному жаргону.

– Как бы то ни было, какую бы линию вы не избрали, вам обязательно надо иметь общее представление о преступном мире, законах по которым он живет. Это пригодится для выстраивания отношений с арестантами, – поучал Иван Петрович. – В нем все достаточно логично построено, я имею в виду верховную власть, послушное большинство и тому подобное. Не буду, по понятным причинам, детализировать, вам собственно это и не надо, его до конца и не всякий рецидивист знает.

– Вы лучше о кастах, Иван Петрович, – порекомендовал Николай Петрович, – с их представителями товарищу наверняка придется общаться, а ваша информация поможет ему ориентироваться в складывающейся вокруг ситуации и адекватно реагировать на нее.

– Конечно, конечно, это очень важно, я хотел об этом несколько позже рассказать, но коли вы предлагаете, можно и первым делом, – торопливо согласился Иван Петрович со своим коллегой. Так вот, в тюремном мире несколько каст, из которых четыре считаются главными, есть и промежуточные, но в нашем случае рассказ о них можно опустить, – добавил он, акцентируя внимание на последнем слове, чем вызвал ухмылку Николая Петровича. – Итак, сначала о блатных. Это откровенные жулики, жиганы, путевые авторитеты и прочие профессиональные преступники. Тюремь и лагеря для них – обязательные этапы их уголовной карьеры. Преступный мир – это своеобразный мир, попасть туда постороннему очень трудно. И практически невозможно человеку, даже случайно имевшему отношение к структурам власти. Совершить даже самое что ни на есть высокопрофессиональное преступление – грабеж банка, государственного хранилища драгоценностей – не значит получить путевку в этот мир.

Так называемая элита тюремного мира – воры в законе. Они неформальные лидеры, признанные известными авторитетами и получившие их рекомендации, возведенные в это качество на сходке всех воров, находящихся в тюрьме, лагере или регионе.

В касте блатных есть главный – так называемый пахан или авторитет. При пахане, как правило, имеется несколько блатных, у каждого из них есть свои функциональные обязанности: один присматривает за мужиками, я о них несколько позже скажу, другой – за общей арестантской кассой, называемой общаком, третий – еще за чем-нибудь. Пахана и его приближенных окружает их гвардия, состоящая из физически крепких ребят.

Следующая каста – «мужики», одним словом, это заключенные, которые пашут на зоне простыми работягами. В дела блатных они не вмешиваются, права голоса при их разборках не имеют.

Третью касту составляют заключенные, принявшие какую-нибудь должность лагерной администрации. Блатные их называют «козлами», а администрация – «активом».

Четвертой кастой являются «петухи», они же «опущенные», «пидеры». Имейте в виду, к ним нельзя прикасаться, что-либо от них брать. Если увидите, что под кроватью или около параша лежит арестант, ни в коем случае не заговаривайте с ним из соображений жалости или справедливости, держитесь от такого субъекта подальше, иначе можно «зашквариться», то есть оскверниться, а это в вашем положении – срыв задания.

Вообще-то, я рекомендую вам в первые часы пребывания в камере просто присматриваться к тому, что вокруг происходит, и помалкивать. Это даст возможность узнать, в какую хату вы попали. Если она правильная, то и порядки в ней в основном те же, что и у правильных людей на воле. Пришел с дальняка, то есть из туалета – помой руки. Садись за стол – сними лепень, иначе пиджак. Когда кто-нибудь ест или все слушают музыку, нельзя пользоваться парашей. Также нельзя свистеть – насвистишь срок. Нельзя без особой нужды рассказывать обитателям другой хаты, что происходит в твоей.

В неправильной камере, – разъяснял Иван Петрович, – может быть довольно агрессивная публика, представляющая тюремный закон как власть физически сильного над слабым и потому играющая в тюрьму, полагая, что выполняют ее закон. На самом же деле они нарушают этот закон и за это могут когда-нибудь жестоко поплатиться, поскольку один из его постулатов гласит, что пришедший с воли человек чист: там он мог быть, кем угодно и творить, что угодно. В местах же лишения свободы он начинает новую жизнь, в которой обязан проявить свои и хорошие, и плохие качества, что, несомненно, явится мерилom его оценки и отношения к нему эковской массы.

– Выходит, при необходимости камерным плохишам об этом можно будет подсказать, – заметил Эди, улыбнувшись.

– Могут не воспринять, да к тому же возникнет вопрос, откуда вам, интеллигенту, известно о воровском законе? – хихикнул Иван Петрович.

– От моего дальнего родственника, который за кражи и разбой отсидел в общей сложности около тридцати лет, – пояснил Эди, и, уловив при этом недоверчивые взгляды специалистов, добавил: – Это факт, я и на самом деле с интересом слушал его рассказы о жизни на зоне.

– А что, вполне может сработать при определенных условиях, так что берите на вооружение, – посоветовал Николай Петрович.

– Некоторое представление о том, что происходило там в прошлые годы я имею. В чем проявляется агрессивность этих плохишей в современных тюрьмах? – поинтересовался Эди.

– Все так же издеваются, устраивают прописку, используя различные приколы, – перехватил инициативу Николай Петрович. – Это делается для того, чтобы узнать, какой человек в хату пожаловал: гнилой – не гнилой, слабый духом – сильный, веселый – мрачный, способен ли постоять за себя или сразу готов склонить голову, мол, я ни на что не претендую. Надо помнить, что любая мелочь в отношениях с людьми, на которые раньше не обращал внимания, там может оказаться важной. Даже факт передачи кружки с водой кому-нибудь могут воспринять как шестерничество с вытекающими отсюда последствиями для того, кто так поступил. В тюрьме все непросто. Пословица: «слово не воробей...» здесь – правило жизни: если обещал – обязательно выполни свое обещание, если сказал «морду набью» – набей не откладывая. Лучше же всего – не обещай и не угрожай, а молча сделай. И еще, не играйте в карты, вам это ни к чему, вы интеллигентный человек, который оказался в тюрьме случайно и не знаком с азартными играми.

– Даже, если со студенческих пор прекрасно знаю буру, секу, могу три туза себе, а три короля другому раздать?

– Как бы то ни было, только в исключительных случаях, – ответил Николай Петрович, оценивающим взглядом окинув Эди. – Обыграть тюремных виртуозов с их краплеными кар-

тами невозможно, а вот нарваться на драку и последующую разборку – да, но это вам выбирать. При всем том надо понимать, что без обострения ситуации вы не сможете заполучить необходимые позиции для влияния на сокамерников.

– Товарищу наверняка придется прописываться, чем и можно воспользоваться в этих целях, – вновь включился в разговор Иван Петрович.

– Да, это верный и прямой путь к ссоре, – задумчиво промолвил Николай Петрович. – Но мордобой, товарищи, не дай бог.

– С этим у него больших проблем не должно быть, – неожиданно произнес Артем, бросив многозначительный взгляд на руки Эди.

– Это хорошо, если наш интеллигент сможет приручить камеру, все остальное несколько упростится, – весело отреагировал Иван Петрович.

– Есть много и других вариантов обретения камерного авторитета, например, знание уголовного законодательства, оказание помощи заключенным в подготовке документов в инстанции, консультирование их о линии поведения при допросах, – недовольным голосом заметил Николай Петрович.

– Полностью согласен, такая линия даже более эффективна, чем мордобой, – поддержал его Иван Петрович. – А если при этом еще какие-нибудь музыкальные наклонности, к примеру, игра на гитаре, исполнение блатных песен... все это дало бы хороший эффект.

– В самодеятельности участвовал, кое-что спеть смогу, например, «Я помню тот Ванинский порт», – пошутил Эди.

– У вас хорошие задатки для нашего варианта, но в интеллигенты вы лучше подойдете, – заключил Николай Петрович.

После этой фразы Артем, окинув взглядом собеседников, как бы спрашивая, останавливаемся ли на последнем варианте, позвонил генералу и сообщил о готовности доложить по операции в Минске и согласовании легенды.

– Товарищи, он ждет нас в двенадцать ноль-ноль, а согласованный нами рапорт немедленно.

– У нас еще целых полчаса, – сказал один из специалистов, взглянув на часы. За это время мы успеем сходить к себе, вкусить по бутерброду и подняться к генералу.

– Хорошо, встречаемся в приемной через двадцать пять минут, но по пути к себе прошу занести в приемную генерала этот рапорт, – произнес Артем, протягивая специалистам папку с документом. – Он ждет его.

Дождавшись, когда дверь за ними закроется, Артем с удовольствием потер руку об руку и заговорщически прошептал:

– Два момента: первый – у генерала хорошее настроение, из чего я делаю вывод – его сегодняшний доклад председателю Комитета удался; второй – он сказал, что на совещание может прийти курирующий зампреда.

– Это хорошо или плохо? – спросил Эди.

– Обычно операции, в которых сотрудник подвергается значительному риску, лично контролирует председатель, этим и объясняется вызов к нему моего шефа. И участие в предстоящем совещании зампреда Иванкова продиктовано теми же причинами. К тому же, надо полагать, он хочет и на тебя глянуть, соответствующую ли кандидатуру подобрали. Так что будь готов к любым вопросам.

– Я готов, но еще больше готов вернуться в Крым: если бы ты знал, какая девушка там меня ждет, – мечтательно промолвил Эди.

– Ничего, после трех недель камерной жизни она будет тебе казаться ангелом, – улыбнулся Артем.

– Не даешь помечтать, сразу о вонючей камере напоминаешь.

– Хорошо, не буду, может кофе?

– Нет спасибо, я рассчитываю на генеральский чай, он лучше настраивает на общение с начальством, – пошутил Эди.

– Я думаю, на этот раз не получится – совещание-то в расширенном составе, а он бережливый человек, дефицитным чаем не раскидывается. В прошлый раз для тебя сделал исключение, как-никак надо было проверить на профпригодность, оценить идейно-политическую закалку, так что соглашайся на мой скромный кофе, – смеясь, изрек Артем и потянулся к термосу.

– Ну, если так, наливай, остается только радоваться, что хоть ты не жадный, – поддержал эту игру Эди.

Но не успели они толком попробовать душистый напиток, как раздался телефонный звонок.

– Это шеф, – встревоженно произнес Артем, хватая с аппарата трубку, и, выстрелив в нее несколько коротких фраз: «есть, все готово, сейчас принесу, понял, передам через приемную», – вернул на прежнее место. Затем, сохраняя ту же мину на лице, продолжил: – В двенадцать собираемся у Иванкова: планы начальства изменились. Так что, допивай мой презент, надо выдвигаться.

Совещание у зампреда началось с того, что он без всяких вступительных слов сообщил о задержании «Иуды» и необходимости в этой связи активизировать мероприятия по его разработке, задействовав в этих целях все имеющиеся возможности. Подчеркнув важность операции с точки зрения обеспечения государственной безопасности, Иванов предложил обсудить вопрос о ходе подготовки по внедрению в окружение объекта оперативного сотрудника с конкретной задачей – войти к нему в доверие и стать единственным каналом связи с внешним миром, а все остальное будет вытекать из этого. Затем, остановив изучающий взгляд на Эди, произнес:

– Мне сказали, что вы практически готовы к выполнению задания, что у вас есть уверенность в положительном исходе дела. Это, конечно, хорошо, уверенность является хорошим аргументом в схватке с матерым противником, но, как понимаете, я хотел бы услышать лично от вас, получили вы представление о сильных и слабых сторонах «Иуды» и готовы ли к предстоящей работе в камере?

Бросив взгляд на лежащую перед зампреда открытую папку со своим рапортом, он не стал пересказывать его содержание, а кратко ответил:

– Пока есть общая схема, сформированная по материалам изучения объекта, его связей и задач разработки. На этой основе подготовлены предложения по легенде и комбинации внедрения, которые будут шлифоваться совместно с белорусскими товарищами. Эти предложения изложены в моем рапорте. Для начала, полагаю, этого будет достаточно. В условиях камеры сближение с объектом произойдет форсированно, рассчитываю, что понадобится мое участие в сдерживании прессинга в отношении него со стороны блатных.

– Вы не находите, что это как-то трудно вяжется с избранной вами легендой интеллигента? – слегка ухмыльнувшись, спросил Иванов. – Ведь, как вы правильно заметили в своем рапорте, блатные могут вас не принять, и тогда все окажется под угрозой срыва, чего мы не можем допустить ни в коем случае. Дело-то, как знаете, архиважное и находится на контроле у председателя, – произнес он, а затем вкрадчивым голосом добавил: – Может быть, прислушаться к мнению товарищей, которые подсказывают идти в камеру с легендой криминального авторитета. Тогда все эти уголовники лежали бы у ваших ног, и вам не пришлось особо напрягаться, чтобы выстраивать с ними отношения.

В этот момент Эди невольно глянул на участников совещания, которые сидели потупив взоры, даже начальник главка и тот не посчитал возможным как-то отреагировать на сомнения высокого начальника. Лишь Артем открыто посмотрел на своего товарища, что должно было означать – я с тобой.

– Может, все-таки прислушаться к их мнению, товарищ майор? – продолжил Иванков, уставившись прищуренным взглядом в глаза Эди, будто что-то хотел в них увидеть или прочитать.

«Он вроде как советуется, это уже хорошо, значит дает мне возможность аргументировать свою точку зрения», – решил Эди и произнес:

– С учетом задачи, которую я должен решать, роль матерого уголовника, на мой взгляд, не лучший выбор. Для того чтобы блатные в камере приняли – да, но для того, чтобы ко мне появился интерес со стороны объекта как к человеку, случайно оказавшемуся в неприятной ситуации и имеющему перспективу выйти на свободу, – нет. Что же касается того, как поведут себя уголовники в камере, то планируется меня туда первым вселить, чтобы я имел время отрегулировать отношения с ее обитателями, а через некоторое время – объекта.

– Скажите, а что это значит отрегулировать отношения с ее обитателями?

– Имеется в виду возможное столкновение, чтобы получить спальное место подальше от туалета и, соответственно, право голоса в камере.

– Но, позвольте, вы собираетесь играть роль интеллигентного человека, а тут планируете откровенный мордобой, результаты которого невозможно предсказать.

– Я думаю, что сочетание двух качеств – интеллигентность и умение постоять за себя, как раз и сработают на положение майора в камере, а это, в свою очередь, позволит приблизиться к объекту, – неожиданно включился в разговор начальник главка.

– А вы можете в таком случае поручиться за его безопасность? – резко отреагировал зампреда на слова своего товарища, чем сильно озадачил его.

– Несомненно, в процессе подготовки операции мы учитываем и решаем вопросы обеспечения безопасности участвующих в операции сотрудников, – пояснил начальник главка.

– Ну а как решается этот вопрос непосредственно в отношении вас, майор, ведь, как я понимаю, вам придется иметь дело с откровенными урками, от которых всякое можно ожидать? – повторил свой вопрос зампреда, посмотрев на Эди.

Внимательно наблюдавший за выражением лица зампреда Эди, сделал вывод, что он хочет услышать непосредственно от него, что внедрение в камеру и возможная там драка не представляют серьезной опасности. Однозначно ответить на этот вопрос Эди не мог, поскольку не знал, какая там сложится ситуация, у него даже не было элементарного представления о самой камере и содержащихся там людях и уровне их физической подготовки. Поэтому он построил свой ответ, исходя из имеющейся на данный момент у него информации.

– Пока могу сказать, что камера, как объяснили, оборудована средствами слухового контроля, что в определенной степени позволит отслеживать происходящее там и при необходимости вмешаться. Накануне же моего вселения будет зачищена от колющих и режущих предметов, а после столкновения – из нее планируется удалить представляющих реальную опасность лиц, чтобы избежать мести и тому подобных действий с их стороны. Это не вызовет ни у кого подозрений, поскольку такая практика в СИЗО применяется для снятия излишнего напряжения во взаимоотношениях заключенных. По всем этим вопросам руководство управления и я вплотную работаем с белорусскими коллегами.

– Это хорошо, что вы все продумали. Знаете, я с вами с самого начала был согласен, но хотел убедиться, что вы лично до конца уверены в избранной легенде. Молодцом, так держать, у вас обязательно все получится, – промолвил Иванков, вновь слегка ухмыльнувшись. Сделал некоторую паузу, как бы раздумывая над тем, а что же дальше делать, продолжил:

– Да, товарищи, я согласен с основным содержанием легенды. В ней учтены характер объекта, его сильные и слабые стороны, а также правильно подобрана линия поведения майора. Но вопросы его безопасности до конца не проработаны. Поэтому прошу на это обратить особое внимание. И еще, участникам операции нужно не откладывая вылетать в Минск, лучше это сделать сегодня же.

Затем, вновь сделав паузу, как бы проверяя, какое впечатление произвели его последние слова на собеседников, спросил:

– Будут ли какие-нибудь иные предложения?

Все промолчали.

– Предложений нет, – подчеркнул он, повременив для приличия две-три секунды. – Тогда, товарищи, за дело, желаю успехов. А вы, майор, когда вернетесь в Москву, обязательно зайдите ко мне. Не ждите вызова, помощников я предупрежу, хочу поговорить с вами.

Глава III

Сразу после обеда того же дня Эди и Артем вылетели в Минск. В аэропорту, находящемся практически в черте города, их ожидал Парамонов, который не стал скрывать своей радости по случаю прибытия столичных гостей.

– Спасибо, что прилетел, откровенно говоря, тяжело нам с этим деятелем разбираться, такого матерого еще не приходилось видеть, – на одном дыхании вполголоса произнес Парамонов, обнимая Артема за плечи.

– Не думаю, что далее станет проще, Коля, – отреагировал на эту фразу Артем, по-товарищески похлопав Парамонова по спине, и тут же добавил: – Знакомься, это Эди Атбиев, тот, кому предстоит сделать куда более тяжелую работу.

– Привет, кстати, я, таким вас и представлял, – выпалил Николай, оценивающим взглядом окинув Эди.

– Это есть хорошо или плохо? – дружелюбно спросил у него Эди, пожимая протянутую для приветствия руку.

– Наверняка хорошо, – улыбаясь, заключил Артем, – если ты беспокоился о своем боевом товарище, которого завтра придется загонять в тюрьму.

– Успеем ли, хотя необходимые договоренности верхов уже имеются, надо теперь на рабочем уровне подработать, – с некоторым волнением в голосе промолвил Николай.

– Вот и хорошо, что уже есть договоренности. Ну а вселять в любом случае надо раньше, чем «Иуду». А теперь, Коля, командуй, куда поедem, время не терпит.

– Поедем на конспиративную, там все имеется для работы, в том числе и то, чем интересовался Эди, – уже уверенно произнес Парамонов и пригласил гостей в стоящую поблизости белую «Волгу».

Спустя каких-то сорок минут они уже были на месте. Выпив по кружке чая с бутербродами и согласовав свои дальнейшие действия, Артем и Николай уехали на встречу с руководством, а Эди приступил к изучению подборки сводок происшествий в Минске за последние несколько дней, альбомов с фотографиями разыскиваемых органами внутренних дел преступников, а также схем трех камер, в одной из которых ему придется вместе с «Иудой» находиться, и дел на их нынешних обитателей.

Внимательно прочитав сводки, Эди не нашел ничего подходящего. Практически по всем событиям действующие лица установлены и задержаны. Появление новых фигурантов вызовет ненужные вопросы со стороны участников процесса, мол, кто и откуда взялся, и наверняка засветит ситуацию для широкого круга людей, что может явиться реальной угрозой для срыва планируемого мероприятия. То, что хозяева или сподручные «Иуды» будут пытаться прояснить обстановку вокруг него, нет никаких сомнений. Возможностями для этого как видно из материалов его разработки, они располагают. Выходит, нужно искать что-нибудь понадежнее.

Оставалось два варианта: примазаться к какому-нибудь, как говорят опера, всяку⁶ или самому организовать что-либо свежее.

Эди с интересом начал знакомиться с камерами и находящимися в них заключенными. В большинстве своем это были лица, совершившие разбойные нападения с целью завладения чужим имуществом, хулиганские действия, расхитители социалистической собственности. Были среди них и воры-рецидивисты, карманники, имеющие несколько судимостей, и осужденные, ожидающие этапа.

⁶ Всяк – не раскрытое уголовное дело.

Через три часа работы он имел достаточно полное представление о камерах, кто там находится и на какой койке спит, что за преступление совершил, как ведет себя в камере, какое место занимает на иерархической криминальной лестнице.

По итогам анализа он отдал предпочтение третьей камере, которая по его представлению являлась неправильной и потому в ней «Иуде» придется напрячь все силы и волю, чтобы сохранить автономность и здоровье.

«Как бы то ни было, при выборе камеры свои наблюдения нужно перепроверить у кого-нибудь из начальников изолятора, иначе можно усложнить себе выполнение задания», – решил Эди и встал из-за стола. Необходимо было посвятить некоторое время выполнению физических упражнений, а то за прошедший день он не сделал даже элементарного отжимания.

Но не успел он толком разогреться, как вернулись его товарищи. Артем и Николай, не стесняясь выражений, рассказали о том, что «Иуда» продолжает отказываться от дачи показаний, изначально заявив, что в отношении него милиция совершила провокацию. Принято решение завтра утром, после очередного допроса, перевести его в тюрьму на Володарского, поскольку со стороны его минских влиятельных связей, которые не знают истинного лица «Иуды», осуществляется откровенное давление на МВД. Даже дошло до того, что требуют встречи с ним, мол, он честный и порядочный человек. В этой связи не исключено, что кто-нибудь из сотрудников ОВД, где он находится, из малодушия или чтобы занять высокого покровителя в инстанциях, может попытаться помочь объекту, например, передать записку на волю.

– А нельзя ли этих заступников успокоить через ЦК партии, конечно, не раскрывая интересов к нему со стороны органов госбезопасности? – поинтересовался Эди.

– На данном этапе признано нецелесообразным прибегать к таким мерам, поскольку есть необходимость присмотреться к некоторым из них на предмет отношения к валютным делам, – пояснил Артем.

– Выходит, у меня совсем мало времени осталось, – заключил Эди и тут же спросил: – Надеюсь, вам удалось решить все организационные вопросы с милицией?

– Практически все, – утвердительно произнес Артем. – На совещании, которое вел председатель КГБ, был заместитель министра внутренних дел, с которым будут решаться возникающие вопросы по делу, а также начальник оперчасти тюрьмы Михаил Карабанов, без которого, как ты понимаешь, там ничего не сделать. С ним и его заместителем я установил необходимый контакт, люди они проверенные, надежность не вызывает сомнений. Вопросы технического обеспечения также проработаны: камеры оснащены аудиоконтролем, к сожалению, визуального наблюдения нет, зато имеется агент угрозыска, о нем тебе Карабанов сам расскажет и передаст на связь. Если понадобится, его можно будет задействовать. Теперь необходимо определиться, в какую из камер заселить «Иуду». Но это нужно делать с учетом всех обстоятельств. Надеюсь, у тебя уже созрел план?

– Да, кое-что есть, но потребуется уточнить некоторые детали с начальником оперчасти, – ответил Эди. – Но перед этим необходима информация о серьезных висяках по линии милиции, чтобы определить, по какому из них я смог бы без больших натяжек пройти в качестве подозреваемого. Иначе говоря, привязаться к нераскрытому делу, другие варианты не подходят. Это проще и не потребует со стороны милиции каких-нибудь сложных мероприятий. А чтобы все закрутилось, надо будет сыграть небольшой спектакль. Например, кто-то из доброжелателей сливает тому же заместителю министра информацию о появлении в гостинице «Минск» человека, который может иметь отношение к такому-то преступлению, и он начинает действовать по принятой в милиции схеме.

– О, это не плохая идея! – воскликнул Артем.

– Возможно, но как она будет выглядеть на практике, и, главное, как ее материализовать? – засомневался Николай.

– Схематично это будет выглядеть так: я заселяюсь в гостиницу, где меня с шумом берут милиционеры и доставляют в ИВС⁷ ОВД, в котором содержится «Иуда». Оттуда сегодня же переводят в тюрьму.

– Почему в ИВС, вы что хотите с ним?.. – не выдержал Николай.

– Если я правильно понял, ты хочешь засветиться перед «Иудой» еще до камеры... молодцом, ничего не скажешь, – не дал договорить ему Артем.

– В данном случае важно, чтобы у него изначально засела в голове информация обо мне, как о человеке, задержанном по подозрению в совершении серьезного преступления.

– Согласен, мы об этом еще поговорим, но сейчас, Коля, ты съезди за висяками и договорись с Карабанным о встрече в городе, перетолкуем с ним в машине. Заодно реши вопрос с гостиницей, но только засветите наш интерес. А мы в ожидании твоего возвращения перекусим, надеюсь, твой содержатель квартиры не жмот?

– Никак нет, – отреагировал Николай, улыбаясь, – с этим у нас все в порядке, как-никак готовились к приезду московских товарищей. Все необходимое найдете в столовой, надеюсь, разогреть белорусские мясные котлеты вы сможете.

– Не волнуйся, у нас тоже с этим все в порядке, более того, будущий арестант, насколько я знаю, даже в квартирных условиях может шашлыки жарить, – в тон ему произнес Артем и, кивком головы предложив Эди следовать за ним, направился в столовую.

– Тогда я за вас спокоен, а то хотел предложить своего сотрудника в качестве официанта, он у нас большой специалист по части кухни, – обронил Николай уже с порога и ушел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

– Хороший парень Николай, да и профи тоже, – произнес Артем, рассматривая содержимое холодильника. – Прекрасные отношения наладил с коллегами из смежных ведомств, вопросы решает в одно мгновение, так что можно считать с этим нам повезло. Вот только удалось бы все по камере организовать, да, как сказал шеф, вывернуть «Иуду» наизнанку и склонить на признанку и сотрудничество. Понимаешь, какую бяку можно было бы подложить его хозяевам, а заодно замолить перед высоким начальством наши грехи, что долгое время у себя под боком врага не замечали.

– Наконец-то и главная задача стала вырисовываться, а то: посмотрим... поглядим... как дело пойдет... – иронично заметил Эди, раскладывая столовый прибор.

– Да ты не кипятишься, думаешь, шеф или кто-нибудь из нас знает, что выкинет этот гад через час. Представляешь, в изоляторе и на допросах ведет себя по-хамски, мол, вы еще ответите за мое задержание, прекратите творить это бесчинство, немедленно выпустите и извинитесь за оскорбление.

– С ним все понятно. По логике вещей он так и должен себя вести, ему терять нечего, поэтому и сопротивляется. Нападая, действует по заранее отработанному на такой случай плану. Это для нас не ново, давай лучше поговорим о наших делах, – предложил Эди, на полуслове прервав Артема.

– Да это так, в плане понимания, с кем тебе придется иметь дело, – согласился Артем. – Что касается главной задачи, то мы должны работать, прежде всего, на то, чтобы минимизировать нанесенный «Иудой» вред, что возможно только в одном случае – если он станет работать на нас. Несомненно, это очень сложная задача и скажу тебе откровенно, я не очень надеюсь ее решить. И потому честно признаюсь, если сможешь получить хоть какую-нибудь живую ниточку связи к его сообщникам, уж не говорю к хозяевам, – это будет немалая победа.

– Он совершил уголовное преступление, расследуемое милицией, у которой, как и положено в данном случае, есть свои вопросы к «Иуде». Надо сделать так, чтобы они не помешали решению задачи, о которой ты говоришь.

⁷ ИВС – изолятор временного содержания милиции.

– Очень просто, Эди, мы помогаем МВД, а они нам. Кстати, это вопрос на совещании тоже рассматривался.

– Скажи, пожалуйста, а рассматривался ли на этом совещании вопрос, что будет делать милиция, когда будет доказана вина «Иуды» за покушение на убийство?

– Нет, – ответил Артем, удивленно взглянув на Эди.

– Однако жалко, как говорят у северных народов. При таком раскладе может так случиться, что «Иуду», доказав его вину, осудят и по этапу отправят в Пермскую область лес рубить. Меня же будут держать в тюрьме, пока не докажут, что я имею самое прямое отношение к не раскрытому преступлению, которое я сам себе и подберу. Ведь желание снять с учета жгучий висяк велико у любого отдела милиции. Понимаешь, награды и отпуска в курортный сезон.

Артем, широко улыбнувшись, произнес:

– Эди, не ерничай, разработка объекта и по линии милиции, и по нашей будет вестись согласованно, по крайней мере, на уровне руководства двух ведомств. Они же будут утверждать планы и иные документы предстоящей работы. И ты будешь владеть необходимой информацией о ее ходе.

– Вот и хорошо, а то приходится отвлекаться на эти мелочи, связанные с перспективой отсидки в вонючей камере сверх предусмотренного нашими планами срока, – сыронизировал Эди, осторожно отпивая из фарфоровой чашки горячий чай. Потом, несколько раз повторив эту процедуру, уже серьезно продолжил: – Надо полагать, что милиция уже имеет серьезные улики против него?

– Конечно, наши минские коллеги предоставили МВД имеющиеся у них данные по этому эпизоду, думаю этого пока достаточно, – важно произнес Артем. – По крайней мере, со слов замминистра, у них нет никаких сомнений в том, что именно «Иуда» покушался на жизнь Шушкеева, это фамилия пострадавшего. К тому же в его квартире они нашли имеющие значение для дела предметы и следы. Теперь ждут, когда раненый очухается, чтобы пригвоздить его фактами и добиться признательных показаний.

– Наш представитель будет при этом присутствовать?

– Конечно, с минуты на минуту ждем из Москвы подготовленные специалистами вопросы, которые можно будет ему задать относительно «Иуды», будучи уверенным, что это не раскроет интереса к нему органов госбезопасности. Здесь, брат, надо быть максимально осторожным, чтобы раньше времени не засветиться.

– А сколько лет Шушкееву?

– Сколько точно не скажу, вроде за пятьдесят. А почему тебя это интересует, есть какие-то мысли?

– Сам подумай, что может их объединять, если они не родственники, к тому же большая разница в возрасте. Интересы? Тогда возникает вопрос, а какие? Мне кажется, что к Шушкееву и его связям нужно приглядеться именно с наших позиций.

– Это вне всякого сомнения будет делаться, но сейчас важнее тебе подготовиться к камере, Эди.

– А кто может сказать утвердительно, что это второстепенный вопрос в данной подготовке? Лично я считаю, что в работе с «Иудой» неожиданно может понадобиться любая информация о нем и его связях. И, пожалуйста, не забудь мою просьбу относительно истинных причин смерти его жены, а также подробностей о жизни дочери. Понимаешь, в предстоящей схватке я хочу быть вооружен, прежде всего, детальным знанием своего противника, тем более, как ты сам говоришь, он с первых минут задержания проявляет волю и напористость.

Эди еще некоторое время продолжал говорить об объекте и предстоящей работе в камере, а Артем, внимательно слушая приводимые им аргументы и вглядываясь в его загоревшее лицо, подумал: «А генерал Маликов прав – по совокупности личных данных этот майор

лучше других претендентов подходит для задания. Он, не ожидая нашей помощи, продумывает все возможные варианты развития ситуации, не оставляя без внимания детали, которые на первый взгляд могут не иметь отношения к его роли в этом деле. Создается впечатление, что он уже скрестил шпаги со своим изворотливым противником и ищет слабые места в его защите, выстраивая тем самым линию на перспективу, не умаляя при этом его возможностей и не забывая, что спустя несколько часов окажется в камере с преступниками... Иначе не скажешь, железной воли человек, в котором, дополняя друг друга, живут прекрасные начала: профессионализм, интеллигентность и вера в свою правоту, которые подкреплены прекрасной физической подготовкой.

К действительности его вернул скрип открывающейся двери – это пришел Николай, который быстрым шагом прошел в столовую и положил на стол перед Эди папку со словами:

– С гостиницей решил, а здесь обобщенная справка о нераскрытых преступлениях, совершенных в Белоруссии за последние пять лет, ее готовили по заданию административного отдела ЦК. Мне ее дали на время, завтра должен вернуть, – выпалил он и устало опустился на стоящий рядом стул.

– А Карабанов? – не выдержал Артем.

– Через полчаса будет на улице Урицкого, недалеко от МВД, ехать туда каких-то десять минут.

– У нас есть двадцать минут, чтобы подобрать нужный вариант, надо торопиться, – с напряжением в голосе промолвил Артем, глядя на то, как Эди начал медленно, страница за страницей, листать справку.

– Пока ехал, я ее мельком просмотрел, там есть интересные дела, – с надеждой в голосе заметил Николай, обращаясь к Эди, который, лишь кивнув на его слова, продолжал листать справку.

Артем знаком руки отозвал Николая в сторону и предложил:

– Давай не будем его отвлекать, он уже в своей стихии и ему наши советы, на мой взгляд, не нужны. Ты лучше сейчас перекуси, а то еще неизвестно, когда представится такая возможность. А я тем временем приготовлю для нас по чашке кофе.

Не прошло и пяти минут, за которые Николай успел проглотить свой скорый ужин, а Артем заварить кофе, как из-за стола, где находился Эди, раздалось радостное восклицание:

– Нашел, вот это то, что надо, остается только определиться, как меня привязать к нему.

Удивленный этим возгласом, Николай сначала посмотрел на Эди, а потом вопросительно на Артема.

– Коля, тебе трудно представить нынешнее его состояние. В отличие от тебя я каждой клеточкой тела чувствую, что ему до чертиков надоело ждать неизбежного и потому он хочет, чтобы оно наступило, – неожиданно для себя произнес Артем, ставя перед Эди чашку с кофе.

– Спасибо, Артем, – уже ровным голосом произнес Эди, – даже по запаху чувствую, что приготовлен с душой. Ты прав, я действительно хочу поскорее приступить к делу. Теперь, что касается привязки к висяку. Я выбрал дело, по которому разыскивается некий южанин, приблизительно моего возраста, четыре года тому назад ограбивший со своими подручными инкассаторскую машину с драгоценностями и крупной суммой денег.

– Прекрасно, – воскликнул Артем.

– Прекрасно-то, прекрасно, но с учетом того, что при задержании подобного подозреваемого часто сотрудниками милиции применяется чрезмерная сила, а то и стрельба на поражение, надо предпринять превентивные меры, чтобы исключить всякую случайность.

– Что имеется в виду? – спросил Артем, заинтригованно глядя ему в глаза.

– А то, что при получении сигнала о появлении в городе подозреваемого в совершении данного преступления, милиция вздрогнет и направит на его задержание усиленную опергруппу, перед которой будет поставлена задача – взять живым или мертвым. Поэтому пред-

лагаю, чтобы замминистра, который доведет эту информацию до начальника ОВД, принял участие в инструктаже членов указанной группы, чтобы исключить членовредительство, ибо мои руки и ноги мне понадобятся целехонькими в камере. Со своей стороны, я буду вести себя интеллигентно, как и подобает невинному человеку, случайно оказавшемуся в гнусной истории.

– Все правильно, инструктаж группы замминистром и его непосредственное участие в этом деле исключит возможные случайности. После встречи с Карабановым обстоятельно обсудим эти вопросы у заместителя председателя комитета и доложимся в Москву, а сейчас на выход, время не терпит.

Карабанов произвел на Эди хорошее впечатление своим знанием обстановки в камерах и заключенных. Он назвал каждого из них поименно, давая им при этом короткие характеристики, указал на их сильные и слабые стороны. Рассказал, что по рекомендации замминистра освободил по три койки в третьей и четвертой камерах. В этой связи порекомендовал прописаться в третьей, поскольку она проблемная, несмотря на то что из нее удалили смотрящего и двух его сподручных-беспредельщиков. «Теперь там некоторая вольница, пока не объявится по решению воров новый смотрящий, но это у них быстро решается. Они не оставляют без своего начальства ни одну камеру. Скорее всего, таковым будет назначен вор-рецидивист по кличке Марван, который обвиняется в краже ювелирных изделий у одной из местных знаменитостей», – уверенно спрогнозировал он.

Отвечая на вопрос Артема, насколько часто камеры зачищаются от режущих и колющих предметов, Карабанов рассказал, что такая работа ими проводится периодически и в любое время при необходимости, то есть при получении информации о наличии у того или иного ээка запрещенных предметов. Сегодня ряд камер, в том числе, четвертая и третья, были тщательным образом проверены.

Поблагодарив милицейского коллегу за понимание и готовность помочь, они распрощались. Перед выходом из машины Карабанов крепко пожал руку Эди и пожелал удачи, подчеркнув при этом, что он сам лично будет отслеживать ситуацию вокруг него, чтобы максимально исключить непредвиденные ситуации.

Через двадцать минут Артем и его спутники прибыли в кабинет зампредседателя комитета, к тому времени там уже находились замминистра и начальник центрального ОВД.

– Вот и хорошо, что прибыли, присаживайтесь к нам поближе, – добродушно произнес хозяин кабинета, указывая на свободные стулья за столом совещаний. И тут же, представив их присутствующим за столом заместителю министра внутренних дел и начальнику ОВД, продолжил: – Товарищи, с учетом того, что мы ограничены во времени предлагаю сразу же приступить к делу. Итак, кто будет докладывать о предстоящей работе?

– Товарищ генерал, лучше будет, если это сделает майор Атбиев, – предложил Артем.

– Согласен, кому же, как ни ему, так что прошу, майор, выкладывай свою идею, – предложил генерал, окинув его изучающим взглядом.

Эди сначала в общих чертах изложил содержание нераскрытого уголовного дела, а затем логику привязки именно к данному делу и комбинации по своему задержанию.

– Вроде все по науке, – отметил генерал. – Вот только, нужно ли замминистра отвлекать, разве не достаточно уровня начальника центрального ОВД?

– Мы исходили из того, что ситуация вокруг вчерашнего задержания объекта и новая вводная по висяку предполагают повышенный интерес к работе этого отдела со стороны руководства МВД...

– Я согласен, ситуация действительно напряженная и предполагает контроль со стороны министерства, – не дал договорить Эди замминистра. – Не знаю, что этот гад по вашей линии натворил, но нам здесь он большую свинью подложил. Думаю, что, работая вместе, мы быстрее с ним разберемся и воздадим по заслугам. Мне все понятно, через два часа отправляю

соответствующим образом инструктированный наряд в гостиницу, который задерживает преступника, ой, извините, то есть вас, – улыбаясь, кивнул он Эди, – и доставляют в отдел. А там все организуем как надо.

– Товарищ замминистра, нам нужно будет определиться со следователем по делу, – вставил свое слово начальник отдела, бросив взгляд на Эди. – Да и сегодня, сразу же после задержания, нужно будет его допросить хотя бы для видимости, а то могут возникнуть вопросы, ведь появился фигурант по такому резонансному делу.

– И то правда, – согласился замминистра. – Но это детали, не здесь же их обсуждать, время дорого, сейчас зайдем ко мне и обо всем поговорим.

– Дорогой Евгений Михеевич, – промолвил генерал, обращаясь к замминистра, – просьба следователя строго-настрого предупредить, чтобы исключить любую утечку информации в отношении майора и нашего интереса к этому, как вы точно сказали, гаду.

– Несомненно, поэтому я и решил сначала все взвесить, а потом только определить, какого именно следователя к нему приставить, – улыбаясь, выпалил замминистра, кивнув Эди.

Минут через пять милиционеры ушли. Генерал, как бы раздумывая над чем-то, подошел к своему рабочему столу и по ВЧ-связи заказал Москву.

– Надо доложиться, а то Иванков просил созвониться после встречи с коллегами из МВД, – сказал он, глядя на Эди. – Это немного времени займет, успеем, у нас здесь все рядом: и гостиница, и милиция, и тюрьма. Успеете еще перекусить и по сто граммов беловежской принять, рекомендую настоятельно, ведь до завтрака в изоляторе еще далеко.

– Эди не помешало бы, мы-то сможем в любое время, – согласился Артем.

– Так вот подумайте об этом, как и о том, чтобы подкармливать его в СИЗО, а то по легенде ему некому передачи носить, – строго потребовал зампреда. – В свое время мне пришлось побывать в неволе и порядком поголодать, потому и знаю, о чем говорю, так что побеспокойтесь о парне, ему предстоит важную государственную работу выполнить. Поэтому, Николай, я тебе непосредственно поручаю этим заняться, ты это понял?

– Так точно, товарищ генерал, мы для этого и определили Эди в приятели по Минску нашего сотрудника из наружки⁸ Рожкова, который по легенде также увлекается историей и борьбой, – отчеканил Николай.

– Вот и хорошо, только не чекань, мы же не в казарме, что о нас московские коллеги думают.

«Надо же, сколько душевной теплоты и откровенной заботы о товарищах по службе в этом, по всему много повидавшем на своем веку пожилom человеке, – подумал Эди, слушая генерала... Но что касается того, что мне некому передачи носить, то в этой части легенду необходимо срочно подлатать: у меня здесь действительно должны быть приятели. Историк Рожков, прекрасно. Он сможет поддержать, поскольку знает, что в отношении его коллеги, прибывшего в Белоруссию в научно-познавательных целях, произошло правовое недоразумение. Он будет осуществлять передачи в камеру. И это позволит мне при общении с «Иудой» сказать, что, мол, в Минске у меня есть люди, которые беспокоятся обо мне...»

Эди к действительности вернул неожиданный трезвон аппарата закрытой связи, его невозможно перепутать ни с каким другим. Генерал, не спеша, поднял трубку к уху и через какие-то секунды произнес: «Добрый вечер, Виктор Петрович, это Тарасов... да только что закончили разговор с заместителем министра. Отработали линию, достигнуто полное понимание. Не нарадуется, что помогли с раскрытием... оба у меня, чувствуют нормально, да не волнуйся, не через такое проходили...спустя полтора часа начнется, буду держать в курсе...»

Поговорив еще пару минут, генерал, также не спеша положил трубку на аппарат, и твердым голосом произнес:

⁸ Наружка – Служба наружного наблюдения. В данном случае секретные сотрудники госбезопасности.

– Пора, майор, на передовую, у тебя до атаки полтора часа, когда вернешься из боя, угощу беловежской из собственных запасов и маринованными грибами. Товарищ Парамонов, сегодня тебе вместе с Ковалевым надо быть у Карабанова, чтобы лично контролировать ситуацию. По завершении, как вы там говорили, прописки в камере, прошу срочно прибыть ко мне с отчетом – я буду на месте.

Попрощавшись с генералом, они заехали на конспиративную квартиру, где Эди быстро переоделся в спортивный костюм и сложил в сумку кимоно, сменное белье, туалетные принадлежности, чистый блокнот для заметок и набор шариковых ручек. Остальные вещи по согласованию с Николаем он пристроил в шкафу, в прихожей.

Увидев, что Эди положил в сумку кимоно, Артем спросил:

– Думаешь, оно понадобится?

– Я же должен поддерживать форму, к тому же это косвенное подтверждение моей легенды, – спокойным голосом ответил Эди.

– Тогда есть предложение реализовать установку генерала и в авральном режиме выпить по стопочке и легонько закусить, – подстроился к разговору Николай, до этого молча наблюдавший за выверенными действиями Эди.

– Далеко пойдешь, Коля, не забываешь установки шефа, – улыбнулся Артем, хлопнув его по плечу.

– Это правильное предложение, если время позволяет, – согласился Эди, закрывая сумку.

– У меня все готово, так что прошу к столу, – выпалил Николай и быстро зашагал в столовую в сопровождении своих товарищей.

Быстро перекусив, они поехали в гостиницу. По дороге Эди рассказал коллегам о своих соображениях относительно возможного участия в операции Рожкова и попросил подготовить того в нужном плане.

После некоторых формальностей, связанных с заполнением гостиничной карточки, дежурный администратор предложил Эди номер на третьем этаже с видом на проспект Ленина. Он, не раздумывая, согласился и через пять минут оказался в достаточно уютном однокомнатном помещении, обставленном добротной мебелью пятидесятых годов. Прикрыв дверь и бросив сумку около трюмо, он подошел к окну и, отодвинув тяжелую занавеску, посмотрел вниз, на проспект, по которому мчались машины с включенными фарами, а по освещенным вечерним светом тротуарам неторопливо шли минчане, о чем-то переговариваясь между собой.

Эди и раньше не раз бывал в Минске, в этом имеющем древнюю историю городе, который разрушался много раз, и каждый раз словно птица Феникс вновь и вновь возрождался из пела. В последний раз он был разрушен во время Второй мировой войны, но минчане отстроили его заново, вдохнули в него новую жизнь. «Это говорит о силе духа живущих здесь людей, а ведь белорусы, как никакой иной народ, пострадали в прошедшую войну, но, несмотря на это, сохранили веру в человечность, добродушие и готовность помочь ближнему», – думал Эди, продолжая стоять у окна, забыв на некоторое время о том, что через десять-пятнадцать минут в его номер ворвутся милиционеры, чтобы задержать по своему разумению опасного преступника. Но зазвучавшие из включенного им телевизора слова диктора о новых достижениях в строительстве республики после брежневского застоя, вернули его к реальности.

Мысленно прокручивая возможные действия милиционеров, он прилег на диван, пристроив под изголовье подушку. В теле ощущалась некоторая напряженность от этого ожидания. «А как все было хорошо: море, солнце и золотой горячий песок, при этом никуда не надо торопиться, никаких тебе встрясок – отдыхай и наслаждайся жизнью. И надо же было такому случиться, что меня оторвали от всего этого и бросили в грязный омут с чертями...» – думалось Эди, расслабленно лежащему на диване.

Скорее почувствовав, чем услышав быстрые шаги людей в сапогах по мягкой коридорной дорожке, он сначала напрягся, хотел присесть, но неожиданно для себя принял решение

остаться в прежнем положении, чтобы исключить возможную агрессию со стороны милиционеров.

Дальнейшее развитие событий происходило динамично – четыре милиционера с пистолетами в руках ворвались в номер и с руганью набросились на лежащего на диване Эди, один даже пытался садануть его по голове рукоятью пистолета, видимо, чтобы оглушить, но промахнулся, так как задерживаемый удачно отвел удар. Наконец-то, почувствовав, что «преступник» особо не сопротивляется, кто-то скомандовал: «Не бить, руки за спину и в браслеты!» После чего Эди раздраженно проговорил:

– Товарищи, да что происходит, вы меня с кем-то перепутали, прекратите это безобразие.

– Я тебе дам, мразь, ишь ты – перепутали, нас не проведешь, это ты стрелял в наших людей, вставай и не вздумай пытаться бежать, застрелю как бешеную собаку, – прокричал ему в ухо старший лейтенант и тут же скомандовал своим товарищам: – Обыскать тщательно, у него может быть ствол.

– Да нет у меня никакого ствола, я мирный человек, я историк.

Тем временем один из милиционеров торопливо обшарил его сумку, разбросал постель, не забыв прощупать подушку и матрас, заглянул в пустой шкаф за телевизор и удивленно выпалил: «Ствола нет, может, в другом месте припрятал, бандюга, но ничего, мы сейчас разберемся...» И со словами: «А ну! Признавайся, ублюдок, где спрятал оружие», – внезапно изготовившись для нанесения удара, шагнул к Эди, полулежащему на диване с загнутыми за спину руками в наручниках. Опрокинутый молниеносным пинком в живот милиционер тут же упал. Даже придерживающие Эди сотрудники толком не поняли, что произошло, но на всякий случай вновь навалились на задержанного.

«Отставить! – резко скомандовал старший лейтенант, чтобы не допустить избиения задержанного, памятуя об инструктаже замминистра. – Ведите его к машине. – Затем недобрым голосом бросил в сторону пострадавшего: – А ты чего, не смей размахивать кулаками, бери сумку и следуй за нами».

Спустя несколько минут Эди грубо затолкали в подъехавший ко входу воронок и увезли в отдел.

Артем и Николай, наблюдавшие этот неприятный эпизод из машины с противоположной стороны улицы, дождавшись, когда воронок отъедет подальше, поехали к Тарасову.

Когда возмущающегося Эди заводили в отдел, кто-то из дежурного наряда ткнул его кулаком в губу, которая начала кровоточить. Все это произошло на глазах начальника, который буквально опешил от увиденного, но тут же, взяв себя в руки, прокричал:

– Сержант, что ты позволяешь себе, я отстраняю тебя от несения службы за избиение задержанного, завтра с утра ко мне.

– Товарищ начальник, этот бандюга загубил жизни... – начал оправдываться он.

– Молчать, скотина, убирайся с глаз долой, иначе я тебя самого засажу вместе с ним в обезьянник, – с металлом в голосе произнес начальник, а затем, поручив оперативному дежурному сообщить ему, когда завершится оформление задержания Атбиева, направился в свой кабинет, где его ожидал замминистра.

Между тем Эди освободили от наручников и, дав бинт, втолкали в обезьянник. А он, периодически вытирая сочащуюся из поврежденной губы кровь, настойчиво пытался объяснить дежурному, что он не преступник, что он приехал в Минск к своему коллеге историку.

– Хватит мне лапшу на уши вешать, – не выдержал дежурный, – таких как ты историков я на своем веку много повидал. Знай, тебе повезло, что сейчас перестройка пошла, и потому с такими, как ты, бандюгами приходится в цапки играть, вместо того чтобы трясти как следует.

– Товарищ майор, отведите меня к начальнику, я же говорю вам, что здесь какая-то трагическая ошибка произошла – я на самом деле не тот, за кого вы меня принимаете. Я историк

и в Минск приехал к своему товарищу, – не унимался Эди, перед которым стояла задача хоть таким образом здесь засветиться.

– Тамбовский волк тебе товарищ, вы только посмотрите на этого интеллигента. Уймись, гад, надоел. Может, кто в обезьяннике уgomонит его? – нервно крикнул дежурный из-за стола, вызвав тем самым смех у сотрудников дежурного наряда.

– Гражданин начальник, я с удо-воль-стви-ем превеликим, если волю дашь. Ты же зна-ешь, что я не замаран, – развязно пропел кто-то с нар.

– Вот, если не прекратит, тогда в свое удовольствие и повлияй, правда, выпустить не могу, но по сигарете на харю дам.

Эди, бросив оценивающий взгляд на сидевших на нарах четырех неухоженных типов, среди которых выделялся один плотным телосложением, вновь повторил свои слова, дополнив их требованием предоставить ему адвоката.

Дежурный бросил в его сторону тяжелый взгляд и начал активно перебирать лежащие перед ним бумаги, что должно было означать для «добровольца», мол, можно действовать.

– Ну что, интеллигентик, ты попался, – прогоготал крепыш с нар. – Готовь начальник курево, этот фраер сейчас успокоится, только пусть твои сотоварищи сюда зенками не светят.

– Мы вас в упор и так не видим, – пошутил дежурный, продолжая свое занятие.

Эди, знавший, что дежурные наряды милиции нередко применяют насилие в отношении шумных задержанных, ожидал и в отношении себя какого-нибудь воздействия типа словесных угроз или тычка дубинкой в живот через решетку, но никак не откровенного провоцирования на избиение сокамерником. «Надо же, дежурного не удерживает от нарушения нормы закона и присутствие в отделе заместителя министра, неужели все так плохо?» – подумал он, по-прежнему продолжая стоять спиной к надвигающемуся на него крепышу. «Скорее всего, это стало неписаной нормой, нежели исключением», – решил Эди и, дождавшись, когда крепыш приблизится на угрожающее расстояние, резко ударил его в грудь пяткой правой ноги и опрокинул на нары.

Как не отворачивались милиционеры от обезьянника, но этот эпизод они не пропустили и, немало обескураженные увиденным, бросились к решетке.

Но возможную потасовку предупредило появление в дежурке начальника ОВД, который, мгновенно оценив обстановку, приказал привести Эди к нему для допроса, из чего дежурный сделал вывод, что на признанку «историка» будет склонять высокое начальство, и потому внутренне поругал себя за попытку «повлиять» на него через сокамерника. «Пронесло, надо же такого дылду одним ударом вырубить, а мои сгоряча пытались камеру открыть, да он бы их там поубивал, и мне пришлось бы взять на себя кровь этой мрази. После допроса его надо запереть одного под замок, подальше от греха, а то, не дай бог, этот урка еще попробует поquitаться с ним, хотя, после такого удара, да еще не глядя, вряд ли захочет, по крайней мере сегодня», – безгласно рассуждал дежурный, сопровождая злым взглядом уводимого в кабинет начальника Эди. Затем, отрешенно присев за стол, жестом руки подозвал стоявшего у решетки сотрудника.

– Ну как там? – спросил он, кивнув в сторону обезьянника.

– Приходит в себя, грозится замочить здесь или в СИЗО.

– Сигареты не просит? – ухмыльнулся дежурный.

– Не-ет, – растянuto ответил сотрудник и улыбнулся.

– Вот такие дела, сегодняшний бандит бьет не глядя, точно и сильно, так что нам необходимо много поработать над своей физподготовкой, чтобы противостоять им и победить, иначе удаchi не видать.

Спустя полчаса Эди вернули в дежурку. Сопровождавший группу милиционеров начальник ОВД приказал немедленно отвезти задержанного в СИЗО, чем искренне обрадовал дежурного, который был немало озабочен возможным осложнением ситуации.

Глава IV

Еще через полчаса Эди доставили в СИЗО. После кратких формальностей и инструктажа о том, как следует вести себя в изоляторе, чтобы не вступать в противоречие со здешними внутренними порядками, тщательно досмотрев сумку с личными вещами, прощупав до ниточки кимоно и пояс, ему вручили выдавшие виды постельные принадлежности, и трое угрюмых надзирателей – один впереди, двое сзади – повели его по гулкому коридору.

Не успел Эди толком осмотреться, как впереди идущий надзиратель остановился около камеры, на двери которой ржавого цвета красителем была выведена цифра «3», и властно командовал: «Стоять, лицом к стене!». Эди молча выполнил это требование.

Открыв камеру, тот же надзиратель громко бросил в нее: «Граждане заключенные, принимайте пополнение». А затем, уже обращаясь к Эди, с ехидцей добавил: «Заходи, не стесняйся, тебя здесь ждут не дождутся». И как только Эди сделал шаг в камеру, с шумом захлопнул за ним обшитую металлическим листом дверь. Тут же неприятно лязгнул засов, и послышались щелчки закрываемого замка. «Два шага, два щелчка и море спертго воздуха, от которого щиплет в глазах», – подумал он, вглядываясь в камеру.

Густой зеленый цвет преобладал во всем: стены, небольшое зарешеченное окошко, низ которого рукой не достать, двенадцать двухъярусных коек в три ряда по обе стороны от этого окошка, большой деревянный стол в центре и скамейки из толстых струганных досок по его периметру, даже перегородка, которая отделяла унитаз от общей комнаты, и металлическая раковина умывальника были окрашены ядовитой зеленой краской. Всю эту картину окончательно утяжелял тусклый свет, излучаемый единственной лампочкой под самым потолком.

«Все выглядит, как в рассказе Карабанова», – подумал он, но, зная, что за ним наблюдают любопытные глаза заключенных, громко произнес: «Всем привет, меня зовут Эди, подскажите, где свободная койка».

– Ну, привет, мил человек, – донеслось с дальнего левого угла секунды спустя. Иди сюда, расскажешь, кто ты есть, чем промышлял, а там поглядим, где тебе быть.

– А чего ходить-то, лучше скажите, какую койку можно занять, потом можно будет и поговорить, – отреагировал Эди, отыскивая глазами не застеленную койку.

– Ты что себе, падла, позволяешь, – раздался из того же угла визгливый голос, и тут же перед Эди нарисовался молодой человек с бритой головой. – Твое место мы определяем у параша, коль решил базарить против пахана.

Эди, знакомившийся с делами обитателей камеры, сразу же узнал в бритом Слюнявого, шестерку Марвана, от которого можно было ожидать любых действий. И потому, не упуская из вида его руки и ноги, нарочно грубо произнес:

– Послушайте, молодой человек, почему вы меня оскорбляете, и что значит, мы определяем вам место у параша? Уйдите, а то и без вас у меня полная чаша проблем, – и направился было к пустой койке, которую только что заметил, благо она находилась в противоположном углу от места обитания Марвана и его людей.

Но на его пути тут же встал Слюнявый.

– У параша сказано, – промямлил Слюнявый, кривя рот, – у параша.

По тому, что рассказывал Карабанов, из находящихся здесь двадцати одного заключенного четверо ходят под Марваном, а остальные – расхитители соцсобственности, мелкие воришки и хулиганы – ведут себя ниже травы и тише воды. И потому вряд ли при драке займут чью-либо сторону.

– Ну что ж, у параша так у параша, только покажите, где это заведение, – спросил Эди у ошарашенного Слюнявого, который даже не подумал скрывать своего торжества по случаю личной победы над этим спортивного сложения молодым человеком. Глаза его засверкали, он

даже начал как-то примеряться к спортивной куртке и сумке Эди, пальцы судорожно заходили, будто он катал ими шарики или перебирал карты.

– Ты что, слепой? – вновь нервно взвизгнул Слюнявый и показал рукой в татуировке на туалетную перегородку.

В этот момент Эди сбросил в проем между входом и столом сумку и постельные принадлежности, образовав тем самым своего рода небольшое препятствие для тех, кто ринется на него со стороны Марвана, и коротким ударом кулака в челюсть сбил крикуна на пол.

– Зря ты его так, мил человек, он же слаб. Так можно и убить. Видишь, он почти не дышит. Ты не уважил меня, мой закон, мою хату и потому тебя долго будем бить, а потом опустим для порядка и запыхаем под шконку, – нарочито развязно выговорил Марван, шагнув из-за коек к столу.

– Я не знаю, о каких законах вы говорите, но оскорблять себя никому не дам. Я только спросил, на какой койке можно разместиться, а он меня начал грязными словами обзывать. Потому и ударил, я всегда в таких случаях бью, – спокойно произнес Эди, наблюдая за тем, как трое других заключенных, появившиеся в центре камеры, не торопясь, стали надвигаться на него, выбирая момент для атаки. Среди них особо выделялся Долговязый, что находился слева.

«Этот ударит, мало не покажется, нужно маневрировать, насколько позволит свободное пространство, иначе не избежать осложнений, – мелькнуло в голове Эди. А все-таки я верно рассчитал, когда предположил, что только пятеро будут нападать, непонятно только, почему Марван остается в стороне, более того, даже присел на скамейку. Видимо, решил дожидаться момента, когда нужно будет добивать?..»

«Сейчас врежу...» – прочитал он во взгляде одного из нападающих, что был в середине, и тут же на опережение резко ударил его правым кулаком в челюсть, отчего тот свалился под ноги своих товарищей, чем на пару секунд задержал их нападение. Воспользовавшись этой заминкой, бросил левую руку в лицо Долговязого, заставив его тем самым на доли секунды остановиться, а сам молниеносно нанес акцентированный боковой удар подъемом ступни в шею другого противника и быстро отступил на шаг назад, уклоняясь от последовавших один за другим хорошо поставленных ударов кулаками Долговязого в голову.

Все это время Эди не упускал из поля зрения Марвана, который так и не сдвинулся с места.

Между тем Долговязый продолжал атаковать, переступая через тела своих повергнутых товарищей. Чтобы положить этому конец, Эди быстро отступил на шаг назад вправо и замер во фронтальной стойке, вытянув вперед полусогнутые в локтях руки с раскрытыми ладонями, обращенными к противнику, как бы призывая продолжать атаковать... Долговязый не заставил себя ждать. Узрев в прекратившем маневрировать противнике легкую добычу, он, шумно выдохнув, словно лесоруб при ударе топором, направил в его челюсть правый кулак, который, оттесненный касательным движением левого предплечья несколько ушел за голову Эди, потянув по инерции за собой нападающего. В те самые доли секунды пальцы правой руки Эди молниеносно клюнули в глаза Долговязого, а освободившаяся левая рука, подгоняемая доворачивающимися плечом и корпусом, мощно ударила основанием ладони в подбородок, отчего тот рухнул словно подкошенный.

«Повезло – зэки оказались слабенькими», – мелькнула в голове Эди торопливая мысль.

«Ты ее не слушай, она специально тебя расслабляет, ведь еще своего слова не сказал их пахан, надо действовать, иначе будет поздно», – посоветовала другая мысль.

«Сейчас со всем этим разберемся», – заключил Эди и в два прыжка оказался рядом с Марваном, который начал было вставать.

– Не надо, я все понял, облажалась моя гвардия, – в сердцах произнес он и медленно опустился на прежнее место, упершись острым взглядом в переносицу Эди. А потом, как бы

опомнившись, театрально разведя руки в стороны и, прищурившись, спросил: – Мил человек, ты кем будешь, что так – раз – и всех в отключку, спортсмен что ли?

– Историк я, приехал собирать материал для научной работы, – сквозь зубы процедил Эди, вплотную приблизившись к Марвану, чтобы в любой момент нанести ему удар.

– Почему тогда ты здесь, если ученый? – с еле скрываемым раздражением в голосе и играя желваками на скулах, выдавил из себя Марван.

– Не знаю, меня с кем-то спутали и обвиняют в ограблении инкассаторской машины, – уже спокойно ответил Эди, глядя в глаза Марвану.

– Здесь все ни за что нары копят, мил человек, – осклабился Марван, обнажив ряд пожелтевших от чифиря зубов.

– Возможно, – произнес Эди и бросил взгляд на «поле боя», где гвардия Марвана приходила в себя.

Обративший на это внимание, Марван, небрежно вытянув в сторону братков указательный палец, бросил:

– Эти... к тебе больше не подойдут, они сейчас никто, они ноль, понимаешь, ноль, так что занимай любую шконку, тебе никто не скажет «нет». Ты доказал, что ты духовитый фраер.

– Вы мне своими кличками не тычьте, я не понимаю все это, – потребовал Эди.

– Мил человек, сказав «фраер», я проявил к тебе уважение. Понимаешь, фраер это... – начал было пояснять Марван.

– Возможно, но мне это не нравится, – не дал договорить ему Эди, – я пойду лягу, ночь на дворе.

– И это правильно, – согласился Марван, еле сдерживая свое раздражение, поскольку не привык, чтобы с ним так неучтиво разговаривали. Но, подавив в себе нарастающий гнев, скривив губы в улыбке, немало удивив этим своих прихлебателей, продолжил: – Человек должен отдыхать. Ложись, хочешь тут, хочешь там, покажи, где хочешь, туда принесут твои вещи.

– Спасибо, я привык делать все сам, – сказал Эди и направился к своим вещам.

– Как хочешь, мил человек, как хочешь. Да, а как тебя зовут?

– Эди, – бросил он через плечо, глядя на то, как двое блатных укладывали на койку еще плохо владеющего своим телом Долговязого и сидящего на полу у ближней к выходу койки Слюнявого.

– Хорошее имя, а я Марван, будем знакомы. Ты, кажется, надолго сюда залетел.

– Не думаю. Я никого не убивал и не грабил, я сюда по ошибке попал, – нарочито стиснув зубы, резко выпалил Эди, подбирая с пола сумку.

– Поживем увидим. Если нужно будет, спрашивай – посоветуем, что и как говорить следаку. Мы народ тертый, но в наши дела не лезь, здесь мы банкуем, и ты нам не указ. Крепкие кулаки – это хорошо, но не все через них решается.

– Спасибо, если нужно будет, непременно обращусь, ну а дел мне и своих хватает, – произнес Эди, слегка улыбнувшись, демонстрируя тем самым, что не собирается с ним враждовать. – За своих ребят не обижайся, они были неправы, они оскорбили меня ни за что ни про что и потому наказаны. О ваших обычаях или законах я только слышал, а в сущности, ничего о них не знаю, не приходилось как-то сталкиваться, да мне, пожалуй, это и не нужно, я человек...

– А вот при-шло-сь, – растянуто произнес Марван, не дожидаясь того, когда Эди завершит фразу. – В жизни и не такое бывает, она, мил человек, как последняя стерва, в самый неподходящий момент может в душу плюнуть. Так что привыкай, начало у тебя уже есть. А за неласковую встречу не держи зла, согласен, нескладно все получилось. Слюнявый любит новичков на вшивость проверять, водится за ним такая партачная⁹ слабость, иногда не в меру

⁹ Партак, партач – новичок, не обладающий воровскими навыками.

кипешует¹⁰, не прочь свой кишер¹¹ ланцами¹² лоха забить. Говорил же, не суетись, нарвешься на духовитого, кусала выбьет. Еще раз раньше времени полезет на новичка, мокну в парашу, так и быть... Слюнявый, ты слышь, о чем речь веду, а-а?

– Усек¹³, я хотел как лучше, – донесся слабый голос Слюнявого.

– Так-то оно так, но смотри у меня, я тебя предупредил. Ты же знаешь, что я незаслуженно никого не обижаю. Но и нарушать воровской закон в доверенной мне хате никому не позволю, кто бы он ни был. Расплата такого обязательно настигнет ни сегодня, так завтра, лучше не испытывать мое терпение и свою судьбу.

Марван еще долго менторским голосом вещал о премудростях блатной жизни, нравах, бытующих в местах лишения свободы, а тем временем Эди, уверенный в том, что эта лекция проводится для него, постелил себе на койке, что находилась в противоположном углу. Благо, верхняя над ним и соседняя койки были свободны и не мешали обзору. Сумку пристроил в проходе со стороны ног, чтобы хоть в какой-то степени усложнить возможный бросок к себе блатных, если надумают вновь нападать, и лег в чем был поверх одеяла. Тело требовало отдыха, да и необходимо было осмыслить все, что произошло в камере, и подумать над тем, как с пользой использовать первый успех.

Вскоре Марван умолк, и в камере наступила тишина, нарушаемая то храпом, то сонным бредом кого-то из заключенных, а также приглушенным разговором очифирившихся¹⁴ блатных, которые, по всей вероятности, обсуждали происшедшие в камере события и свои возможные действия в отношении духовитого зэка. То, что они все сделают для восстановления своего статус-кво, у Эди сомнений не было. Блатные, знавшие, что утром об их позоре станет известно в других камерах, могли предпринять новую попытку его сломить. Поэтому он лежал, наблюдая из-под слегка прикрытых век за обстановкой вокруг себя, и готовый в любую секунду подняться на ноги.

Неожиданно до его слуха донеслось звяканье штырей в проходном коридоре, а за этим и гулкие шаги надзирателей в кованых сапогах... «Это, наверно, «Иуду» ведут», – успел подумать он, как кто-то открыл форточку в двери и неторопливым взглядом оглядел камеру. Затем послышались щелканье ключа в замке, скрежет запорного устройства и скрип открываемой двери.

– Извиняйте, граждане заключенные, за позднее беспокойство, я вам привел достойного вас постояльца, – нарочито небрежно бросил в камеру надзиратель в форме прапорщика, а затем резко скомандовал заключенному пройти в камеру. Как только тот сделал два шага через порог, тут же захлопнул за ним дверь.

Эди сразу же узнал его, вот только осунулся, но в остальном – все тот же независимый взгляд и подтянутая фигура, что подчеркивает ладно сидящий на нем иностранного производства спортивный костюм, и, главное, внешне выглядит спокойным, нисколько не сломлен неожиданно навалившимися на него неприятностями. Видно, внутренне действительно готовился и к такому развитию событий.

– Здравствуйте, товарищи, не подскажите, на какой койке можно лечь, – спокойным голосом произнес Бизенко, слегка выставив правое колено вперед и прижав к нему постельные принадлежности, которые до этого держал на весу.

¹⁰ Кипеш – галдеж, шум, драка.

¹¹ Кишер – мешок.

¹² Ланцы – комплект красивой одежды или вещей.

¹³ Усек – понял.

¹⁴ Чифирить – пить крепко заваренный чай.

– А ты, мил человек, сначала подгреби сюда и расскажи, кто ты и за что угодил за решето¹⁵, и с чего этот крючок¹⁶ базарил насчет достойного постояльца, а потом решим, на какой шконке тебе скулить, – предложил Марван, успевший к тому времени присесть за стол. Тут же рядом с ним примостились Слюнявый и двое других блатных. Долговязого не было, видно полученная травма не позволила ему присоединиться к братве.

Бизенко неторопливо подошел к столу и сел напротив Марвана, положив рядом свою ношу, чем вызвал явное недовольство блатных, что выразилось в их многозначительных переглядываниях, игре бровями и жестикуляции растопыренными пальцами.

– Я, – начал было говорить Бизенко, но ударом кулака Марвана в скулу был опрокинут на пол.

Тут же на него набросился Слюнявый и с криком: «Падла, тебе, кто разрешал садиться за стол», – начал бить кулаками в лицо.

Пришедший в себя Бизенко ловко вывернулся из-под Слюнявого и, приподнявшись на колено, нанес ему в подбородок встречный акцентированный удар, от которого тот мгновенно сник и завалился набок. Взбешенные этим блатные тут же набросились на новичка и, вновь сбив его на пол, стали избивать ногами. Когда Бизенко потерял сознание, пришедший в себя Слюнявый, стал стягивать с него штаны, чтобы надругаться.

Эди крикнул:

– Марван, это и есть ваш хваленый закон и ваш порядок, а ну-ка, прекратите этот беспредел.

– Мил человек, не впрягайся¹⁷, это тебя не касается, – выдавил из себя запыхавшийся Марван, – иначе тебе хана¹⁸.

– А сейчас посмотрим, так ли это, – выпалил Эди и буквально в несколько шагов оказался рядом с Марваном, который стоял около стола, наблюдая за тем, как Слюнявый и его сотоварищи пристраивали поперек скамейки головой вниз полуголого Бизенко.

Марван среагировал на возникшую угрозу тем, что попытался ударить Эди ногой в пах, но промахнулся, и был сокрушен сильным ударом кулака в грудь, что вызвало бегство блатных с поля боя.

В этот момент резко распахнулась дверь, и в камеру с криками: «Всем стоять!» – вбежало пятеро надзирателей с какими-то самодельными резиновыми дубинками¹⁹ в руках. После такой команды, к удивлению Эди, с коек попрыгали на пол даже те эки, которые до этого спали или делали вид, что спят.

Бросив беглый взгляд на окровавленного Бизенко, пытающегося одеться, блюстители порядка с вопросами: «Что здесь произошло, кто его избил?» – отчего-то угрожающе стали надвигаться на Эди, стоящего неподалеку от стола. Но их остановил пострадавший, указав на Марвана и Слюнявого.

– А этот, что тогда здесь делает? – грубо спросил один из надзирателей у Бизенко, указывая дубинкой на Эди.

– Хотел помочь мне.

– Этот поможет, если кого надо ограбить, убить, – с ненавистью в голосе бросил в сторону Эди тот же надзиратель. – Помощника из себя строишь? Мы-то знаем, какой ты помощник. Но ничего, напоем, а там в зоне не один десяток лет, если вышку не дадут.

¹⁵ Решето – тюремная решетка.

¹⁶ Крючок – надзиратель.

¹⁷ Впрягаться – выступать в защиту кого-либо.

¹⁸ Хана – в данном случае скверное положение.

¹⁹ Палка резиновая на вооружении официально была принята только в 1989 году. Ею широко пользовались сотрудники отрядов милиции особого назначения (ОМОН), созданные в 1987 году при УВД для охраны общественного порядка во время митингов и демонстраций.

«Быстро же информация о моих «преступных делах» дошла сюда, – подумал Эди, – если он так сильно возненавидел меня, даже больше, чем Бизенко, который воткнул нож человеку под самое сердце. Возможно, этот надзиратель доводится родственником кому-нибудь из инкассаторов, иначе чего бы он так скалился? Молодец Карабанов, оперативно работает. И главное, ко времени озвучена такая лестная оценка моей скромной персоны». Но ход его мыслей перебил голос Бизенко.

– Он и на самом деле пытался их остановить.

– У тебя больше никто и ничего не спрашивает, заткнись, урод, ты не лучше его, только тебе сегодня повезло, не дали натянуть... вы все здесь как пауки в банке жрете друг друга.

Не в меру разгоряченного надзирателя остановило только появление в камере перетянутого скрипучей портупеей старшего лейтенанта, который потребовал немедленно прекратить весь этот «сыр – бор» и заняться оформлением факта избиения сокамерника, после чего Бизенко, Марвана и еще одного из блатных куда-то увели. Затем тот же офицер приказал заключенным сохранять установленный в изоляторе порядок, если не хотят, чтобы по ним прошелся резиновый каток.

Покивав, как все, головой, что должно было означать, мол, все понятно и отступлений от арестантского режима не будет, Эди прошел к своей койке и лег. Голову будоражили возможные варианты дальнейших действий, которые в сочетании с только что происшедшими событиями, извлекли из памяти изречение Гитлера о том, что чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак.

Это изречение часто приводил на своих семинарских занятиях один из преподавателей Эди, аргументируя свою позицию относительно того, что любому человеку присущи слабости и потому нужно тщательно проверять тех, кто становится в чекистский строй, чтобы не допустить в него ненадежных и негодных к суровой государственной службе. И вот сейчас, размышляя над тем, что происходило в камере и слушая нравоучения, теперь уже звучавшие из уст представителя закона, Эди заключил, что при всем том преступном, что связано с жизнью бесноватого фюрера, в наблюдательности ему не откажешь.

Тем временем, сделав еще ряд наставлений и убедившись, что его слова дошли до сердца и ума каждого зэка, офицер-воспитатель покинул камеру с чувством исполненного долга, не забыв при этом окинуть ее проницательным взглядом через форточку уже закрытой двери.

Не прошло и тридцати минут после того, как смолкли его гулкие шаги в коридоре, как в камеру вернули Бизенко, уже отмывшегося от крови. Смазанные йодом кровоподтеки и ссадины придавали его лицу воинственный вид. В его движениях и поведении не было даже намек на то, что он подавлен случившемся. «Иуда» даже головы не повернул в сторону блатных, начавших сразу же после его появления в камере грозить ему повторным избиением. Более того, он предложил им приступить к делу не откладывая, иначе посчитает их трепачами, чем вызвал с их стороны бурю сквернословия. Они были остановлены окриком Долговязого, к которому в отсутствие Марвана, по всей вероятности, отошло старшинство над ними.

Бизенко же, между тем, подобрал с пола свои вещи и присел на скамью, как бы соображая, а что ему дальше делать. Посидев в одной позе несколько минут, резко встал и направился в сторону Эди.

– Вы спите? – спросил он, подходя к его койке.

– Разве при таких делах можно уснуть, – устало ответил Эди, присаживаясь.

– Если не возражаете, я расположусь на одной из этих, – вопросительным тоном произнес Бизенко, показывая рукой на пустующие койки.

– Выбирайте любую на свой вкус, меня и от своей тошнит.

– Тогда я на этой, что по соседству...

– Занимайте, если не вы, то завтра кто-нибудь другой это сделает, – не дал ему договорить Эди.

- Вот спасибо, – доброжелательно произнес Бизенко и начал расстилать постель.
- Даже странно как-то слышать это волшебное слово здесь, – ухмыльнулся Эди.
- Как впрочем и то, что вы заступились за совсем незнакомого человека, – подметил Бизенко, натягивая серого цвета наволочку на так называемую поролоновую подушку.
- У меня с ними свои счеты.
- Понятно, значит запекшаяся кровь на вашей губе – это их рук дело, – бросил, устало садясь на застеленную постель.
- Да нет, здесь, в отличие от вас, я оказался более удачливым, а губа – это подарок милиционера, который ударил ни с того ни с сего прямо в дежурной части, чем меня, по своей природе очень спокойного человека, ввел в ярость, и я готов был крушить все на своем пути.
- Ни в центральном ли ОВД это происходило? – спросил Бизенко, разглядывая мускулистую фигуру Эди, который в этот момент вешал на спинку койки снятую с себя спортивную куртку.
- В центральном, да будь они не ладны, негодяи, испортили всю командировку, – горячась, выпалил Эди, быстро сообразивший, что Бизенко вычислил его как задержанного, порядком пошумевшего в обезьяннике, и тут же добавил: – До этого случая я лучшего мнения был о нашей милиции.
- В смысле – она бережет меня?
- Ну, хотя бы не бьет и невинного человека в кутузку не сажает.
- Согласен, хотя, по словам надзирателя, у них вполне ясные представления о вас, – сказал Бизенко, улыбаясь, отчего-то решивший не развивать тему своей осведомленности о пребывании Эди в ОВД.
- И вас этот надзиратель не жаловал, да и вообще, как посмотрю, они никого из оказавшихся здесь за людей не считают, – отпарировал Эди, зафиксировав в памяти то, что его собеседник не хочет говорить о своем пребывании в милиции.
- Но в отношении вас они как-то особенно проехали, – заметил Бизенко, внимательно вглядываясь в глаза Эди.
- Не знаю, что и сказать, – отреагировал Эди, спокойно выдержав этот взгляд.
- Если не хотите, не говорите.
- А тут и говорить нечего, просто попал в дурацкую ситуацию, иначе и не сказать.
- Вы спортсмен?
- Нет, я исторической наукой занимаюсь, а в свободное время – каратэ.
- О, я тоже увлекаюсь им.
- Заметив недоверчивый взгляд Эди, который им был специально изображен, добавил:
- Уже несколько лет.
- Тогда непонятно, как Марван так легко попал вам в подбородок через стол? – сыронизировал Эди, нарочито улыбаясь, чтобы поддеть его самолюбие и заставить говорить о себе.
- Все неожиданно произошло, я настроился на общение: вопрос – ответ, ответ – вопрос, а он сразу в пятак. Мерзавец моей доверчивостью воспользовался, иначе я смог бы отбиться.
- Это хорошо, вам такой настрой еще пригодится, ведь они же собираются мстить, – утвердительно заметил Эди, делая акцент на последней фразе и наблюдая за его реакцией на свои слова.
- Вы думаете? Хотя для низких натур нет ничего приятнее, как мстить за свое ничтожество, а эти и есть самые низкие существа.
- Ничуть не сомневаюсь, у этих вырожденков правило такое, если сказал – сделай, иначе уважать не будут другие блатные, а то и замордуют. К тому же они не читали Виссариона Григорьевича, которого вы так удачно цитируете.
- Бизенко удивленно глянул на Эди и заметил:

– Для интеллигентного человека, к тому же занимающегося наукой, знать творчество Белинского – нормальное явление, но скажите, если не секрет, откуда у вас познания психологии этих урок? – с ехидцей в голосе поинтересовался Бизенко, вновь упершись изучающим взглядом в глаза Эди.

– Никаких секретов, просто один мой родственник был частым обитателем мест лишения свободы и большим любителем рассказывать о тамошних порядках, а я внимательным слушателем.

– А Марван, он что, главный из них?

– Да, а те двое – его шавки. Есть и третий, который их успокаивал, ему пока нездоровится.

– Я против Марвана и этих, кто бил, написал заявление. Надзиратель сказал, что его, как организатора, примерно накажут и больше в нашу камеру не возвратят.

– По мне бы лучше его, уже битого, вернули, чем другого неизвестного, который может оказаться покруче Марвана, – спокойно заметил Эди, стягивая с ног кроссовки.

– Возможно, но в любом случае предлагаю держаться вместе, тем более вы за меня уже вступились, – предложил Бизенко и замер в ожидании ответа.

– Я не против, вдвоем, конечно, веселее, – согласился Эди, пристально взглянув ему в глаза, в которых увидел, умело скрываемый за бравадой слов четко выраженный красными прожилками воспалений страх перед ожидающей его неизвестностью, страх перед непреодолимой силой произвола и вольницы блатного люда, насильно втиснутого в эти арестантские камеры, следы судорожного поиска точек опоры для восстановления утерянного равновесия и печать тотального недоверия ко всем вокруг себя. «Иначе и быть не может, – заключил Эди, ожидающий реакции Бизенко на свои слова, – ведь он же опытный шпион, скорее всего прошедший специальную подготовку, но оказавшийся в сложной ситуации, которая требует от него максимума осторожности, но и действий для исправления допущенной им ошибки. Цена вопроса – жизнь, и он знает об этом. Нельзя торопить события, сначала надо стать единственным человеком, с которым он может говорить о себе и своей семье, а там...»

– Тогда предлагаю спать по очереди, чтобы нас не застигли врасплох, – прервал его мысли Бизенко.

– Согласен, напомнили этим армейские наряды по два часа на брата, ну что, будем жребий тянуть, товарищ стратег? – пошутил Эди, подвигая к койке оставленную ранее в проходе свою сумку.

– А в каких войсках служили? – как бы для поддержания темы спросил Бизенко.

– В десантных. А вы?

– Знаете, не пришлось, я после школы сразу в институт поступил, а там все закрутилось, не до армии было.

– Откосили, что ли, – ухмыльнулся Эди, удивившись употребленному самим обороту речи. Откуда взялось слово-то такое и, главное, удачное в данной ситуации.

– В этом нужды не было, поскольку моя работа предполагала освобождение от армии.

– Ничего себе, со студенческой скамьи и на такую работу, где бронь, вы что...

– Нет, нет – это не было связано с какой-нибудь секретной службой, – перейдя на шепот, быстро проговорил Бизенко, – просто я нужен был как переводчик для работы с иностранцами. У меня два языка, которыми я в совершенстве владею.

– А-а, тогда понятно, а то я подумал было...

– Нет-нет, все не так, – прервал Бизенко своего собеседника.

– Что тут говорить, получается, вам просто в жизни повезло, иначе говоря, счастливый билет на выпускных экзаменах вытянули и получили возможность практически с юношеских лет бывать «за забором», где, как рассказывают побывавшие там люди, существует целый мир неизвестных нам вещей.

– Вы правы, в этом смысле мне действительно повезло, но зато сейчас, как видите, нахожусь, впрочем, как и вы, по полные уши в дерьме, – произнес дрогнувшим голосом Бизенко.

– Не знаю, что там у вас, но в отношении меня милиция творит полный беспредел. Меня, приехавшего в Белоруссию собирать материал о защитниках Брестской крепости, запихнули в этот гадюшник, – парировал Эди, а затем, как бы распаляясь, добавил: – Я им этого так не оставлю, буду жаловаться во все инстанции, если надо – дойду до Горбачева. Сволючи, хотят мою жизнь исковеркать, но я не позволю.

– Молодой человек, я вам не рекомендую горячиться. Такие вещи надо делать обдуманно. Иначе можно себе еще хуже сделать, ведь надо полагать, вам что-то вменяют, поскольку упекли сюда, – в очередной раз не дал ему договорить Бизенко.

– Да что толку об этом сейчас говорить, – выпалил Эди, отметив про себя его привычку прерывать собеседника, которую при необходимости можно будет использовать для оказания на него воздействия. Завтра потребую у следователя дать встречу с адвокатом и здешними друзьями, которые ему расскажут, что я не бандит с большой дороги.

– Мне кажется, что это верный ход, но только не горячитесь, кстати, давайте знакомиться, а то за разговором забыли друг другу представиться. С этими словами он протянул руку и назвал себя по имени и фамилии.

Эди также представился и, сославшись на позднее время и необходимость восстановить потраченные за прошедший трудный день силы, предложил отдохнуть, а при потребности в дальнейшем продолжить этот интересный диалог. И на самом деле, сказано было много, что следовало обдумать и наметить дальнейшую тактику ведения разговора.

– Вы правы, утро вечера мудренее, но, возвращаясь к моей инициативе о поочередном дежурстве, если не возражаете, я буду бодрствовать первым, – отметил Бизенко, изобразив на лице широкую улыбку.

– Хорошо, тогда я попробую уснуть, – согласился Эди и лег, скрестив руки на груди.

– А я посижу, – полушепотом произнес Бизенко, пристроив у себя на коленях упругую подушку и слегка навалившись на нее согнутыми в локтях руками, – так легче будет бодрствовать, а то можно ненароком и уснуть, хотя о чем я говорю, разве это возможно в этих условиях.

Эди, никак не отреагировал на эти слова, наблюдая за своим соседом из-под прикрытых век. Ему важно было увидеть, почувствовать, как поведет себя Бизенко, оставшись один на один со своими тяжкими мыслями. О том, что он возбужден и напряженно думает – сомнений не было. Его глубокие вдохи и выдохи, периодические поглядывания в дальний угол, откуда доносились приглушенные голоса продолжающих чифирить блатных, были ярким тому свидетельством.

– Надо же, не успел головой коснуться подушки, сразу засопел, – так же тихо промолвил Бизенко, поглядывая на Эди. – Скорее всего, десантная подготовка дает о себе знать, – утвердительно добавил он, в очередной раз бросив тревожный взгляд в дальний угол.

«Мыслительному процессу «Иуды» значительно большей помехой, чем я думал, являются блатные, иначе он не стал бы так часто оборачиваться в их сторону, отрываясь от своих непростых дум, – решил Эди, продолжая наблюдать за ним, – он их боится. И потому можно рассчитывать на его активный дрейф в мою сторону в надежде обеспечить себе физическую защиту. Первый шаг в этом направлении он сделал сам... Выходит, мы верно рассчитали перспективу, теперь следует продолжать линию на дальнейшее сближение, чтобы стать для него единственным каналом связи с внешним миром, а после можно будет решать задачи иного уровня, но это дела завтрашнего дня. Сегодня нельзя спешить, выдержка и неторопливая работа принесут ожидаемый результат», – заключил Эди, прислушиваясь к биению пульса жизни камеры, покой которой нарушали приглушенный разговор в блатном углу, чей-то кашель и переливы басистого храпа на верхних койках, а иногда визгливый крик Слюня-

вого, требующего тишины, после чего сразу прекращался и храп, и кашель, чтобы потом через некоторое время вновь повториться.

«Странно устроена жизнь, – подумал Эди, – люди живут на кем-то умело построенных социальных этажах, часто не ведая о том, что происходит у нижних или верхних соседей. Не окажись здесь, никогда не стал бы над этим задумываться. А ведь кому-то это надо, и кто-то заложил эту формулу бытия в основу нашей жизни. Надо же, как все просто, особенно применительно к этажу, житель которого ворует на всех других этажах, чтобы выжить или потому, что он не хочет просто иначе зарабатывать. За это кто-то его ловит, кто-то судит во имя торжества справедливости, кто-то стережет, чтобы не убежал и исправлялся. В целом-то немалая когорта людей, которые, по сути, ничего материального не создают, занята важным делом. Несомненно, важным делом, спору нет. Таких, как Марван, и ему подобных людей нужно подальше держать от общества. Но вот беда, криминальная обстановка не улучшается: молодые ребята, а их немалое число, избирают путь марванов. Выходит, не все в порядке в самой нашей жизни. Не принесла ясность в бытие и умонастроения людей и горбачевская перестройка, наоборот стало больше неразберихи. И надо полагать, все это имеет место оттого, что сами устроители этой перестройки до конца не отдают себе отчет в том, что делают. Живут не так, как говорят, или говорят не так, как сами живут, что в свою очередь отталкивает человека от них самих и их голых призывов к честной жизни во благо всех в новых перестроечных условиях. Поэтому многие люди, особенно молодые, теряют моральные и нравственные ориентиры и становятся на скользкий путь. «Иуду», конечно, к таким сложно отнести, по всему, он осознанно избрал свою дорогу, которая привела его в стан врагов. Его просто так не удержат в силках, за ним стоит сила, которую необходимо одолеть. В сравнении с ним в зэках, при всей их разнузданности, можно отыскать хоть какие-нибудь патриотические начала и взывать к ним...»

Много о чем еще передумал Эди за эту ночь, листая страницы истории страны, былого из своего детства и юности. Отчего-то вспомнилось, как он, еще совсем мальчишка, ходил по завьюженной казахстанской дороге к своему больному товарищу Лёше Мотылеву, чтобы вручить ему пионерский галстук. В тот день Мотылев не смог прийти в школу, так как простудился, и не был на построении школьников, где вступающим в пионеры повязывали красные галстуки. Зная о том, что Мотылев очень ждал этого дня и расстроится, не получив желанную награду, Эди по договоренности с председателем совета отряда отправился на МТС²⁰, что стояла от школы в трех километрах. В начале пути все шло хорошо: небольшая поземка и боковой ветерок не мешали мальчику идти к виднеющимся домам станции. Но ветер неожиданно стал дуть сильнее, резче бить в лицо, слепя глаза и засыпая накатанную дорогу снежной пылью, отчего идти становилось все труднее и труднее. Так проявляла свой нрав восточно-казахстанская зима, порой неожиданно обрушивающаяся на жителей степи непроглядными снежными выюгами и недельными буранами, заполняющими собой все пространство между небом и землей. Но Эди шел вперед, преодолевая напор стихии, и вскоре добрался до дома Мотылева, который искренне обрадовался возможности в тот же день, как и его товарищи, повязать на своей шее красный галстук. Для этого он даже специально надел школьную форму. И куда только девалась его простуда?!

Домой Эди проводил отец Лёши по имени Вейс, моторист МТС. Ранее, как рассказывал Лёша, он работал инженером на каком-то машиностроительном заводе. Он даже не стал слушать Эди, который намеревался сам возвращаться в село. Твердо сказал, что одного не отпустит, так как это очень опасно, мол, можно сойти с дороги на наст и уйти в степь, которая скоро утонет в этом набирающем силы белом безмолвии. Всю дорогу шли молча, да и пытаться говорить было бесполезно – шум ветра был такой, что и своего крика можно было не услышать.

²⁰ МТС – Моторно-тракторная станция.

Приведя Эди к дому, Вейс одобрительно похлопал его по плечу и хотел было уйти. Со стороны моториста, известного в селе некоторой замкнутостью, это похлопывание было проявлением большой признательности. Поощренный таким вниманием, Эди кивком головы поблагодарил его и пригласил в дом. Когда они вошли в сени, там встретились с родителями Эди, которые, обеспокоенные отсутствием сына, собрались идти в школу.

После взаимных приветствий Вейс рассказал им о причине своего прихода и поблагодарил их за сына, заключив это словами, которые запомнились Эди на всю жизнь. Он сказал: «Знаете, я сегодня понял, что дети значительно чище, честнее и мужественнее нас, взрослых, – они совершают хорошие поступки, не задумываясь над их сложностями, потому что они просто заряжены на это. Взрослым остается научиться помогать им реализовывать себя. Тогда они вырастут достойными людьми, которые многое смогут сделать и для себя, и для страны. Сегодняшний поступок вашего Эди и его забота о моем сыне, поддержка в стремлении быть пионером, заставили меня в это поверить и внести некоторые изменения в мое отношение к тому, что происходит со мной и вокруг меня. Думаю, и мой сын сделает свои выводы из происшедшего, я надеюсь на это...»

«И на самом деле, мы, дети той поры и родившиеся несколько позже, жили, веря в идеалы и в свое призвание творить добро, не пытаясь ошибки властей по отношению к себе использовать для формирования в своих душах основ ее неприятия, а то и борьбы с ней, ибо знали, что часто зло от имени как государства, так и народа творили конкретные люди, которых история поименно назвала и прокляла, – размышлял Эди. – Думается, что Лёша и ему подобные дети не стали ни зэками, ни иудами, потому что рядом с ними были взрослые, знающие настоящую цену этой многосложной жизни. В это хочется верить и надеяться».

Между тем Бизенко весь остаток ночи так и просидел, упершись локтями в подушку, отчего-то не захотев будить Эди, который пролежал до утра в одной и той же позе, лишь на короткие мгновения впадая в чуткий сон. Лишь с приходом рассвета, увидев, что Эди открыл глаза, он слегка кивнул ему и распластался на койке.

Глава V

Скоро камера ожила перебранками у умывальника и параши – это приводили себя в порядок обычные зэки. Блатные же продолжали пребывать в своем углу, видимо, намаявшись от ночного бдения. Только Слюнявый сидел за столом, глазами шаря по койкам, и отпуская нецензурные словечки в адрес очередников у параши.

Эди обулся и направился к зарешеченному окну, которое выходило на середину камеры. Для этого ему нужно было пройти мимо стола. Увидев идущего в его направлении Эди, Слюнявый театрально привстал и жестом указал на скамью, мол, присаживайся. Не обращая на это внимания, он прошел к окну. Сюда через натянутую поверх ржавой решетки мелкую капроновую сетку на форточке поступал свежий воздух. Постояв некоторое время под его освежающим потоком, Эди снял спортивную куртку и, повесив ее на спинку близстоящей койки, начал в медленном темпе выполнять физические упражнения, чтобы размять затекшие за ночь члены и одновременно продемонстрировать Бизенко, что, в отличие от него, он чувствует себя в камере уверенно. И делал их увлеченно, не обращая внимания на любопытные взгляды сокамерников, с хорошей амплитудой движения ног и рук и мощным акцентом при выдохе. Лишь только когда Слюнявый начал кривляться, пытаясь подражать ему, Эди окинул его пристальным взглядом, чего хватило тому, чтобы ретироваться и уйти к своим приятелям. Это вызвало смех со стороны невольных зрителей, на что Слюнявый отреагировал визгливым: «Дешевки, чё храпки²¹ дерете? Заткнитесь, пока я...»

– Братан, не кипешуй²², мы с ними потом потолкуем, – прервал Слюнявого на полуслове Долговязый.

– Падлой буду, если каждого не шпокну²³, надо мной смеяться посмели, да я за это... – не унимался Слюнявый.

– Сказал же, потом разберемся, значит разберемся, – вновь донесся тот же голос, но Слюнявый продолжал сквернословить, корчить в сторону смеявшихся гримасы и изображать вульгарные жесты.

Заключенные, в адрес которых звучали эти угрозы и оскорбления, испуганно притихли, но продолжали наблюдать за тем, что делает Эди. Он же, завершив тренировку, подошел к койкам, где ютились блатные, и с металлом в голосе произнес:

– Ребята, я предлагаю вам угомониться, особенно тому, кто сквернословит, угрожает, иначе будут проблемы. Бог свидетель, я этого не хочу. Я здесь человек случайный, и мне не хочется усугублять свое положение. Но если вынудите, то я за себя не ручаюсь.

После этих слов он некоторое время постоял, глядя в лица блатных, как бы дожидаясь их реакции на свои слова, поскольку понимал, что от результатов этого поступка зависит как его положение в камере, так и сама обстановка в ней. К тому же он внутренне был готов к действиям, особенно, наказать Слюнявого за его разнузданность и сквернословие. Но, к его удовлетворению, никто из оставшихся в камере после ночной потасовки блатных словом не обмолвился. Тем самым признав, что их авторитет и диктат в камере завершился. Это поняли и другие заключенные.

Так и не дождавшись ответа, Эди вернулся в свой угол.

– Оказывается, вы сильно поскромничали, когда сказали, что вам просто повезло с пропиской. Откровенно говоря, не ожидал, что ваше вчерашнее общение с ними было таким

²¹ Храпок – глотка.

²² Кипеш – галдеж, шум, драка (производные от шуметь, бурлить).

²³ Шпокнуть – изнасиловать.

эффективным, но только что прозвучавший монолог и их молчание многое прояснило, – на одном дыхании выпалил Бизенко, разглядывая слегка покрытый испариной его торс.

– Я живу по правилу Бенджамина Франклина, который сказал, что заткнуть глотку дураку – невежливо, но позволить ему продолжать – просто жестоко. К тому же терпеть не могу, когда люди сквернословят.

– Даже так? – удивленно произнес Бизенко. – Откровенно говоря, не ожидал подобное здесь от кого бы то ни было услышать.

– Да отчего же вы не разбудили меня, ведь мы же договаривались? – прервал его Эди, меняя тему разговора.

– Я все равно не уснул бы после таких переживаний, а вам был нужен отдых. Будем считать, что вы мой должник.

– Не люблю быть должен, – улыбнулся Эди, доставая из портфеля полотенце. – Пойду обмоюсь, пока не обсох.

– Да-да, конечно, но я пока воздержусь, – скороговоркой произнес Бизенко, аккуратно пальцами коснувшись ушибов на своем лице.

– Ссадины, по своему опыту знаю, лучше промыть мылом, от этого они быстрее заживают, – посоветовал Эди и направился к умывальнику.

Не успели эки толком помыться и позавтракать, как открылась дверь, и в ее проеме появился надзиратель, который, окинув камеру изучающим взглядом, крикнул: «Бизенко, на выход к следователю».

– Вот, гады, толком кусок хлеба дожевать не дадут, – прошептал он, поднимаясь с постели. – Эди, вы, пожалуйста, присмотрите за моими вещами, а то эта публика все сметет за милую душу, потом концов не найдешь.

– Конечно, я посмотрю, – согласился Эди, отметив для себя, что «Иуду» взволновал ранний вызов к следователю.

– Бизенко, бегом на выход, что ты там возишься, – вновь крикнул надзиратель.

– Иду, – недовольным голосом произнес Бизенко, двигаясь к выходу.

– Ты там недолго, мы по тебе будем ску-ча-ать, – проскрипел из своего угла Слюнявый вдогонку уже переступившему порог Бизенко.

– Пойдем на пару, я по дороге тебе кое о чем расскажу, шакаленок, – огрызнулся Бизенко.

– Молчать, лицом к стене, будь моя воля – обоих бы в одной параше утопил, бандюги, – прошипел надзиратель, закрывая дверь, что заставило сразу же замолчать даже неугомонного Слюнявого.

Еще некоторое время в охваченную тишиной камеру доносился стук каблучков сапог надзирателя, который своей короткой фразой дал понять и блатным, и не блатным обитателям камеры, что только закон удерживает его от самосуда над ними, поскольку ему уже ясно, что они бандюги и заслуживают кары.

«Как просто устроено миропонимание этого надзирателя: он уже определил для себя, что здесь одни преступники, которых надо наказывать... Наверно, в отношении таких людей Тит Лукреций сказал, что больному желтухой все вокруг кажется желтым», – заключил Эди, прислушиваясь к затихающему стуку каблучков.

В ожидании своего вызова Эди прилег, предварительно достав из сумки книгу про каратэ. Он понимал, что его очередь на выход состоится не раньше, чем в камеру вернут Бизенко. Поэтому решил посвятить имеющееся время чтению, но глаза пробежали по строкам, ничего толком не воспринимая, и ему вновь и вновь приходилось возвращаться к прочитанному, так как отвлекали различные мысли, вплоть до того, как Бизенко может вести себя у следователя, удалось ли Артему получить новые данные об обстоятельствах покушения «Иуды» на убийство своего минского знакомого.

Скоро к следователям вызвали и нескольких других заключенных, а Бизенко все не возвращали. За это время у следователя успел побывать даже Слюнявый, который, вернувшись в камеру, сразу же уединился со своими братками и о чем-то некоторое время с ними шептался.

После этого неожиданно на разговор к Эди напросился Долговязый, от которого он отказываться не стал, но к себе допустил только его одного, так как опасался их внезапного нападения. В разговоре Долговязый рассказал о совершенном Бизенко покушении на давшего ему приют минчанина и рекомендовал остерегаться его, так как тот способен на подлость, мол, об этом его братки доподлинно знают. Доверительно сообщил, многозначительно глянув Эди в глаза, что ему от них же известно и об ограблении инкассаторов, в результате которого кто-то «загомзил²⁴ куш²⁵». И они готовы впрячься²⁶ за него, если такая необходимость появится.

На вопрос Эди, отчего такая забота и каков их интерес, Долговязый кратко ответил, что делает это по поручению местного пахана, который намерен с ним встретиться и кое о чем переговорить, в том числе, предложить не мешать им «править балом в хате».

Эди дослушал Долговязого, но не стал с ним далее обсуждать эту тему, допуская, что блатными готовится почва для его прощупывания относительно инкассаторов, а может быть, и втягивания в какие-то свои игры. Поэтому просто объяснил собеседнику, что сначала сам попытается разобраться в своих делах и, если будет в этом потребность, то обратится к ним за помощью. Темы о «бале в хате» специально не касался, посчитав, что прежде необходимо совместно с Артемом проанализировать сложившуюся в камере ситуацию. «Интересно будет также услышать от Карабанова о том, как блатные в условиях изолятора могут так оперативно обмениваться данными о заключенных, – подумал Эди и тут же заключил: – Выходит, что кто-то из сотрудников изолятора или следователей сливает им такую информацию. В камеру последние сведения мог принести Слюнявый, который после возвращения с вызова к следователю начал шептаться со своими приятелями...»

После завершения разговора Долговязый вернулся к себе и, некоторое время поговорив с приятелями, сел за стол и стал молча тасовать карты. Спустя пару минут к нему присоединился Слюнявый, и они начали играть в секу²⁷. Остальные эки оставались на своих койках: кто-то читал, кто-то вел душещипательные разговоры с соседями. При этом каждый раз, когда из коридора доносился шум шагов, они тут же умолкали и начинали прислушиваться к этим шагам.

Очередной шум закончился у двери третьей камеры, из-за чего все ее обитатели буквально уставились в проем, а Слюнявый даже бросил карты на стол и повернулся ко входу всем телом.

Между тем открыли дверь, и в камеру вошел Бизенко, с видом человека, который только что сбросил с плеч тяжелый мешок.

– А вот и наш красавец объявился – не запылится, – взвизгнул Слюнявый, продолжая сидеть в прежней позе.

Бизенко окатил его безразличным взглядом и, направляясь к своей койке мимо стола с блатными, произнес:

– Ты доиграешься, гадёныш, что я тебе башку отшибу.

Это не осталось незамеченным остальными заключенными, которые ждали возвращения Бизенко только для того, чтобы понаблюдать за поведением Слюнявого после монолога Эди у коек блатных и его разговора с Долговязым. Теперь они окончательно убедились, что безоговорочной власти марванов в камере пришел конец, по крайней мере, пока в ней будет Эди.

²⁴ Загомзить – скрывать, прятать богатство.

²⁵ Куш – богатая добыча.

²⁶ Впрягаться – выступать в защиту кого-либо.

²⁷ Сека – азартная карточная игра.

– Я с тобой, падла, потом посчитаюсь, – пробормотал Слюнявый в спину Бизенко и резко подхватил со стола свои карты. – Знай, скоро лафа²⁸ кончится, и я тебя по частям разберу.

– Никак не угомонится, – произнес Эди, наблюдая за тем, как Бизенко дрожащими руками складывает на тумбочке какие-то листы исписанной бумаги, а в голове в этот момент пронеслось: «Шпион нервничает, а это хорошо».

– По-моему, его подбивает мордатый, – раздраженно заметил «Иуда», бросив беглый взгляд в сторону Слюнявого. – Не понимаю, чего они взъелись на меня.

– Иначе не могут, природа такова – им давай насилие.

– Честно говоря, даже не знаю, как они себя поведут, когда вас здесь не будет, – с тревогой в голосе промолвил Бизенко. – Кстати, еще не вызывали?

– Пока нет, видимо, достряпывают свою фальшивку, но я решил ни на какие вопросы вообще не отвечать, пока адвоката не дадут.

– Ну, дадут они вам своего соглядатая под видом адвоката, думаете, что-либо изменится? Вот и я настаивал на том же, даже назвал фамилии людей, которых знаю. Бесполезно, они привели какого-то типа, а у него на роже написано, что он мент.

– Но я и на самом деле ни в чем не виноват, не знаю и не знал никаких инкассаторов. Это просто дурдом. Хотят грабеж мне пришить, – раздраженно произнес Эди. – Нарушают все мыслимые и немыслимые права человека.

– В этом с вами не поспоришь, но рекомендую, прежде всего, не нервничать, а спокойно попытаться объяснить свою правду, возможно, они и станут слушать, – посоветовал Бизенко, внимательно наблюдая за Эди, у которого по скулам ходили желваки.

– Знаете, я и так сдерживаю себя, чтобы не начать бомбардировать дверь и требовать освобождения.

– Скажите, Эди, вы какой материал собираете? – спросил Бизенко, пропустив мимо ушей слова о его намерении бомбардировать дверь.

– О своих земляках – защитниках Брестской крепости, о которых отчего-то военные историки решили умолчать, – ответил Эди, сделав для себя вывод о том, что Бизенко вчера невнимательно его слушал или сейчас решил уточнить ранее им сказанное.

– Это очень благородно с вашей стороны, надеюсь, сможете докопаться до истины и вернуть из небытия имена настоящих героев, первыми вставших грудью на защиту нашей родины.

– Для меня главное то, что я смогу их живым родственникам рассказать, где погибли и похоронены эти герои. Ну и, естественно, издать книгу, а может и защитить диссертацию. В наше время это серьезное достижение для молодого человека, думающего о своей перспективе.

– В данном случае немаловажно и то, что вы сможете при этом значительно поправить свое материальное положение, – бросил Бизенко, окинув Эди оценивающим взглядом.

– Несомненно, одними духовными кирпичиками дом не построишь, в данном случае необходимо иметь что-то конкретное материальное, – пошутил Эди.

В этот момент вновь неприятно скрипнула дверь, и тут же донесся резкий голос надзирателя: «Атбиев, к следователю». Эди сразу же встал и, перед тем как зашагать к выходу, передал Бизенко книгу о каратэ и порекомендовал ему не ввязываться в драку с блатными, как бы они его не провоцировали.

– Хорошо, так и сделаю, – произнес Бизенко, – только не забывайте о том, что я вам говорил.

– Спортсмен, пока тебя не будет, я намарафечу²⁹ кое-кого, – донесся из угла голос Слюнявого.

²⁸ Лафа – в данном случае счастье, удача.

²⁹ Намарафетить – в данном случае побить.

– Только не ошибись адресом, иначе худо будет, – резко бросил в тот же угол Эди и вышел в коридор.

Глава VI

Через десять минут двое надзирателей доставили Эди в кабинет к следователю, где, кроме него, находились Артем и Николай. Дождавшись, когда уйдут надзиратели и за ними плотно закроется дверь, они бросились его обнимать и делиться своими впечатлениями о прошедшей ночи.

– Мы изрядно перенервничали, слушая, что там происходило. – Честно говоря, были моменты, когда Карабанов готов был ворваться в камеру, ему показалось, что у тебя назревают большие проблемы: он же был у камеры и все в дверной глазок наблюдал. Но ты все отработал хорошо, молодец, – выпалил Артем, похлопав Эди по плечу.

– Вот за это Карабанов и предлагает тебя оставить в изоляторе на некоторое время и после завершения наших здешних дел, – пошутил Николай. – Мы его не стали сюда пускать, чтобы не вызвать вопросов у его оперов, мол, чего они все на одного набросились.

При этом, увидев, что Эди обратил взгляд на сидящего за столом молодого человека, Артем произнес:

– Это следователь, капитан Бородин, он расследует дела по ситуации с Шушкеевым и ограблению инкассаторской машины.

Бородин, поднимаясь из-за стола и протягивая руку Эди, выпалил:

– Меня зовут Михаил, то есть Михаил Михайлович, о вас я уже слышал, будем знакомы.

– Гражданин следователь, сразу же должен вам заявить, что не имею никакого отношения к ограблению инкассаторов и протестую против этого произвола. Отвечать на ваши вопросы не стану, пока не предоставите мне конкретных доказательств моей вины, – нарочито громко произнес Эди, отчего недоуменно вытянулись лица всех присутствующих. И тут же, улыбнувшись, пожал протянутую ему руку.

Затем, присев за стол и подмигнув своим коллегам, добавил:

– Это для надзирателей, теперь можете меня припереть вашими аргументами, а я буду отбиваться, как могу.

– Ну, ты даешь, Эди, – с шумом выдохнул Артем. – Я уж подумал было, что ночь в арестантской камере на тебя так плохо подействовала.

– Откровенно говоря, ночь прошла в большом напряжении, но утро...

– Да я же шучу, – прервал его Артем.

– А я нет, утро действительно было интересным, надеюсь, вам удалось сделать запись разговора с Долговязым, это может оказаться полезным по делу инкассаторов.

И он в подробностях рассказал об этом разговоре и своем наблюдении, как Слюнявый, встречавшийся сегодня с кем-то из следователей или должностных лиц изолятора, принес в камеру информацию, которую Долговязый использовал в разговоре с Эди.

– Это и на самом деле интересно, нужно сейчас же у Карабанова забрать ленту с записью, а то, не дай бог, прослушают те, кому это не полагается, и начнут обсуждать, а стены здесь тоже имеют уши, – взволнованно произнес Бородин.

– Не начнут, там наши операторы, они же и расшифруют, но торопиться не будем, чтобы не наломать дров, – медленно, как бы раздумывая, промолвил Артем. – Мы имеем только информацию об интересе блатных к Эди в связи с возможным его отношением к ограблению инкассаторов.

– В любом случае необходимо быть готовым к разговору с паханом, неспроста у них появился этот неожиданный интерес, – вступил в разговор Николай. – К тому же эти прозрачные намеки на то, что кто-то из грабителей перепрыгнул куш. Уж не подумали ли они...

– Скорее всего, так оно и есть, – заметил Бородин. – Еще тогда местные воровские авторитеты, изрядно напряженные милицией, из кожи лезли, пытаясь выяснить, куда делись уцелевший бандит и особенно – инкассаторские сумки. Но ничего из этого не получилось. Он словно в воду канул со своей добычей. И вот теперь, через несколько лет, задержанный по подозрению в совершении того ограбления находится в тюрьме... Понимаете ход моих мыслей?

– Понимаем, но в изоляторе не тот, кто им нужен... – отпаривал Артем.

– Но они-то не знают этого и потому будут видеть в нем до поры до времени именно того самого бандита и предпринимать в отношении него какие-то действия, – поддержал следователя Николай.

– Возможно, но давайте послушаем, что скажет на этот счет он сам, – предложил Артем и кивком головы призвал Эди к разговору.

– Я не против разговора, но, во-первых, я не отказался бы сначала от калорийного бутерброда. Надеюсь, Николай, ты принес чего-нибудь вкусного из своего знаменитого холодильника, а то арестантский завтрак меня не воодушевил, – пошутил Эди, обращаясь к Парамонову, – ну а, во-вторых, товарищи, как мне представляется, дальнейшее развитие ситуации покажет, кто стоит за словами Долговязого и как на него реагировать. Никто же не собирается сломя голову бросаться к нему. Надо будет обмозговать, как в данном случае быть и принять взвешенное решение. Но поскольку у нас еще есть время до принятия такого решения, предлагаю вооружить меня на всякий случай подробной информацией о пахане и оперативно-розыскных мероприятиях, проведенных по установлению грабителя-беглеца. Надеюсь, это реально сделать к завтрашнему допросу?

– Есть предложение согласиться с Эди и обеспечить его необходимой информацией, – произнес Артем, выкладывая из портфеля на стол завернутые в бумагу бутерброды и бутылку с молоком.

– Все понял, иду дальше трясти Бизенко, к тому же Карабанова надо поспрашивать относительно пахана, – сказал Бородин, поднимаясь из-за стола.

– А как себя ведет Бизенко? – спросил Эди, повернувшись к Бородину.

– Пока избрал линию – ничего не знаю, ничего не видел, я хороший малый, а кто засадил его в тюрьму, получит по заслугам. Серьезный субчик, но будем с ним работать сообща по плану, – промолвил Михаил Михайлович, направляясь к выходу.

– Миша, мы позже с Артемом подойдем, а надзирателей держи подальше от этой комнаты, ты же знаешь, народ-то они любознательный... – попросил его Николай.

– Понимаю, с самого начала так и сделал, – ответил он, уже открывая дверь.

Оставшиеся Эди и его коллеги на всякий случай включили переносной радиоприемник и приступили к анализу полученной в последние сутки информации. Артем начал с того, что подчеркнул:

– Как мы и полагали, допрос Бизенко ничего нового не дал, он категорически отрицает свое покушение на жизнь Шушкеева и даже знакомство с ним. Видимо, рассчитывает на то, что никто не заметил, как он входил и выходил из его подъезда. Доказать обратное нам не составляет труда.

– Конечно, мы имеем фотографии «Иуды», отснятые у подъезда, а также во время его встреч с Шушкеевым в Минске и Москве. При необходимости их можно будет показать ему для склонения к даче правдивых показаний, – заметил Николай.

– Все правильно, но стоит ли показывать на данном этапе, он же сразу поймет, что все это время находился под нашим контролем... – с сомнением в голосе промолвил Артем.

Включившись в происходящий разговор, Эди произнес:

– Чтобы двигаться дальше, следствие должно предъявлять ему факты, изобличающие его вину, но «Иуда» уверен, что следов в квартире он не оставил, что подтвердил и Бородин, рас-

сказывая о результатах осмотра места происшествия. И потому, на мой взгляд, при очередном допросе ему следует сначала предъявить первые фотографии. Если же будет вновь отрицать знакомство с Шушкевым и утверждать, что с подъездом просто ошибся, предъявить и остальные, чтобы у него не осталось никаких иллюзий относительно избранной им линии защиты и возможностей следствия. А в камере у меня будет возможность понаблюдать за тем, как он все это воспринял.

– Я согласен, это нормальный ход, нужно только согласовать с верхами, – утвердительно заявил Николай, бросив взгляд на Артема.

– Да, фотографии явятся для него полнейшей неожиданностью и свидетельством того, что он находится под наблюдением КГБ. И это заставит волноваться и принимать меры к поиску канала связи для предупреждения своих хозяев об опасности.

– И сожалеть о том, что не прикончил Шушкеева, с которым на днях уже можно будет вести разговор, – пошутил Николай.

– Если они одна пара сапог по шпионскому и золотовалютному ремеслу, то ничего от него не получим. Шушкеев, скорее всего, будет косить под пострадавшего. В данной ситуации это выгодно и одному, и второму, – заметил Эди, откусывая от очередного бутерброда.

Артем, удивленно глянув на Эди и подмигнув Николаю, произнес:

– Эди, у тебя словарный запас разнообразнее стал?

– С кем поведешься, от того и наберешься, у меня там такие учителя, что скоро буду фенеботать³⁰, – шутиливо изрек Эди и тут же посерьезнев, продолжил: – для современного контрразведчика может оказаться весьма полезным делом. Представляешь, паханы легализуются и займут в обществе командные посты, а ты рядом с ними.

– Ты, что, не в духах? – озабоченно промолвил Артем, что не осталось незамеченным и для Николая.

– А что, видение полезной перспективы и ее отражение в словах теперь стало вызывать вопросы? А представляешь, если бы я уже знал жаргон, – отшутился Эди.

– Ты меня не пугай, брат, плохим настроением, это тебе противопоказано, – в тон ему произнес Артем.

– Да отстань от него, он дело говорит, а ты ему – как твое настроение... Скажи честно, а каким оно должно быть, если через полчаса возвращаться в этот гадюшник? – с напряжением в голосе спросил Николай.

– Прекратите ребята, я в духах и мое настроение соответствует моменту, давайте продолжим разговор, как говорит наш секретарь парткома товарищ Копылов, в конструктивном плане, тем более, процесс пошел, – выпалил Эди, улыбаясь.

– Давайте! – весело произнес Артем, затем, сделав короткую паузу, продолжил: – Очевидно то, что скоро факт ареста «Иуды» станет достоянием его хозяев, если уже не стал. С учетом этого нами усилено наблюдение за разведчиками, действующими под прикрытием сотрудников посольств ряда стран НАТО, с тем чтобы своевременно зафиксировать их активность по определению места пребывания своего агента, сути предъявленного ему обвинения и возможности помочь.

В Минске организовано круглосуточное оперативное наблюдение за представляющими оперативный интерес связями «Иуды» и в окружении его знакомых в органах местной власти. В результате уже установлены настойчивые попытки некоего Золтикова получить информацию о ситуации с арестованным через высокопоставленного чиновника. В этой связи Золтиков нами взят в оперативную проверку.

– Не мешало бы мне иметь о нем максимум данных, – предложил Эди.

³⁰ Фенеботать – говорить на жаргоне.

– Считай, что кое-что у тебя уже есть, – промолвил Николай, доставая из нагрудного кармана пиджака сложенный вчетверо лист писчей бумаги. – Здесь также имеется информация и о Рожкове.

Эди тут же развернул лист и, внимательно прочитав напечатанный на нем текст, вернул его Николаю с вопросом:

– А Юра действительно занимается историей?

– Да, он изучает историю республики.

– Прекрасно. Тогда попросите его почитать материал о боях по защите Брестской крепости. Это ему понадобится, если допустить, что я назову его как своего местного коллегу, чтобы доказать пахану и «Иуде», что я не бандит. Тогда блатные могут выйти на Юру с целью перепроверки моей легенды в части того, что я занимаюсь сбором исторической информации.

– Думаешь, станут перепроверять твою легенду? – спросил Артем.

– Если они заинтересовались мной как фигурантом дела об инкассаторах, то вполне возможно. Кроме того, нельзя исключать и вариант, когда «Иуда» постарается это сделать, посулив кому-нибудь из блатных серьезные деньги, с тем чтобы быть уверенным.

– Эди, ты в очередной раз показал, что мыслишь наперед и просчитываешь возможные шаги наших противников, это очень хорошо, – не дал ему договорить Николай. – А насчет Юры не беспокойся, мы его проинструктируем.

– Вы правы, ребята, надо предусмотреть и такой вариант развития ситуации, – согласился Артем.

В дальнейшей беседе коллеги обсудили сложившуюся в камере ситуацию и пришли к выводу, что избранная легенда позволила Эди получить влияние на блатных и определенное признание объекта. Отработали вариант срочного вызова Эди из камеры по его условному сигналу «Жалко терять драгоценное время», который должны отловить операторы аудиоконтроля и немедленно доложить по телефону Николаю или Карабанову.

Неожиданно вошедший в кабинет Бородин прервал беседу чекистов. Он быстрым шагом прошел к столу и почти шепотом сообщил:

– По данным Карабанова, в настоящее время в изоляторе находится арестованный за незаконное хранение пистолета вор в законе Справедливый, который из своих пятидесяти лет добрую половину провел в местах лишения свободы. Слывет очень хитрым и коварным человеком.

– По кличке и не скажешь, что он такой нехороший, – пошутил Николай.

– У них не клички, а погоняло, – заметил Бородин и продолжил рассказывать о том, что Справедливый известен не только в Белоруссии, но и в других регионах страны. Среди местных воров его слово – закон. Он без больших проблем управляет местным воровским сообществом даже из камеры. На воле под ним ходит до двух-трех десятков больших и малых воров со своими сторонниками.

– Михаил Михайлович, вы нам обрисовали не вора, а целого маршала со своим войском, – иронично заметил Артем.

– Это не я, а Карабанов, который прекрасно знает эту публику, – отпарировал Бородин.

– Вполне реальная картина нарисована: эти люди живут по своим правилам, а решетки, камеры, лагеря для них обычное явление, они привыкли к ним и воспринимают их так же, как мы – наши коммуналки и хрущевки, – произнес Эди, выливая в стакан остатки молока из бутылки.

– Смотрю, вы уже почувствовали их нравы, – заметил Бородин. – Это поможет вам выживать среди них, тем более вы уже зарекомендовали себя в камере, об этом мне Карабанов рассказал. Но имейте в виду, что против вас настроены некоторые надзиратели, которые при удобном случае могут попытаться и побить.

– То есть как побить, этого нам только не хватало, – резко выпалил Артем, упершись глазами в Бородин.

– Я говорю о том, что в оперчасти есть такая информация, но мы же не можем сказать надзирателям, вы не вздумайте трогать его, он офицер госбезопасности. Естественно, Карабанов сегодня же проведет общепрофилактическую работу со всеми сменами. Да и я буду отслеживать ситуацию, чтобы не допустить эксцессов. Но знать о том, что такие настроения среди надзирателей есть, по-моему, вы должны.

– Спасибо, Миша, что предупредил. Мы зайдем к Карабанову до отъезда и поговорим с ним. А ты, Эди, будь спокоен и не волнуйся, все будет в порядке, – подбодрил его Николай.

– Конечно, я буду спокоен, но до тех пор, пока кто-нибудь из них не замахнется на меня, – ровным голосом произнес Эди, а затем, глянув на своих коллег, в том же тоне добавил: – Ребята, мы вроде обо всем договорились, мне надо возвращаться в камеру к моим любимым блатным, а то, не дай бог, они порвут на части не менее любимого Бизенко, так что, Михаил Михайлович, зовите надзирателей.

Артем и Николай в знак согласия закивали головами и, через стол горячо пожав ему руку, пожелали удачи. Тем временем Бородин вызвал надзирателей.

Глава VII

Возвращение Эди в камеру ее обитатели встретили с затаенным вниманием. По всему было видно, что они ожидали этого в надежде увидеть в его лице или движениях какие-то отголоски встречи со следователем. В свою очередь и он опытным взглядом окинул камеру, пытаясь прочесть в обращенных на него взглядах возможно происшедшие здесь за время его отсутствия изменения, но ничего такого не узрел. Правда, не успел он сделать и нескольких шагов от двери, как около стола оказался Слюнявый, который, театрально разведя руки в стороны, произнес:

– Век свободы не видать, бьюсь об заклад, что следаку³¹ тебя взять на глотку³² не удалось.

– Прекратите паясничать и без вас тут тошно, – нарочито грубо выпалил Эди, направляясь к своей койке.

– Я ничего, я так, для порядка, – отреагировал Слюнявый, пятясь назад и исподлобья глядя в лицо Эди.

– По всему вижу, у вас состоялся тяжелый разговор со следователем, надеюсь, при этом вы были сдержанны, – участливо промолвил Бизенко, дождавшись, когда Эди присядет на койку.

– Да, вы правы, – сказал он после непродолжительной паузы и лег, прикрыв предплечьем глаза, а потом, как бы опомнившись, спросил: – А эти не доставали?

– Изгалялись на словах, но руки не распускали. Думаю, подействовали ваши слова.

– Слава богу, хоть что-то на них действует.

– Действует сила и авторитет: они же думают, что вы тот самый грабитель. По крайней мере, этот худой на меня кричал, что как только вас, мокрятника³³, куда-нибудь переведут, они со мной посчитаются за неуважение блатных порядков, – почти шепотом произнес Бизенко, буравя взглядом Эди.

– О каких порядках вы говорите, – произнес Эди, резко присев, – нет на них должной управы, как и на тех, кто чинят беззаконие в отношении меня. Представляете, следователь говорит, что обязательно докажет мое участие в убийстве инкассатора, мол, лучше добровольно признавайся – это облегчит твою участь... Я еле сдержался, чтобы не врезать ему меж глаз.

– И правильно сделали, поверьте, вам необходимо проявить выдержку и терпение, иначе можно наломать таких дров, что хватит для большого пожара, на котором можно спалить свою судьбу. Если не совершали того, что вам инкриминируют, то нечего бояться. Вы все равно сможете отстоять свою невиновность, – горячо вымолвил Бизенко.

– Я и не боюсь, ведь я не виноват, это могут подтвердить мои здешние приятели, – горячась, изрек Эди.

– А этот, ну, следователь, хоть знает о ваших приятелях?

– Конечно, я сегодня попросил его сообщить им, что я здесь, ведь они уже наверняка разыскивают меня.

– Это хорошо, – задумчиво промолвил Бизенко. – Будем надеяться, что милиция признает свою ошибку и выпустит вас на свободу.

– Я абсолютно в этом уверен, хотя иногда в голову приходит всякая чепуха, связанная с репрессиями прошлых лет. Ведь в сорок четвертом весь мой народ в течение нескольких дней

³¹ Следак – следователь.

³² Взять на глотку – добиться чего-нибудь нахальством.

³³ Мокрятник, мокрушник – убийца.

был изгнан с родных мест на вымирание в казахстанские степи. Но, слава богу, времена уже не те, да и горбачевская перестройка дает серьезные надежды на то, что подобное не повторится.

Бизенко заинтересованно слушал Эди, уставившись в его лицо бесстрастным взглядом, отчего создавалось впечатление, что в этот момент он усиленно думает о чем-то своем. Это выдавали его нахмуренные брови и еле заметная игра желваков.

– В те годы досталось не только вашему народу – русские и украинцы не меньше пострадали, – с грустью в голосе заметил Бизенко.

– Знаю, рядом с нами жили семьи русских и украинских изгнанников, да и люди иных национальностей.

– Тяжелое это было время, вспоминать даже не хочется.

– Тут хочешь, не хочешь, начнешь вспоминать, когда тебя ни за что, ни про что... – вновь начал нервничать Эди.

– А где вы там жили? – неожиданно оживился Бизенко.

– Под Семипалатинском.

– Известный город, а я в Акмолинске, так что мы с вами в некотором роде земляки.

– А вы-то за что туда загремели? – спросил Эди, изобразив на лице недоумение.

– Не я, а мои родители, еще до войны, – процедил сквозь зубы «Иуда» и как-то весь напрягся при этом, что могло означать лишь одно – в нем живет ненависть к своим притеснителям, действовавшим от имени сталинской власти.

– Понятно, хотя, честно говоря, ничего непонятно, ведь мой народ обвинили во всех смертных грехах, даже в сотрудничестве с немцами, хотя немцев там и не было. Наверно, нашлись подобные причины и против ваших родителей.

– Нашлись, просто огульно обвинили в связях с ленинградскими троцкистами. В результате – отобрали квартиру и сослали в этот самый Акмолинск.

– А я подумал, что вы белорус.

– Нет, я из ленинградцев, то есть питерцев, нынче живу в Москве.

– Почему из питерцев, а не ленинградцев, сейчас же вроде все жители Ленинграда так себя называют?

– Далеко не все.

– А почему?

– Эди, это щепетильный вопрос. Можно сказать даже политический. Поэтому о нем лучше в другой раз, – пояснил Бизенко, глубоко вздохнув.

– В другой, так в другой. Хотя и интересно бы узнать, почему проживающие в одном городе люди ассоциируют себя с разными его названиями.

– Эди, не обижайтесь, просто воспоминания о родительских страданиях и их ностальгии о периоде жизни в северной столице навевают на меня хандру, отчего ужасно страдаю, а в данном случае не хотелось бы впадать в такое состояние, – в извинительном тоне произнес Бизенко. Затем, сделав некоторую паузу, как бы ожидая возможной со стороны собеседника реакции на свои слова, спросил:

– Вы раньше публиковались?

Эди не стал реагировать на его извинение, отметив для себя, что Бизенко и так немало сказал о своих политических привязанностях, акцентировав внимание на северной столице. И потому, понимая кивнув головой, ответил:

– Да, в различных альманахах, в основном по вопросам истории республики. По результатам поездки в Белоруссию планирую, точнее сказать, планировал, подготовить статью или брошюру. Теперь вряд ли из этой затеи что-нибудь дельное получится. Остается только написать о милицеемском беспределе.

– Это чревато новыми проблемами, вы же знаете, что наша милиция никогда не ошибается и потому вам мой совет, не говорите даже о том, что будете жаловаться.

– Нет, буду благодарность выражать за то, что она сорвала мою работу, а самого на нары бросила, – с ухмылкой промолвил Эди.

– Скажите, следователь не задавал вам вопросов по вчерашней драке с блатными? – как бы между прочим спросил Бизенко, облачиваясь на сложенную вдвое подушку.

– Нет. Хотя в один момент стал угрожать новыми статьями, намекая на драку, когда на его вопрос, куда драгоценности и деньги припрятал, я спросил, а сколько их было.

– Меня досконально допросили.

– Это, наверно, из-за вашего заявления, кстати, про меня не спрашивали? – с напряжением в голосе спросил Эди.

– Спрашивали, но я сказал, что вы вмешались, чтобы остановить насилие, и более ничего, – скороговоркой ответил Бизенко.

– Я прилягу, устал после общения с этим чудачком следователем, – сказал Эди и вновь лег, бросив беглый взгляд на свои ручные часы. Ему, и на самом деле нужно было привести в порядок мысли и отдохнуть.

– Все правильно, лучше постараться уснуть, во сне силы быстро восстанавливаются, а я просвещусь, – доброжелательно произнес Бизенко, беря с тумбочки книгу. – Спасибо, что дали почитать, я много интересного в ней для себя нахожу.

– Мабуни Кенва – великий мастер, и его наставления позволяют понять каратэ не только как средство нападения и защиты, но и как философию духа настоящего воина, – заметил Эди и закрыл глаза, давая тем самым понять собеседнику, что его клонит ко сну.

Бизенко заметил это и открыл книгу.

Эти короткие фразы уже в который раз напомнили Эди знаменитое изречение Мабуни, что истинная сущность воинского искусства – это поддержание равновесия, а конечная цель – гармония. И он вновь задумался над смыслом этого знаменитого изречения, к пониманию которого шел через упорный труд физического самосовершенствования, укрепления духа, расширения и углубления знаний о жизни. Переживаемые им события последних дней рельефно проявили в его сознании некоторые существующие в обществе противоречия и недостатки, обострили восприятие правды, лжи и насилия, позволили еще с одной стороны взглянуть на изреченную Мабуни истину. Вот и сейчас, лежа на арестантской койке в донельзя душной камере, воздух которой был насыщен злобой и ненавистью, он понял, что великий мастер, говоря о поддержании равновесия, имел в виду умение бойца обуздать бурлящие в нем протуберанцы внутренней стихии, не давая им прорваться наружу все уничтожающим пламенем, могучей волей сделать их управляемыми. И это есть путь к гармонии, к гармонии сосуществования со всем сущим как часть природы, ее мыслящая часть.

«Скорее всего, в этом и заключается смысл изречения Мабуни», – думал Эди, медленно уносясь в страну тревожного сна.

Проснулся Эди от легкого прикосновения к своей руке. Мгновенно открыв глаза, он увидел, что это был Бизенко.

– Извините, что разбудил, меня к следователю затребовали, – произнес он, поднимаясь с койки. – Подумал, что будет лучше, если разбужу.

– Но вы же недавно...

– Увы, мы люди подневольные, – не дал договорить ему Бизенко и направился к выходу, прихватив с тумбочки листы бумаги.

«На этот раз вряд ли ему удастся отбрезаться: фотографии должны его потрясти и заставить предпринимать конкретные шаги. Интересно, что же он станет делать, узнав о своем провале, – думал Эди, удивленно разглядывая циферблат часов, и, наконец, поняв, что более двух часов прошло с тех пор, как он лег, мысленно воскликнул: – А по ощущению, только успел глаза сомкнуть...»

Однако ход его мыслей прервал неожиданно появившийся около койки Слюнявый, который шепотом произнес:

– Спортсмен, с тобой хочет говорить мой кореш³⁴, ну, ты знаешь.

– Если кому надо со мной поговорить, то пусть идет сюда и только один, – нарочито грубо прервал он Слюнявого, после чего тот, что-то бурча себе под нос, ушел в свой угол.

«Конечно, надо здесь, у себя, вести все разговоры, чтобы аудиозапись была качественной», – решил Эди, в ожидании прихода блатного.

Через минуту к Эди пожаловал Долговязый, который, молча присев на койку Бизенко, без всякого вступления произнес:

– Я маляву³⁵ от Справедливого получил. Он меня на хате смотрящим сделал, а тебе слово передал, что нужно об известном тебе дельце и адвокате поговорить. Что на это скажешь?

– Кто такой Справедливый?

– Ну, ты даешь, спортсмен! При твоих делах и пахана не знать, – сделал удивленное лицо Долговязый. – Это ему может не понравиться – он авторитетный вор в законе³⁶.

– Волне возможно, но в чем его интерес ко мне, я не вор и не грабитель, я здесь случайный человек.

– Тебе сделано уважение, с тобой сам пахан хочет говорить. Это не каждому дано. Так что ему передать?

– Скажите, что я согласен, только, когда и где, ведь я в кутузке?

– Тебе будет ска-за-но, – развязно сказал Долговязый, поднимаясь, чтобы уйти.

– Сядьте, куда вы так торопитесь? У меня к вам имеются вопросы, – жестко произнес Эди, которому не понравилась происшедшая в Долговязом метаморфоза. – Это для них вы смотрящий, – добавил он, окинув взглядом камеру, – для меня вы обычный заключенный.

– Наш закон... – начал было говорить Долговязый, но остановился, прерванный резкой фразой Эди:

– Я еще не закончил свое слово, а вы прерываете меня, не рекомендую этого делать.

И проследив за тем, как Долговязый медленно присел на прежнее место, уже в вежливом тоне продолжил:

– Во-первых, вы пришли и тут же сели, не спросив меня, во-вторых, встали таким же образом, тем самым второй раз проявили неуважение ко мне, а так поступать, молодой человек, не годится, это не тактично по отношению к своему собеседнику, к которому на разговор сами навязались. Надеюсь, вы поняли меня?

– Да, заметано, так бы с самого начала. И вообще я не фурычу³⁷, кто здесь кто... – пробурчал Долговязый, явно подавленный таким оборотом дела.

Как показалось Эди, его нравоучение достигло своей цели: он смог словом заставить себе подчиниться главного блатного в камере.

– Прекрасно, тогда можете идти, но не вздумайте пытаться накатить³⁸ на меня, это опасно. Долговязый, обзрев Эди удивленным взглядом, направился в свой угол.

«Вот теперь они совсем запутаются... – подумал Эди, провожая его безразличным взглядом. – Интересно, как они собираются организовать эту встречу? Неужели надзиратели примут участие? А иначе это практически невозможно. Если так, то они на них работают. Надеюсь, операторы успеют подсказать Артему и Николаю о предстоящей встрече. Забавно то, что все это происходит перед носом у Карабанова, а он не обладает достаточной информацией. Надо

³⁴ Кореш – друг.

³⁵ Малява – записка.

³⁶ Вор в законе – рецидивист, соблюдающий воровские традиции, принятый в братство на воровском сходе.

³⁷ Фурычить – понимать.

³⁸ Накатить – морально и физически подавить человека с целью подчинить его себе.

попытаться разобраться с тем, как блатные передадут из камеры весточку о моем согласии на встречу с паханом...» – мчались в его голове подгоняя друг друга быстротечные мысли.

Неожиданно его внимание привлекло то, как Слюнявый подошел к форточке на двери и постучал в нее. Через некоторое время ее открыл кто-то из надзирателей. Лица его не было видно, только рука мелькнула. Переговорив с ним полупшепотом, Слюнявый еле заметным движением вручил ему какой-то предмет и, насвистывая мотив блатной песенки, вернулся в свой угол, откуда донесся недовольный голос Долговязого: «Кончай свистеть, а то срок насвистишь».

Спустя некоторое время надзиратели настезь открыли дверь камеры и скомандовали, чтобы все вышли и построились в коридоре. Тут же с разных углов послышалось: «Это на прогулку, это на прогулку». «Вот и хорошо, можно будет отдышаться», – подумал Эди и вслед за другими заключенными направился в коридор.

– Чего стелешься, а ну быстрее в строй, – крикнул на него один из надзирателей и сильно толкнул в бок, отчего Эди чуть было не потерял равновесие.

– Вы аккуратнее не можете, видите же, иду, – произнес Эди, стиснув зубы.

– Ах, ты еще будешь зубы скалить, мразь, – выдал из себя надзиратель и вскинул руку с дубинкой для удара.

Эди резко развернулся к нему, готовый к действию, но тот отчего-то медленно опустил руку с дубинкой и отошел в сторону. Однако, задетый за живое Эди не удержался и, чеканя каждое слово, произнес:

– Вы оскорблениями-то не разбрасывайтесь, их содержание в данном случае вам лучше подходит.

Чем вызвал радостный визг со стороны Слюнявого и одобрителные кивки уже стоявших в строю обитателей камеры № 3.

– Прекратить шум! Направо! – скомандовал все тот же надзиратель и, проходя мимо Эди к голове колонны, раздраженно прошипел: – Ничего я с тобой еще поговорю.

– Смотрите, как бы потом с нами в камере не оказались, – пошутил Эди вдогонку «грозному надзирателю».

Прогулочный двор, зажатый высокими внутренними стенами тюрьмы, встретил заключенных ярким солнечным светом, который лился откуда-то сверху, где сияло бездонное голубое небо. Эди смотрел на это незабываемое явление, с жадностью вдыхая свежий воздух и не упуская из виду блатных, а также стоящих у выхода во двор надзирателей.

Спустя каких-то десять минут, во дворе показался средних лет мужчина, который, улыбаясь, прошел мимо «грозного надзирателя» и присел, закинув ногу на ногу, на скамеечку под навесом. Тут же к нему буквально подбежал Долговязый и, присев перед ним на корточки, стал о чем-то говорить. При этом он изредка поглядывал в сторону выполняющего дыхательные упражнения Эди.

«Это, наверно, и есть тот самый Справедливый, – подумал Эди, – но как же он смог выйти в прогулочный двор не в свою смену, ведь правила распорядка изолятора не предполагают подобную вольность. Выходит, что все это специально подстроено, чтобы дать ему возможность поговорить со мной. Да, таким образом, эти ловкие ребята могут вообще перевести меня к нему в камеру, хотя вряд ли, ведь Карабанов держит этот вопрос под личным контролем».

У Эди после сегодняшних наблюдений уже не осталось сомнений в том, что зеленая улица для хождения «маяв» из камеры в камеру и свободное перемещение местного пахана в изоляторе обеспечивается старшим надзирателем. Поэтому следовало предупредить Карабанова о происходящем в оперативно обслуживаемом им заведении, чтобы он предпринял необходимые меры по нейтрализации этих двурушников. Иначе они, находясь под влиянием блатных, могли что угодно сотворить.

Тем временем Долговязый, закончив разговор с паханом, неторопливой походкой прошел мимо Эди и шепотом предложил ему идти к сидящему на скамье мужчине для разговора.

Закончив упражнения, Эди подошел к мужчине и, присев на некотором удалении от него, вежливо произнес:

– Я вас сразу должен предупредить, что вы заблуждаетесь относительно меня.

– Вы, как погляжу, и на самом деле интеллигентный человек, – вкрадчивым голосом заметил Справедливый, никак не отреагировав на его слова, но уставившись в Эди острым взглядом из-под кустистых бровей. Можно было подумать, что он их даже не слышал или они для него не представляют интереса. – Очень похвально. В современном мире это очень необходимая черта. Понимаете, молодой человек, вас, кажется, зовут Эди, по крайней мере, так мне сказали мои люди. В нашей среде культурного человека днем с огнем не сыскать. Вот вы – другое дело: изысканная речь и манеры. Это просто завораживает.

– Надеюсь, вы не дифирамбы в мою честь произносить пригласили меня? – учтиво спросил Эди.

– Нет, конечно. Для начала хотелось посмотреть на парня, который моих лучших ребят, говоря народным языком, за секунды отдубасил, отчего у них при вашем виде поджилки трясутся... М-да. Но, разумеется, есть и дело, которое меня весьма и весьма интересует. Насколько я осведомлен, вы к нему имеете самое прямое касательство. И так, что вы можете на этот счет сказать?

– Собственно, ничего, так как ничего об этом деле, кроме того, что сказал следователь, не знаю. И самое парадоксальное заключается в том, что никто не хочет верить моим словам, – с возмущением в голосе промолвил Эди, чем привлек на себя внимание стоящих у входа надзирателей.

– Прекрасно сказано, так и надо, но не настолько громко, а то, видите, эти шестерки вылупились в нашу сторону. А так, даю вам честное слово, я даже расстроился бы, скажи вы что-нибудь не в таком духе.

– Это и на самом деле так, не стану же я себя оговаривать?

– Правильно, но вот беда, менты думают иначе, и потому они намерены из вас выколачивать признание. У них имеются данные о том, что человек, который напал на инкассаторов, был очень сильным и ловким человеком. По внешним данным вы очень подходите под него, к тому же говорят, что он тоже кавказец. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Ну что из этого вытекает, мало ли в стране крепких людей? – недоуменно бросил Эди.

– Мало. Особенно избравших полем деятельности Минск. А насчет того, что из этого вытекает, скажу так, вам нужна хорошая защита и моя поддержка, иначе, как говорят, удачи не видать, – произнес Справедливый, кривя губы в улыбке. – Подумайте об этом на досуге и дайте знать.

– Хорошо, подумаю, помощь никогда не бывает лишней. Но, что касается Минска, то у меня здесь и на самом деле имеется свой интерес по научной работе.

– Мило, однако, вы ко всему еще и ученый, никак не подумал бы, что человек с такими кулаками и волей увлекается наукой. Но, увы, оказывается, жизнь знает и такие примеры. Так что, Эди, наша незатейливая беседа получила новое звучание, прошу, продолжайте, – процедил сквозь зубы Справедливый, упершись в его глаза холодным взглядом.

– Я занимаюсь историей прошлой войны, в чем мне помогают местные ребята, с которыми знаком несколько лет, и в этот раз приехал сюда с этой же целью, – произнес Эди, глядя прямо в глаза собеседнику. – Правда, милиция сорвала все мои планы, но я пытаюсь им доказать, что ни в чем не виноват.

– У вас, что и на самом деле имеются такие кореша, то есть товарищи? – с недоверием в голосе спросил Справедливый.

– Имеются, и они будут биться за меня.

– Хорошо, но как, если, конечно, это не является вашей тайной?

– Ничего хитрого в этом нет: они официально обратятся в милицию или, скорее всего, в прокуратуру с заявлением, мол, он честный гражданин и тому подобное, – коротко пояснил Эди.

– Нет, Эди, милиция, почувствовавшая вкус успеха в розыске такой крупной дичи, никогда не согласится с тем, что вы обычный фраер, извините, честный гражданин, и под белые ручки вас не выведут на свободу, – делая акцент почти на каждом слове произнес Справедливый. И тут же, с шумом глотнув свежего воздуха, добавил: – Так не годится. Подобным образом вы можете подставить под милицейскую наковальню своих корешей. Вы, наверно, не знаете, что дело инкассаторов находится под контролем ЦК партии. И наверняка о вашем аресте туда сразу же доложили как о своем успехе в борьбе с криминалом. Так что без моей помощи вам не обойтись, а об условиях и тому подобном поговорим позже.

После этих слов Эди отчетливо понял, что Справедливый ему не поверил и продолжает видеть в нем одного из грабителей инкассаторов. И потому не стал более убеждать его в обратном, а просто попросил поручить кому-нибудь из своих людей на свободе довести до Рожкова информацию о себе, сообщив при этом, как его найти.

Справедливый обещал это сделать в ближайшее время и, уже поднимаясь, чтобы вернуться в камеру, произнес:

– Имейте в виду, ваш сосед по камере есть самая настоящая гнида³⁹, может любую гадость подложить. Не доверяйтесь ему, он опасный человек, я об этом доподлинно знаю.

– Неужели настолько велики его грехи? – спросил Эди, изобразив на лице удивление. – Вроде нормальный человек.

– В следующий раз расскажу, – добавил он и, сложа руки за спину, направился к входной двери, где его уже ждал «грозный надзиратель», но неожиданно остановился и, обернувшись вполоборота к Эди, произнес: – Да, чуть не забыл, не мешайте моим людям в камере, а то я могу рассердиться и устроить вам здесь тяжелую жизнь.

– Опять угрозы, это не хорошо, а я уже поверил было, что вы тонкий знаток психологии людей, – бросил ему вслед Эди, поднимаясь со скамьи.

После этих слов Справедливый замедлил шаг, но ничего говорить не стал. И лишь перед тем, как войти в здание, окинул Эди тяжелым взглядом.

Догулявших положенные два часа заключенных также строем вернули в камеру, полы в которой стараниями дежурного зэка уже были подметены и помыты. Блестела даже столешница, еще не высохшая от сырой тряпки. Но устойчивый запах человеческой плоти, пропитавший всю камеру, по-прежнему торжествовал в этих четырех стенах. Его не смог выветрить отсюда даже двухчасовой сквозняк.

Бизенко еще не было. «Его, видимо, ребята раскручивают по полной программе, – подумал Эди, присаживаясь на койку. И тут же обратил внимание на то, что кто-то без всякого стеснения поковырялся в его постели, о чем свидетельствовала помятая подушка, взбугрившийся матрас, торчащие из-под одеяла концы простыней. Осмотревшись, он также установил, что обшарили и сумку, и тумбочку. Но вещи все были на месте. «Это, скорее всего, надзиратели ищут запрещенные предметы, – решил он, бросив взгляд на соседние койки, вид которых свидетельствовал о том, что и по ним прошлись руки тех же людей. Его сомнениям окончательно положил конец донесшийся откуда-то со второго яруса трехэтажный мат в адрес «потрошителей постелей» и раздавшийся вслед за этим хохот.

Прислушиваясь к разговорам заключенных, Эди заправил постель и лег отдохнуть и тут же уснул, будучи уверенный, что в ближайшие дни блатные не станут искать момента, чтобы его наказать. Гарантией этому являлась договоренность со Справедливым... Тем не менее сон

³⁹ Гнида – ничтожество.

его был тревожный, и потому он сразу услышал шум открывающейся двери и возглас Слюнявого:

– А вот и наш крученный⁴⁰ наконец-то от следака вернулся, век свободы не видать, если он его не замурыжил⁴¹.

Но Бизенко, к удивлению наблюдавших за ним сокамерников, не обратил никакого внимания на выпад Слюнявого, и с отрешенным взглядом прошел к своей койке и тяжело опустился на ее край, обхватив голову руками, что могло означать только одно – он потрясен и растерян... Это бросилось в глаза всем, кто наблюдал за ним, даже Слюнявый и то прекратил ерничанье. Но единственным здесь человеком, кто знал истинные причины такого его состояния, был Эди, который продолжал лежать, физически ощущая происходящую в нем борьбу, борьбу мыслей с мешающими их работе громадными волнами страха. Энергетика, излучаемая столкновением этих двух стихий, словно какая-то тягучая масса, начала давить на Эди, мешать дыханию, отчего он встrepенулся и резко присел. При этом мгновенно ощутил, что должен что-то сказать Бизенко, проявить участие.

– Вам плохо, может быть воды? – спросил Эди, потянувшись к тумбочке, где находились бутылки с минералкой.

– Спасибо, не надо, сейчас пройдет, – слабым голосом ответил Бизенко, секунды спустя. Тем временем Эди налил воды в арестантскую кружку и протянул ему.

– Благодарю вас, – таким же голосом сказал он, беря кружку, и затем несколькими судорожными глотками ее опустошил.

– Благодарю вас, – вновь сказал он, ставя пустую кружку на тумбочку, после чего лег, уткнувшись лицом в подушку.

Эди не стал его более беспокоить, чтобы не показаться назойливым и тем самым не вызвать подозрений.

«У Бизенко сейчас будет обостренное восприятие происходящих событий и общающихся с ним лиц, мол, не подстроено ли это чекистами. Заботу, достаточную и объяснимую с точки зрения предыдущего с ним общения, я уже проявил, увидев его угнетенное состояние. Поэтому нет необходимости пытаться инициативно лезть ему в душу, что наверняка будет контрпродуктивно. Надо просто набраться терпения и ждать. Если мои расчеты окажутся верными, то Бизенко уже сегодня должен начать действовать», – рассуждал Эди, смотря на то, как за столом в карты режутся Долговязый и Слюнявый.

«Неужели долговязым и им подобным в этой жизни ничего, кроме как украсть, быть пойманным и тянуть срок, обвиняя в этом всех и вся, не нужно. Откуда они появляются, из какого теста слеплены, почему их не волнуют происходящие в стране изменения и способны ли они понять то, что денно и ночно вещает в камере радио. Видимо, у них устойчивое неприятие этих преобразований, которые сулят человеку больше свобод, больше демократии, вон даже чекистам строго-настрого велено больше внимания уделять профилактике государственных преступлений, начать реабилитацию репрессированных и переоценку отношений со спецслужбами противника, поскольку «холодная война» уходит в прошлое, и наступают времена, когда люди будут вспоминать ее как историческое недоразумение.

Все вроде правильно, но отчего-то на душе неспокойно. Наверно, оттого, что есть серьезные основания думать о том, что мораль и нравственность мировых воротил и их геополитические притязания на континенты, и особенно, на российские просторы, неизменны в веках, поскольку в этом заключается их суть, что доказано предыдущей мировой историей. Задумывается ли над этим горбачевская рать. Если да, то почему под флагом гласности и так ретиво, шаг за шагом, сдают позиции, завоеванные великим государством в многочисленных битвах,

⁴⁰ Крученный – отчаянный, бедовый человек.

⁴¹ Мурыжить – тянуть время на следствии.

в ходе которых часто его судьба определялась шекспировским: «быть или не быть»... Не приведет ли все это к разрушению нашего коммунального, пусть с неровными стенами и до боли в сердце привычного дома раньше того, как будут построены новые демократические квартиры на западный манер... При этом возникает закономерный вопрос, а почему нужно строить именно с оглядкой на западный манер, хотя, бесспорно, в нем есть свои положительные стороны. Может, следовало бы соорудить что-то восточное, например китайского образца, привлекательно же, да и культура – не чета западной – имеет шеститысячелетнюю историю, да и государство обеспечивает худо-бедно кормежкой столько народу, что во всем Союзе, Европе и Америке вместе взятых не наберется. Но, если быть честным до конца, мне бы хотелось нашу коммуналку перестроить на свой манер, чтобы в ней хорошо и комфортно жилось каждому человеку, каких бы кровей и с каких бы мест нашей необъятной родины он ни был. Смогут ли так сделать горбачевцы, уж больно все накручено.

А у этих, кем управляет Справедливый, вроде все нормально складывается, если смотреть на жизнь с их колокольни. Главное – есть ясность: их коммуналку никто не перестраивает и их воровской закон не переиначивают, по крайней мере, пока. И не потому ли они критически относятся к правилам нашей жизни, которые корректируются каждым новым правителем на свой манер, и не приемлют их...» – продолжал рассуждать Эди, настороженно прислушиваясь к кощунственным мыслям, которые бомбардировали его сознание, пробиваясь через идеологический щит, сконструированный учителями марксистами-ленинцами.

Так продолжалось до тех пор, пока кто-то из надзирателей не крикнул в открытую им форточку двери, которую заключенные образно называли «кормушкой», чтобы дежурный по камере взял посуду для ужина.

Эди перекусил вчерашним бутербродом, запивая минералкой. И с учетом того, что Бизенко никак не отреагировал на призыв дежурного к ужину, приберег для него кусок хлеба и сыр, рассудив при этом, что «война войной», а бутерброд не помешает шпиону, когда он очухается от информационного удара следователя.

Бизенко о себе дал знать лишь к ночи. Он медленно поднялся, пошел к умывальнику и, тщательно почистив зубы, вернулся.

– Вы пропустили ужин, – сочувственно произнес Эди, – если надумаете, можете угоститься бутербродом, он лежит на вашей тумбочке.

– Спасибо, я уже зубы почистил, – ответил Бизенко, глянув в глаза собеседнику.

– Вы хорошо поспали. Мне тоже удалось это сделать после прогулки. Надышался свежим воздухом и уснул.

И Эди вкратце рассказал ему о прогулочном дворе и о том, как любовался небом.

– У меня, к сожалению, не получилось, – неожиданно дрогнувшим голосом промолвил Бизенко.

– Завтра получится, оказывается, нам должны ежедневно выделять два часа.

– Это хорошо, – отметил Бизенко и тут же спросил: – А вы больше не были у следователя?

– Чего-то не стал вызывать этот мерзавец, наверно, мое требование дать адвоката и сообщить товарищу, что нахожусь здесь, озадачили его. Откровенно говоря, я еле сдерживаю себя, чтобы не начать шуметь.

– Это не поможет, они вас просто в штрафной изолятор переведут, а зачем это вам. Лучше говорите, чтобы вам дали встречу с адвокатом, или напишите заявление начальнику тюрьмы.

– Я напишу прокурору, уже обдумал, что и как изложить.

– А чем занимается этот ваш приятель?

– Он историк, помогает мне с архивами, организует встречи с нужными людьми, ведь я же Белоруссию мало знаю, а он здесь родился.

– Эди, вы меня, конечно, извините, что я так прямо, но для меня это очень важно знать, так как рассчитываю на дальнейшие товарищеские отношения с вами, скажите искренне, – вы и на самом деле не виновны? – волнуясь, спросил Бизенко.

– Решили за счет меня облегчить свою участь, теперь мне понятны ваши волнения... – грубо произнес Эди, бросив на соседа брезгливый взгляд.

– Нет-нет, только не это, – не дал ему договорить Бизенко, – я ни в коем случае не сдал бы вас. Я уверен, что вы хороший человек, иначе не стали бы меня защищать. И мои волнения не связаны с вами, просто я оказался в очень трудном положении.

– Не понимаю, какая связь между мной и тем, что у вас появились трудности. Скажите уж прямо, что следователь вам обещал какие-то послабления, если раскрутите меня на признание. Так знайте, что это бесполезное занятие, я действительно не имею никакого отношения к приписываемому мне ограблению.

– Чего, к сожалению, не могу сказать я о предъявляемом мне обвинении, – произнес Бизенко, упершись руками в свои колени. – Я действительно в ссоре тяжело ранил ножом своего знакомого, и он сейчас находится в больнице, а я здесь... и меня обвиняют в покушении на убийство. Несомненно, я виноват и должен понести наказание за свой поступок и к этому морально готов. Но, зная, в каком положении он находится, а у него нет даже близкого, кто мог бы его поддержать, помочь, я казню себя и нервничаю, – горестно выпалил Бизенко.

– Да, не повезло вам. Можно же было дело до ножа не доводить, а просто съездить в челюсть.

– Выпили много, а, там слово за слово, и беда случилась.

– Он здешний?

– Да, минчанин.

– Вы не волнуйтесь, белорусы удивительно приветливые и заботливые люди, я это знаю не понаслышке. Уверен, что соседи, узнав о его беде, наверняка о нем побеспокоятся.

– Так-то оно так, но у меня душа не на месте, поэтому хочу ему помочь, но как это сделать ума не приложу.

– В нашем положении достаточно сложно заниматься тамошними делами, – произнес Эди, бросив взгляд на дверь камеры.

– В моем, несомненно, да! Вот в вашем, скорее всего, нет. Вас же здесь будут держать до внесения ясности в личность, – заметил Бизенко.

– Я очень надеюсь, что это произойдет в ближайшее время, – воодушевленно произнес Эди.

– Не хочу вас огорчать, но несколько дней это все равно займет. Поэтому хочу вас спросить, а этот ваш приятель не смог бы провести его, ну хотя бы узнать, в каком он состоянии? Для него это не составит никакого труда, а меня успокоит, и я вас достойно отблагодарю. Уверю вас, я располагаю такими возможностями. Я много работал за границей и кое-что сумел отложить на черный день, к тому же у меня в Минске и Москве имеется много знакомых среди влиятельных лиц, которые вам могут помочь в получении доступа к архивам, да и вообще по жизни... Я просто уверен, что вы многого добьетесь, конечно, если будете осторожны в своих словах и поступках. Вы сильный человек, к тому же молоды и амбициозны. Но имейте в виду, что власть не любит, когда кто-то осмеливается указывать на ее ошибки, и особенно их исправлять, так что вашу правду необходимо аккуратно доказывать, как впрочем, и мне замаливать грех перед своим знакомым.

«В уме и методичности ему не откажешь, все, оказывается, на ус мотал. Но и мы не лыком шиты – ну чем я не подходящий кандидат для ключевой роли в им разыгрываемом спектакле, – подумал Эди, внимательно слушая Бизенко, и сочувственно произнес:

– Очень здорово, что вы так озабочены судьбой своего несчастного товарища, это делает вам честь, но, откровенно говоря, пока не знаю, как вам помочь. Правда, сегодня на допросе

я потребовал у следователя дать мне встречу с адвокатом и сообщить Юре, так зовут моего приятеля, что я нахожусь здесь. Если до него будет доведена такая информация, он пробьется через все преграды и примчится сюда, он такой человек. Вот тогда и можно будет с ним потолковать о вашей просьбе, но для этого надо знать фамилию вашего знакомого и в какой больнице он находится.

– Это не проблема, я скажу, да и покаянную записочку напишу ему.

– Хорошо. Теперь остается дожидаться встречи с Юрой, – сказал Эди, сделав вывод, что «Иуда» до своего ареста через кого-то из минских знакомых навел справку о Шушкееве, если знает, в какой он больнице... Вполне возможно, что через того же Золтикова, о котором говорили Николай и Артем.

– Эди, есть еще одна задача – позвонить моей дочери в Москву и сказать, чтобы не волновалась за меня, мол, он пока сам не может связаться из-за занятости. Знаете, она у меня одна, других родственников нет. И Бизенко, изредка украдкой смахивая набежавшую слезу, долго рассказывал о дочери... и, подводя итог, заметил, что он сильно подвел ее, попав в тюрьму.

– Я не юрист, но мне кажется, вы сможете отделаться легким испугом, по крайней мере, двумя-тремя годами, – промолвил Эди, смотря на то, как реагирует на его слова Бизенко.

– Возможно, – задумчиво и растянуто произнес Бизенко, бросив взгляд на тумбочку, где стояла бутылка с минеральной водой.

– Вы не стесняйтесь, берите, – предложил Эди, проследивший за этим взглядом.

«Не очень-то обрадовала его нарисованная мной перспектива, – подумал Эди, наблюдая периферийным зрением за тем, как Бизенко наливал себе воду. – Непонятно, признал ли он свою вину на допросе? – мысленно спросил он кого-то невидимого и прикрыл веки, которые в следующее мгновение образовали над закрытыми глазами пурпурный свод с ярким огненным шаром в середине, пытающимся отчего-то уплыть за горизонт. Делая усилия удержать его в прежнем положении, он сам же ответил на свой вопрос: – Судя по тому, что сейчас говорит, вроде, признался. Вопрос лишь в том, как – сразу, чтобы следствие «глубоко не рыло», или после предъявления фотографий? Если после фотографий, то держится хорошо: как шпион он наверняка понял, что сам и его минские связи находятся под колпаком контрразведки. Тогда непонятно, с какой целью он просит меня через Юру навести справки о Шушкееве и, более того, передать записку. Ведь он же доподлинно знает, что направляет его прямо в руки чекистов, которые по логике вещей должны круглые сутки наблюдать за Шушкеевым. Мог бы дать стежку к Золтикову, он бы и дочери позвонил, и к Шушкееву сходил. Но «Иуда» отчего-то пытается действовать через постороннего человека. Неспроста все это, хотя можно допустить, что он не желает засвечивать Золтикова или приобщать его к своим делам. В любом случае, завтра с ребятами необходимо основательно прокачать эту ситуацию... Более логичной выглядит его просьба о звонке дочери, который может быть адресован как ей, так и другому человеку в качестве сигнала о своем провале. Как бы то ни было, этот звонок будет осуществлен только после предварительной проверки, кому он в действительности предназначенся...» – рассуждал Эди, продолжая бороться с огненным шаром.

...«Вполне возможно, что все это задумано с целью протупить меня, мол, как я отреагирую на его просьбы и возможные за это благодарности. По всей вероятности, сегодня ночью он еще раз обкатает в мозгах свои задумки и завтра придаст им более конкретную форму. Вот тогда и легче будет их анализировать, а сейчас необходимо накапливать наблюдения... При всем раскладе очевидно то, что «Иуда», как и следует шпиону, попавшему на крючок, начал активно играть свою вынужденную партию», – заключил Эди и открыл глаза.

«Иуда» встретил его «пробуждение» словами:

– Вы, словно каменный, в одной позе просидели пятнадцать минут, как вам это удастся? Мне и пяти не усидеть.

– Я давно медитирую, это помогает восстанавливаться.

– Мне не удастся, у меня постоянно не хватает времени, но дочь в отличие от меня – молодец, она занимается ритмическим дыханием и каратэ, – тепло промолвил Бизенко и задумался, а потом, словно опомнившись, поведал о том, что она серьезно увлечена восточной философией и историей Японии, Китая и Индии. Приводил примеры того, как она проявляла свои знания во время встреч с его многочисленными друзьями. При этом ни словом не обмолвился о бывшей супруге, что укрепило Эди в мысли о необходимости разобраться в причинах ее смерти... Много он поведал и о своей жизни, командировках за границу, не забывая между тем методично выспрашивать о тех или иных сторонах биографии Эди, которые могли бы ему позволить сформировать впечатление о нем, как о человеке, его планах и настроениях.

Эди в своих ответах был откровенен, насколько это позволяла легенда прикрытия, рассчитывая на то, что такое его поведение будет способствовать их дальнейшему сближению и подвигнет «Иуду» на новые просьбы, которые дадут возможность нащупать ниточку к его хозяевам. Собственно на подобное развитие ситуации и делался расчет при организации внутренней разработки объекта.

Примечательно то, что никто не мешал их приглушенной беседе, которая продолжалась до поздней ночи. Даже Слюнявый непривычно молчал, занятый бесконечным разговором с Долговязым.

Глава VIII

Утро отчего-то наступало медленно. Бледно-ванильный свет с трудом пробивался в отяжелевшую от духоты и смрада камеру и тут же тонул в ее сером убранстве. Эди, бодрствовавший почти весь остаток ночи, соблюдая условия договоренности с Бизенко, медленно прошел к окну и с удовольствием подставил лицо под льющие из форточки свежие струи воздуха.

– Можно присоседиться, а то голова разламывается от духоты? – услышал от приближающегося к нему молодого человека, что занимал соседнюю с Бизенко койку.

– Пожалуйста, воздуха свободы на всех хватит, – пошутил Эди, делая шаг в сторону, чтобы находиться к нему вполборота.

– Спасибо, тут, действительно, свежо, – вполголоса промолвил тот, глубоко вздохнув. – Меня зовут Виктором, я здесь тоже случайный гость. Лопухнулся, как фраерок с мануфактурной фабрики, но ничего, отмажусь, помогут связи.

– Желаю успехов, – холодно заметил Эди, окинув его изучающим взглядом. Он еще вчера, сопоставляя анкетные данные заключенных, которые ему дал Карабанов с личными наблюдениями, признал в этом молодом человеке Жикова, арестованного за избиение продавца ювелирного магазина.

– Спасибо. Желаю и тебе скорой свободы. Не хочется, чтобы такой человек чах на нарах, – доброжелательно отметил Жиков, а потом, сделав небольшую паузу и придвинувшись почти вплотную, спросил: – Может попытаться найти ходы к ментам? За большие бабки они могут на все пойти. Это проверено на все сто процентов.

– Уж прямо на все сто? – недоверчиво изрек Эди, который уже понял, что неспроста к нему в столь раннее утро подвалил этот Жиков.

– У меня есть знакомый, который имеет к большому начальству прямые ходы. Это серьезный малый, по очень трудным делам находил возможности скостить срок или улучшить жизнь на зоне. А для тебя, если хочешь, я вывернусь наизнанку и все порешаю, очень ты по душе мне пришелся.

– А какой вам резон беспокоиться за меня? – спросил Эди, пристально глянув ему в глаза. – Ведь я вам, как говорится, не кум и не сват.

Виктор, спокойно выдержав взгляд, ответил:

– Хочу заработать деньги.

– Но откуда такая уверенность, что они у меня есть? – улыбаясь, спросил Эди.

– Эти рассказали, что ты очень богатый человек, – прошептал он, кивнув в сторону коек с блатными.

– И когда они это могли рассказать, ведь вы с ними не общаетесь? – вновь пошутил Эди. – Все время лежите на своей койке, ни во что не вмешиваясь.

– Вчера, когда ты был у следака. Долго говорил и не только с ними, но и с твоим соседом. Он все выпрашивал про тебя, мол, кто такой, действительно ли был случай с нападением на инкассаторов, известны ли мне подробности и тому подобное. Если коротко сказать, навел справки.

– А вы ему, что в ответ? – улыбнулся Эди, внутренне напрягшись от последних слов Жикова.

– Чего врать-то, сказал то, о чем слышал.

– Наверно, как и мне, свою помощь предложили, – обронил Эди будто невзначай.

– Нет, у него же нет больших денег.

– А вы, оказывается, осведомленный человек, но отчего-то в камере вас не слышно.

– Не хочу проблем с этими, – произнес он, бросив быстрый взгляд в сторону блатных.

– Разумно, ничего не скажешь.

– Конечно, зачем мне с ними бодаться, когда все можно иначе устроить. И будешь: не клят и не мят. Понимаешь, надо уметь находить с ними общий язык, или, как ты, хряц-хряц по балде и – они перед тобой на задних лапках. Я так не смогу и потому веду себя тихо: меня этому научил мой знакомый, – на одном дыхании выпалил Виктор, а затем спросил: – Ну что, заряжать моего малого под твоё дело?

– Даже не знаю, что и сказать, вроде я...

– А ты не рассуждай, – на полуслове оборвал его Виктор, – об условиях на марше договоримся, это не проблема, главное, твоё принципиальное согласие, и мы начнем действовать. У нас здесь все схвачено.

«Однако наглости ему не занимать, не дал даже договорить, – напрягся было Эди, слушая нагловатую речь Жикова. – Может, поставить на место говоруна, ведь лжет же, – мелькнула мысль, но последовавшая за ней другая: – Его кто-то прикрывает, поскольку так уверенно предлагает помощь по такому сложному делу, – остановила готовые сорваться с языка резкие слова. – Непонятно, отчего с ним блатные поделились информацией обо мне, этаком богатом бандите с большой дороги? – молнией сверкнула третья. – Может он их подсадная утка, перед которым поставлена задача попытаться развести меня на обещалках, мол, посмотрим, как он отреагирует, – вторила ей четвертая. – Все может быть, но это второстепенно, главное то, что с ним вступил в контакт Бизенко. Скорее всего, он делает очередные мазки к моему портрету или пытается прощупать его на предмет использования в своих целях. Поэтому с говоруном нужно будет и далее вести терпеливый разговор, как-никак польза от него есть, но на этот раз пора закругляться, а то он не в меру разошелся, – заключил Эди и холодно произнес:

– Я подумаю над вашим предложением, а сейчас, извините, мне нужно размяться.

– Понял, буду ждать сигнала о начале действий, – высокопарно выпалил Жиков и направился к своей койке.

Эди же, не спеша, приступил к своим упражнениям, но ворох мыслей, вызванных общением с Жиковым, не давал ему некоторое время сосредоточиться.

Скоро камера ожила шумами и движением заключенных, начавших проживать свой очередной день в неволе. Больше всех привычно шумел Слюнявый, который настойчивыми стуками о перегородку пытался согнать с унитаза задумавшегося на нем сокамерника, обвиняемого в расхищении социалистической собственности, отпуская в его адрес разные колкости, мол, запустил руки в государственный карман и оставил без питания сирот и пенсионеров, а сейчас захватил стратегически важный угол и не дает людям сходить по нужде... Одних это веселило, других напрягало, что проявлялось в откровенном смехе или бесстрастном молчании.

К тому времени Эди, уже успевший завершить зарядку и побриться, сидел на койке, не обращая никакого внимания на выкрутасы Слюнявого. Бритье и обтирание холодной водой внесли в его камерную жизнь некоторую обычность и улучшили настроение. «Так можно и привыкнуть к здешней обстановке», – подумал он, и еле заметная улыбка скользнула по его лицу, на что обратил внимание только что присевший на койку Бизенко.

– Вы находите силы улыбаться? – спросил он вместо приветствия.

– А что остается делать? – вопросом на вопрос ответил Эди, наблюдая за тем, как Бизенко начал умело разминать шею.

– Будь моя воля, я бы его удавил, – произнес Бизенко, кивнув в сторону продолжающего острить Слюнявого.

– Давайте не о нем, он не заслуживает этого. Лучше скажите, как вам спалось? – произнес Эди, легко улыбнувшись, тем самым пытаясь вновь окунуть его в переживаемые трудности.

– Признаюсь, не совсем, хотя и пытался, – ответил тот, глубоко вздохнув, а затем, сделав непродолжительную паузу, как бы раздумывая над тем, о чем будет говорить, продолжил: – Не дает мне покоя то, что сделал со своим приятелем, он все время стоит перед глазами... Так что

еще раз убедительно прошу вас помочь, я в долгу не останусь, вы в этом сможете убедиться. При этом Бизенко просительно глянул Эди в глаза.

Эди ожидал такой просьбы, но несколько позже, после завтрака, очередных допросов, но так с утра... «Видимо, я своим вопросом подтолкнул его к этому», – подумал Эди, а вслух заметил:

– Если у меня появится возможность встретиться с Юрой, то обязательно попрошу его навестить пострадавшего, но, когда это произойдет, не знаю.

– Спасибо, понимаю, что несколько тороплюсь, но, кто знает, а вдруг сегодня состоится такая встреча... поэтому я лучше сейчас напишу записку, в ней будет и фамилия, и название больницы, – горячо выпалил Бизенко и тут же потянулся к тумбочке.

Минут через десять Бизенко дал Эди сложенные вчетверо два листочка бумаги со словами:

– Это записка Олегу и телефон дочери. В них все есть, можете прочитать. Только просьба звонок дочери сделать раньше того, как передадут записку Шушкееву.

– Мне-то зачем, не я же буду передавать и звонить, хотя не прочь бы и сам, если бы выпустили, но разве от этих горе-сыщиков дождешься быстрого разбирательства, – ухмыльнулся Эди. И специально не стал обращать внимания на вторую часть его просьбы, чтобы он сделал необходимые пояснения относительно очередности выполнения его поручений.

Но вместо этого он взволнованно произнес:

– Не дай бог, быстрое разбирательство уже было в нашей истории – один допрос для порядка – и к стенке.

– Я не в том смысле.

– Понимаю, конечно не в том, я так, для связки слов, – небрежно обронил Бизенко, глянув в глаза Эди, – но, как говорил мой отец, цитируя одного немецкого поэта, истина всегда полезнее обмана.

– Мне тоже нравится это изречение, – произнес Эди, удивив своим признанием собеседника.

– Вы знакомы с немецкой литературой? – спросил он, несколько оживившись.

– На уровне внеклассного чтения, но фразу Гёте: «если истина верна, она полезнее обмана, и если ранит вас она, поверь, целебна эта рана» хорошо запомнил, потому что у меня был прекрасный учитель. Его звали Максом Эвальдовичем. Он смог пробудить во мне интерес не только к литературе, но в целом к жизни в те тяжелые годы.

– Он немец? – заинтригованно спросил Бизенко.

– Да, из поволжских. Отбывал трудовую повинность на какой-то северной стройке, а когда дошел до физического изнеможения, его отбраковали и отправили умирать в казахстанскую степь. А он, вопреки всему, выжил, набрался сил и начал работать.

– Мой отец прекрасно знал немецкий, мать – мировую литературу, а я увлекся английским и немецким языками, на остальное хронически не хватало времени, и потому нахватался лишь вершков, – дрогнувшим голосом произнес Бизенко.

– Но вы рассказывали, что много ездили по миру... – начал было Эди.

– Да, это было, но сейчас все изменилось и, главное, ничего нельзя исправить, вот в чем проблема, – прервал его Бизенко.

– Если вы о своем знакомом, то зря расстраиваетесь, ведь он же не умер, а рана заживет, и вы снова будете на коне. Главное, чтобы он простил вас.

– Я очень надеюсь, что он поймет меня, ведь я не хотел. Все от горячности, будь она неладна.

– Вот и хорошо, тогда все остальное помаленьку наладится.

– Возможно, но, как говорится, время покажет, – согласился он, а затем, сделав непродолжительную паузу, как бы решая, говорить или не говорить, неожиданно спросил:

– А что от вас мой сосед-молчун хотел? Я даже удивился, увидев вас шепчущимися у окна.

– Да собственно ничего, хочет контактировать, а что за этим кроется пока неясно.

– Я с ним тоже разговаривал: ни с того ни с сего начал хвастаться, что у него в милиции все схвачено, и потому решил, что он пустышка, а тут вы с ним с раннего утра ведете тихий разговор.

– Он меня веселил своими байками, но, что касается пустышки, вы, кажется, попали в точку, – заметил Эди. – Будь он серьезным парнем, то вел бы себя иначе.

– Вот и я об этом же подумал, – согласился Бизенко. – Скорее всего, он подсадная утка, – заключил он, вопросительно взглянув на Эди.

– Вполне возможно, но из-за меня наград он не получит.

– Из-за меня тоже, – коротко произнес Бизенко, повернув голову в сторону открывшейся форточки на входной двери, и тут же добавил: – вот и наша бурда подоспела. Если бы вы только знали, как меня воротит от нее, но, увы, желудок требует свое. Так что предлагаю и вам не отпираться, а то ослабните, да и политику могут пришить. Голодовку, как вам должно быть известно, в нашей стране не приемлют и воспринимают в качестве молчаливого бунта.

– Я уже созрел, придется и через это пройти, – с грустью в голосе промолвил Эди, что вызвало у Бизенко эмоциональную фразу:

– Ни в коем случае, это тупик для вас, а не свобода. Ради бога, поберегитесь.

– Спасибо за заботу, но я как раз и имел в виду, что придется есть эту бурду, – в прежнем тоне заметил Эди, потянувшись к тумбочке, чтобы достать из нее свою чашку. При этом отметил для себя, что Бизенко пытается уберечь его от ошибки, по всему, сделав на него ставку в своей игре на выживание.

– Вот это правильное решение, – улыбнулся Бизенко.

После завтрака, мытья посуды и последовавшей за этим уборкой камеры, осуществленной одним из лакеев блатных под контролем вездесущего Слюнявого, заставлявшего бедолагу вновь и вновь протирать влажной тряпкой обеденный стол, наступило некоторое затишье, что могло означать лишь одно: пришло время вызовов на допросы. И потому в ожидании предстоящих встреч со следователями каждый углубился в свои мысли. Лишь только из угла, где ютились блатные, доносился редкий смех, который должен был свидетельствовать об их безразличии к личной судьбе и готовности нести свой крест в любых условиях.

– Удивительные люди, их ничто не волнует и не заботит, – промолвил Бизенко, кивнув в их сторону. – В то время, когда нужно бы подумать над тем, о чем будут спрашивать и как отвечать, они гогочут. Хотя, что с них, с моральных уродов, взять. По всей вероятности, класик, сказавший, что так хочет время, а мы его рабы, был прав.

«Надо же, человек, который за три сребренника продал Родину, о морали заговорил. Считает возможным кого-то осуждать за нарушение правил общежития, норм закона, – больно ударила в виски Эди возмущенная мысль. – Неужели он не понимает глубину своего падения как с точки зрения той же морали, так и причиняемого им вреда обществу, частью которого сам является. Скорее всего, понимает, но не хочет признаться даже самому себе, возможно, находя оправдание совершенной им измене местию государству за насилие над своими близкими, а может быть, и иными соображениями. И, главное, изречением Шекспира: «так хочет время...» пытается объяснить происходящее», – рассуждал Эди, прислушиваясь к тому, что говорил Бизенко.

– ... Вне всякого сомнения, он был прав, – заключил Бизенко, ведь и в его время такого сброда тоже было полно, вы понимаете, о чем я, и, главное, так хотело время.

– Отчего же не понять, коль все это на поверхности нашего бытия лежит и легко обозреваемо. А этих пацанов с их волчьими повадками породило наше время, наше общество,

которое еще не достигло необходимого совершенства. Но, слава богу, в последние годы хоть что-то начали делать, – произнес Эди.

– Вы бы с этими выводами поаккуратнее, Эди, – посоветовал Бизенко, перейдя почти на шепот. – По крайней мере думайте, о чем будете говорить.

– Думать об этом не хочется: времена настали скоротечные. К тому же ваш классик говорил, что трусами нас делает раздумье. Правда, иногда голову посещает мысль, а не есть ли все это повторение «шестидесятых».

– Эди, я именно сейчас окончательно убедился, что вы образованный, но не совсем осторожный молодой человек.

Неожиданно шум открывшейся кормушки прервал их разговор... Надзиратель зычным голосом назвал фамилии трех заключенных, которым предстояли встречи со следователями. В их числе был и Бизенко.

– Ну, я пошел, – промолвил он, нехотя вставая с койки. – Вы же не забудьте о моих просьбах.

– Не забуду, я же обещал, – твердым голосом ответил Эди.

Спустя каких-то полчаса на допрос вызвали и Виктора. Перед тем как направиться к выходу, он подошел к Эди и спросил:

– Ну что, я начинаю действовать?

– За меня уже впрягся один дядя, поэтому пока не надо.

– Из блатных что ли?

– Сказано вам, пока не надо, значит не надо.

– Может быть, хоть в принципе перетереть?

– В принципе можно, но не более того.

– Заметано, вернусь и расскажу, что и как.

– Хорошо, – бесстрастно произнес Эди и лег на койку, давая тем самым понять, что разговор окончен.

Виктор, готовый еще что-то сказать, тут же умолк и медленно вразвалочку зашагал к выходу.

Надзиратели, обычно подгонявшие резкими командами каждого выводимого из камеры, в данном случае проявили неслыханную терпимость по отношению к Виктору, что не осталось незамеченным для заключенных, в том числе и для Эди, который взглядом провожал его до самой двери. Благосклонность надзирателей к Виктору можно было объяснить лишь тем, что он в силу каких-то причин имеет влияние на них, иначе они не стали бы с ним церемониться, и это следовало учитывать в дальнейшем общении с ним. «Надо сегодня же навести справки о нем у Карабанова, по всему, этот ловкий парень участвует в чьей-то игре, и с этим нужно разобраться, чтобы ненароком он не испортил нашу игру, может быть, даже порекомендовать убрать из камеры», – рассуждал Эди, но щелчки замка двери вернули его к действительности.

Открылась дверь, и в камеру прежним вальяжным шагом зашел Виктор.

– А вот и наш молчун, явился, не запылелся, – донесся голос Слюнявого, который, переваливаясь с ноги на ногу с театрально разведенными руками, вышел на середину камеры. – А ну-ка, фазан⁴², выкладывай, чего так рано от следака обернулся? Отчего он не уважил тебя допросом и не поделился долбанчиком⁴³, или ты все успел сделать за пятнадцать минут, или...?

– Ему не до меня было, его понос пробил, отчего на толчке безвылазно сидит, если не веришь, пойдй проверь, – выпалил громко Виктор, перекрывая голос Слюнявого, и под хохот эков прошел к своей койке и лег, что-то бурча себе под нос.

⁴² Фазан – молодой неопытный вор.

⁴³ Долбан – окуроч.

Слюнявый же некоторое время постоял в прежней позе, кидая буравящие взгляды то в одну, то в другую стороны, призывая тем самым смеющихся к спокойствию. Когда, наконец, смех прекратился, он, даже не поворачиваясь в сторону Виктора, раздраженно бросил:

– Ты чё, фаршмак⁴⁴, надо мной, фартовым⁴⁵, надумал смеяться? Ты чё, не знаешь, что за это бывает? – и, медленно развернувшись, направился к Виктору, выпучив глаза и вытянув вперед руки, словно желая дотянуться до его шеи.

Виктор ждать, когда он до него доберется, не стал, а со словами: «Это не для меня, бодайся с кем-нибудь другим», ловко перевалился через кровать Бизенко и сел напротив продолжающего лежать Эди, вызвав тем самым очередной хохот наблюдавших за происходящим эков.

Слюнявый собрался было последовать за Виктором, но его остановил окрик Долговязого, и он, продолжая высказывать угрозы в адрес своего обидчика, вернулся к себе.

Виктор, проводив Слюнявого взглядом с деланной улыбкой на лице, вполголоса произнес, обращаясь к Эди:

– Я его не боюсь, просто не хочу никакого бодания, это не мой конек, я действую тоньше, и этот шаромыга⁴⁶, корчащий из себя фартового вора, вскоре на себе почувствует мой метод воздействия, мне только нужно будет кое с кем переговорить.

– Если вы против боданий, зачем надо было обострять ситуацию? – отреагировал Эди, который также обратил внимание на то, что Виктор быстро вернулся с допроса.

– Я не был у следователя, меня вызывал Справедливый, который толковал с тобой на прогулке, – произнес Виктор, наблюдая за тем, как Эди отнесется к его словам.

– Так надо было об этом сказать Слюнявому, и он не лез бы к вам с угрозами, а то создали себе проблему на ровном месте, ведь он и на самом деле может ударить, так что теперь ждите от него пакостей, – заметил Эди, улыбаясь.

– С ним я как-нибудь разберусь, а вот тебя ждут серьезные неприятности, – прошептал Виктор, наклонившись к Эди.

– Куда уж серьезнее, я и так ни за что, ни про что наказан под завязку этой камерой, – отшутился Эди.

– Ты не смейся, Справедливый сказал, что тебе нужно быть осторожным, так как надзиратели задумали тебе сегодня темную устроить.

– Им что, больше делать нечего, как мне темную устраивать?

– Это из-за инкассатора, которого ты завалил, он приходился родственником одному из них.

– Откуда они могут знать, кто кого убил, не страшите, такого не может быть, чтобы ни с того, ни с сего темную устроили, – спокойно произнес Эди не столько для Виктора, сколько для операторов слухового контроля.

– Бывает, и тебе это, наверняка, должно быть известно. Вспомни, как тебя задерживали, как хотели избить в обезьяннике.

– Вообще-то, да, но откуда вам об этом известно? – удивленно спросил Эди.

– Откуда, откуда? Я тебе говорил, что у меня есть связи и в милиции, и среди блатных. Так что мне многое известно.

– Вот теперь начинаю верить тому, что вы говорили, а то мало ли ловких парней в изоляторе околачивается.

⁴⁴ Фаршмак – негодай.

⁴⁵ Фартовые ребята – постоянные обитатели тюрьмы.

⁴⁶ Шаромыга – человек, который любит пожить за чужой счет, в данном случае жулик.

– Вот и хорошо, – широко улыбнулся Виктор. – Это приятно будет узнать и Справедливому. Ну а что касается того надзирателя, он мне лично сказал, что его родственника ты замочил, и потому будет темная.

– Что еще хорошего ваши приятели сказали? – спросил Эди, присаживаясь на койке.

– А того, что сказал, разве мало? – произнес Виктор, удивленно глянув ему в глаза.

– Мало, Виктор, мало, утром же наобещал целый короб, а тут только про темную, советы пахана и ни слова об облегчении участи.

– Еще он дал понять, что у него в отношении тебя есть планы. Да, о нашем утреннем разговоре не говори ему, а то он может что-то не так понять.

– Не буду, если оставите попытки играть со мной в прятки. И еще, имей в виду, я не Слюнявый – бю без предупреждения.

– Усек, но будь уверен, я не отказался от своих утренних слов, у меня во всем этом имеется свой интерес, – вновь прошептал Виктор, положив правую руку на грудь.

– Посмотрим, к чему он приведет, но, смотри, только не ошибись, – твердо произнес Эди, приподнимаясь, чтобы пойти к умывальнику сполоснуть лицо холодной водой. Но не успел сделать и нескольких шагов, как из открывшейся форточки донеслась команда: «Атбиеву на выход».

Через десять минут он уже был сопровожден двумя надзирателями к следователю. По пути никаких эксцессов не произошло: лишь звучали обычные команды «стоять», «вперед», «лицом к стене», которые Эди выполнял беспрекословно, не теряя при этом бдительности, чтобы избежать неожиданного нападения. Он не исключал такой возможности с того самого момента, когда вчера «грозный надзиратель» толкнул его в бок, угрожая расправой.

В кабинете следователя находился только Артем, который, дождавшись, когда надзиратель закроет за собой дверь, шагнул к Эди и со словами:

– Рад видеть тебя, дружище, – крепко пожал протянутую ему для приветствия руку.

– Взаимно, – улыбнулся Эди, бросив при этом вопросительный взгляд на свободные стулья у стола.

– Николай за Юрой поехал, а следователь работает с «Иудой», вот-вот все должны подойти, а я тем временем поделюсь с тобой новостями с воли и горячими пирожками, которые по нашему спецзаказу изготовила супруга Николая, – произнес Артем, присаживаясь за стол.

– Спасибо, что не забываете о моем желудке, но сначала давай о насущном, – заметил Эди и сел напротив Артема, облокотившись на столешницу. Ему хотелось поскорее узнать, как развивается разработка Бизенко и его связей.

– Хорошо, – согласился Артем, ставя на стол пищевой термос. – Шушкеев пришел в себя и завтра будет готов давать показания. Правда, нет уверенности в том, что они будут выходить за рамки покушения на него со стороны Бизенко.

– Вполне возможно, тем более, «Иуда» принимает настойчивые меры к примирению с ним, в частности, попросил меня посодействовать ему в этом через Юру, – произнес Эди, передавая Артему записку.

– Прекрасно, Юра в один момент стал парнем нарасхват: на него вчера ночью выходили блатные с расспросами о тебе, мол, кто такой и откуда, из чего мы поняли, что твоя встреча с местным паханом состоялась, – медленно произнес Артем, пробежав глазами записку.

– Да, первые шаги сделаны, – согласился Эди и, в подробностях рассказав о своих беседах со Справедливым и Жиковым, заметил: – Завидную оперативность проявил этот Справедливый по установке Юры, ведь в разговоре с ним я назвал лишь его фамилию и имя.

– По данным Николая, у этого пахана в милиции имеются свои люди, которые снабжают его необходимой информацией, а что касается второго, то он обычная подсадная утка, услугами которого пользуются и угрозыск, и блатные, так что не теряй времени на него, а вот что касается пахана, то можно бы поиграть с ним. Не исключено, что через него удастся получить

какие-нибудь зацепки по делу инкассаторов. На этот счет я советовался с Маликовым, и он дал добро, но при условии, если ты считаешь возможным выполнение такой работы без ущерба для разработки «Иуды», – промолвил Артем, медленно кладя на стол развернутую записку.

– Справедливый дядька сложный, с ним ухо надо держать востро.

– Вне всякого сомнения, если он убедится, что ты не тот, кто ему нужен, то примет меры к наказанию за несбывшиеся надежды разбогатеть и, особенно, за избиение блатных.

– Разговор с Юрой даст дополнительную пищу для размышлений по этому поводу, а там и посмотрим, что и как делать. Сейчас давай лучше по существу послания «Иуды» в больницу и просьбы позвонить дочери, – предложил Эди, положив рядом с запиской листок бумаги с московским номером.

– С телефонами проще, мы все как надо обыграем, – сказал Артем, бросив взгляд на листок с телефоном.

– Имей в виду, звонок должен быть из Минска.

– Несомненно, но после соответствующей подготовки. Это не сложно сделать, меня, откровенно говоря, настораживает записка. Нельзя исключать, что ею он пытается передать Шушкееву какую-нибудь зашифрованную в словах информацию, например, инструкцию, как себя вести и о чем говорить следователю.

– Конечно, записку необходимо всесторонне исследовать, но не учитывать того, что она адресована человеку, которого он пытался убить, тоже нельзя. В любом случае, объект вынужденно дал нам возможность прямого контакта со своей преступной связью. При этом необязательно записку адресату доставлять, можно на словах передать извинения «Иуды».

– Интересная мысль, мы подработаем ситуацию.

– По всем этим вопросам Юру нужно всесторонне проинструктировать.

– Сделаем это вместе, – предложил Артем, медленно приподнимаясь из-за стола. – Задействуем былой опыт. Плохо то, что до настоящего времени не обладаем однозначной информацией о том, что практически связывает «Иуду» и Шушкеева – шпионаж или валюта.

– Пока очевидно лишь то, что объект хотел вывести Шушкеева из игры, по всей вероятности, почувствовав с его стороны какую-то реальную угрозу. Иначе не стал бы пускать в ход нож.

– Вчера этот негодяй отрицал даже свое знакомство с Шушкеевым, напирал на то, что содержится в СИЗО незаконно, за что организаторам его задержания придется отвечать по всей строгости советского закона. Но когда ему предъявили минские фотографии, сначала впал в ступор и некоторое время не мог даже слово вымолвить, а затем взял себя в руки и заявил, что вспомнил о встрече с ним, но к его ранению не имеет никакого отношения.

На сегодняшнем допросе вначале пытался придерживаться той же линии. Но когда ему предъявили остальные фотографии и сообщили о том, что Шушкеев сотрудничает со следствием, заявил, что не признавался в содеянном, потому что ему стыдно за свой поступок, в котором раскаивается и думает лишь о том, как замолить свой грех перед пострадавшим. При этом в наглую пытался получить у следователя информацию о происхождении этих фотографий, задавая различные вопросы, мол, вы что следили за Шушкеевым, что он такое сделал, почему его фотографировали вместе с ним.

– Такое развитие ситуации многое проясняет, – оживился Эди. – Только нужно спокойно сопоставить имеющуюся у нас информацию.

– Не хочешь ли ты сказать, что у тебя вырисовывается вариант, могущий объяснить истинную причину появления этой записки? – спросил Артем, слегка потирая виски пальцами рук.

– Как главное, я выделил бы, во-первых, стремление «Иуды» известить Шушкеева о том, что он находится в тюрьме из-за нанесенного ему ножевого ранения, но при этом не растеряв и располагает возможностью сноситься со своими связями на воле, отслеживать их дей-

ствия через надежных людей. Иначе говоря, оказать на Шушкеева психологическое воздействие, мол, смотри, у меня длинные руки. Во-вторых, как уже говорил, не исключаю попытку передачи ему в зашифрованном виде какой-нибудь инструкции, но это только в случае, если Шушкеев замешан в шпионских делах.

– Логично, согласен, – произнес Артем, опершись руками о стол. – Но отчего он не остерегается того, что записка может попасть не только в руки Шушкеева?

– Думаю, что даже после вчерашнего допроса у него не осталось иллюзий относительно себя и Шушкеева, иначе не стал бы так настойчиво просить о помощи. По всему, всесторонне проанализировав сложившуюся вокруг него ситуацию, он понял, что находится под наблюдением контрразведки и начал действовать.

– Логично. Он может допустить, что милиция им занялась только после его покушения на Шушкеева, – заключил Артем.

– И теперь «Иуде» остается выяснить, по какой статье мы его ведем – по шпионажу или незаконным валютным операциям.

– По его нынешним действиям он, скорее всего, допускает, что попал в поле зрения КГБ как валютчик и, теша себя иллюзиями, что нам неизвестно о его шпионской деятельности, будет пытаться увести следствие в нужном ему направлении.

– Так-то оно так, но у меня возникает вопрос, почему опытный шпион пытается решить в целом-то пустяковую задачу через нового знакомого, если намеревается сделать на него ставку в дальнейшей игре, а не подключает к операции с запиской, к примеру, Золтикова. Он же должен учитывать, что направляет Юру в руки чекистов, которые наверняка обложили со всех сторон Шушкеева.

– Можно допустить, что он не доверяет Золтикову или бережет его.

– Может быть, но, как мне представляется, «Иуда» хитрит. Я только что понял, почему он попросил меня первым делом организовать звонок дочери, а потом заняться запиской.

– Поясни, о чем речь, – попросил Артем, приседая на прежнее место.

– Он этой запиской просто решил проверить меня. Понимаешь, если Юра без проблем получит доступ к Шушкееву и тем более вручит ему записку, «Иуда» сразу поймет, что вся ситуация находится под контролем контрразведки, и тогда можно считать нашу операцию по внедрению завершенной. Но как бы ситуация с запиской не складывалась, звонок в Москву уже будет сделан. Отсюда можно допустить, что просьбой о передаче записки он просто прикрывает главное действие – звонок.

– Не радужную картину, однако, ты нарисовал, – озадаченно произнес Артем, бросив брезгливый взгляд на записку. – Этот негодяй действительно, хитер, если придумывает такие ходы, что в твоём изложении весьма похоже на правду. Надо же, находясь на краю пропасти, пытается в наглую играть с нами.

– Он борется за свою жизнь и потому ищет оптимальные варианты для спасения. Артем, знаешь, в далеком детстве, чтобы не умереть с голода, я со своими сверстниками капканами ловил степных сусликов и забивал их на мясо... Мы жарили это мясо и ели, что собственно и помогло многим из нас выжить в голодные послевоенные годы. Давалось это пропитание нелегко. Оказавшиеся в руках ловцов суслики перед лицом неминуемой гибели яростно царапали детские руки и нередко прокусывали их насквозь. Бывало, таким образом некоторым из них удавалось спастись, вырвавшись из рук раненого неудачника-ловца. А «Иуда» далеко не суслик.

– Как бы то ни было, прокусывать чекистские руки мы ему не дадим, – ухмыльнулся Артем и затем жестко добавил: – Он в наших руках, и мы заставим его играть в нашу игру.

– Дорогой Артем, будь мы на партсобрании, то я первым заплотодировал бы тебе после этих слов, – пошутил Эди.

– Но это я так, чтобы тебя эмоционально поддержать, – выпалил Артем несколько растерянно.

– Понял, я воодушевился и жажду геройства, – вновь пошутил Эди, сняв тем самым возникшее было напряжение.

– Тогда, давай, обкатаем схему наших действий, – предложил Артем, глубоко вздохнув.

– Итак, записку Шушкееву не передаем, помешали обстоятельства.

– Какие?

– Юра узнал, что его палата охраняется какими-то людьми.

– От кого узнал, и что это за люди?

– В больнице медсестрой хирургического отделения работает одноклассница Юры, с помощью которой он хотел попасть к Шушкееву, но она предупредила его, что около палаты постоянно дежурят какие-то люди – то ли милиционеры, то ли чекисты. Об этом знает весь медперсонал больницы.

– Логично, а как нам удастся пробиться через весь этот кордон и довести до Шушкеева суть записки?

– В обязанности одноклассницы Юры входит обслуживание оперированных: перевязки, уколы, пичканье таблетками и всякое там другое. Вот Юра и попросит ее довести до Шушкеева суть записки.

– А записку не может передать?

– Не может. Бойтся, там же парни чубатые, наподобие тебя.

– Ну-ну, – улыбнулся Артем, – рассказать может, а записку никак.

– Не хочет проблем с этими парнями, они же блюдут во все глаза, как бы что мимо них к объекту не проскользнуло.

– Вроде все на правду похоже, но за иронию с чубатыми парнями покрываюсь с тобой, когда все это завершится.

– Скорее бы, а то уже мои легкие бунтуют от камерного смрада.

– Скоро, скоро, и ты вернешься в свой санаторий, а то и вместе махнем туда к мо-о-рю, со-ол-нцу, к де-воч... – начал тянуть Артем, закинув руки за голову, но стук в дверь и появление в кабинете Бородин вернуло его к реальности.

Плотно прикрыв за собой дверь, он быстрым шагом прошел к столу.

Тепло поздоровавшись с Эди, он сел за стол и, окинув чекистов светящимся взглядом, победно произнес:

– Он начал давать подробные показания по факту покушения на Шушкеева. Правда, при этом утверждает, что не намеревался его убивать. Это была самозащита, так как Шушкеев, употребив лишнее, начал его избивать, а он, испугавшись тяжелых последствий для себя, схватил лежащий на столе нож и ударил.

– А о характере своих отношений, когда познакомились, что их объединяет – не рассказывает? – перебил следователя Артем.

– Нет, пока только пишем протокол по эпизоду с дракой и ранением. Он вновь, между прочим, спрашивал, откуда взялись те фотографии, а не может ли быть такого, что на фото-снимке изображен похожий на него человек. Интересовался, почему на его допросах, кроме следователя, присутствуют другие лица, имея в виду вчерашнее ваше участие, и кто они. Но я, как договорились, объясняю это резонансным характером расследуемого дела.

– Выходит, что помаленьку нервы у него сдают, – ухмыльнулся Артем.

– Скорее всего, да, – заметил Бородин, – у меня даже сложилось впечатление, что если бы ему напрямую сказали, например, ты валютчик, то он с готовностью признался бы в этом.

– Придет время, скажем и не только об этом, но пока необходимо, как и запланировано, раскручивать его по Шушкееву, – менторским тоном посоветовал Артем.

– Хорошо, будем двигаться по плану, – покорно согласился Бородин.

– Михаил Михайлович, вы с ним на сегодня уже завершили? – поинтересовался Эди, дождавшись паузы в диалоге.

– Нет, у нас будет еще продолжение. Он взялся писать сам, объяснив, что так у него лучше получится. Но он под наблюдением.

– Михаил, доведите до него в ненавязчивой форме, что вы запросили органы милиции и государственной безопасности по всем местам проживания Бизенко и Шушкеева сведения, могущие расширить представление следствия о них, – не дал ему договорить Артем. – Это должно его несколько напрячь и заставить остро реагировать на это.

Бородин в знак согласия кивнул головой и, сделав запись в лежащем перед ним блокноте, обратился к Эди:

– Вы хотели что-то уточнить?

– Да, сейчас очень важно получить информацию об истинных отношениях с Шушкеевым, что ему известно о его семье. Важны сведения о его друзьях и товарищах как в Минске, так и в других городах. Вопросы такого порядка для него, наверняка, окажутся чувствительными, поскольку он знает, что у вас есть возможность проверить его ответы, в том числе через того же Шушкеева. Это наиболее слабое место в избранной им линии защиты, если, конечно, они заранее не прорабатывали такую возможность. Кроме того, спросите, когда, на его взгляд, сделаны московские фотографии. С какой целью и к кому тогда приезжал Шушкеев в столицу. Можете даже сказать, что следствие подозревает пострадавшего в незаконной валютной деятельности. А его контакты с ним и эта поножовщина, мол, заставляют думать о всяком... Настойчиво предложите рассказать об этой стороне дела.

При этом имейте в виду, он однозначно понимает, что крепко сидит на крючке чекистов. Вот только не знает, насколько они осведомлены в его тайной жизни. Поэтому и необходимо особенно на первом этапе проявить усердие и заставить его разговориться о Шушкееве, связях в Москве и Белоруссии. Пусть называет тех, кто мог бы о нем хоть слово сказать.

– Вы в десятку попали. Это как раз то, чего он пытается обходить в своих ответах на мои вопросы, – произнес следователь, делая очередную пометку в блокноте.

– Ничего, а вы настойчиво возвращайте его к ним, при этом проговоритесь относительно того, что следствием выявлены подозрительные типы, снующие вокруг Шушкеева, в отношении которых в ближайшее время будут приняты необходимые меры, и тогда к Бизенко будут уже другие вопросы, а также учтен его отказ сотрудничать со следствием.

– Это придаст существенную остроту разговору с ним, – оживился Бородин.

– Ответы на поставленные вопросы нужны, чтобы двигаться дальше, а времени в обрез, минимум через пару дней мы должны перейти к более серьезному разговору с ним, – заметил Артем, поднимаясь из-за стола, после чего предложил следователю срочно возвращаться к Бизенко и поработать с ним в нужном плане.

Следователь бросил на Артема изучающий взгляд, быстро встал и вышел из кабинета.

– Надо подключить к делу и нашего следователя, этот несколько медлителен и пасует. Так не годится. В данном случае нужен орел, чтобы печень у этого негодяя выклевал, – произнес решительным голосом Артем, продолжая стоять у стола, скрестив руки на груди и переминаясь с ноги на ногу. По всему было видно, что он издергался за прошедшие дни и нервничает.

– Но только с целью изучения Бизенко, чтобы легче было работать с ним, когда пойдет наша компетенция.

– Это в первую очередь, к тому же он должен почувствовать, что следствие за него основательно взялось.

– Он волевой человек и готов идти на многое, чтобы добиться своей цели, – отметил Эди, и в подтверждение этому рассказал о некоторых своих наблюдениях в поведении «Иуды» в камере.

– Я тоже к такому заключению пришел. Он требует к себе более основательного подхода, иначе его не расколоть, хотя о чем я говорю, мы просто размажем его по стенке, ведь против него работает такой асс, как ты, – выпалил Артем, заговорщически глядя на Эди.

– Первую часть этого эмоционального выпада я адекватно воспринял, но а что касается второй части – нужно полагать, ты хочешь передо мной поставить многосложную задачу, иначе чего бы так изощрялся, – пошутил Эди, тепло посмотрев на Артема.

– А вот от чего! Понимаешь, братишка, как ты и полагал, наши криминалисты сделали однозначное заключение, что жена «Иуды» была отравлена редким ядом, скорее всего, произведенным где-то за бугром. Сейчас в нашей конторе такое творится...

– Вот это очень серьезный козырь в работе с ним. Надо только следы хранения яда на квартире или в гараже найти, – встрепенулся Эди, а затем, сделав паузу, как бы раздумывая над чем-то, резко бросил: – Необходимо срочно осмотреть его вещи, в том числе те, в которых он ходит, а то, не дай бог, сам отравится. У нас такие примеры уже были.

– Вот этого только не хватало, – нервно изрек Артем, приседая на стул. – Со шмотками проблем не будет, можно прощупать прямо в камере, выгнав из нее всех на прогулку, а как его раздеть, не вызвав подозрений, надо решить с Карабановым.

– В любом случае это желательно сделать сегодня, по крайней мере до того, как он однозначно поймет, что мы знаем о его шпионаже.

– Все будет нормально, заодно ребята еще раз просветят вещи, изъятые из квартиры, где он проживал, – сухо заметил Артем, и какая-то тень пробежала по его лицу.

Эди, обративший внимание на происшедшее изменение в его настроении, спросил:

– Что-то не так?

– К сожалению, да. Представляешь, профукали его кейс.

– То есть как профукали? – недоуменно произнес Эди.

– Фраернулись, как какие-то пацаны, по-другому и не сказать, – отреагировал Артем, сжав до хруста в суставах кулаки. – В тот день, когда взяли Бизенко, на квартире за полчаса до наших ребят побывал его приятель. Так вот, он, сказал хозяевам, что выполняет просьбу Бизенко и унес кейс.

– А что наружка, ведь за квартирой велось наблюдение?

– Велось, но только с помощью дистанционной техники, наружка стояла у дома. Вход человека в квартиру оператор не зафиксировал или прозевал, увидел его только при выходе из нее... Если бы знали, что он заходил без кейса, то церемониться не стали бы, а так взяли по классике под наблюдение и проследили до адреса. Сейчас идет разработка, но кейс не дает мне покоя, там могли находиться доказательства шпионажа «Иуды», – раздраженно выпалил Артем.

– Могли, но ответить на этот вопрос можно лишь открыв кейс, – сочувственно промолвил Эди.

– Думаю, кейс никуда не денется, как впрочем, и этот ловкач, ребята его так плотно обложили, что он пописать без нашего контроля не сумеет.

– Это хорошо, но никак не пойму, как этот человек умудрился не попасть в поле зрения наших ребят, ведь он с «Иудой» контактировал, на квартиру с ним возможно ходил. Иначе незнакомцу хозяева не отдали бы вещь своего гостя.

– И Николай не менее этим шокирован.

– Ну прямо невидимка, нам лишь остается молиться, чтобы он не оказался шпионской связью «Иуды», – с напряжением в голосе промолвил Эди.

– Будь так, «Иуда» не тащил бы его на квартиру. Скорее всего, это валютчик, а что касается хозяев квартиры, то у меня сложилось впечатление, что они многое не договаривают, но будем их помаленьку трясти, может быть, и проговорятся.

– Возможно, – согласился Эди, – но открытым остается еще один вопрос, каким образом приятель «Иуды» так оперативно узнал о его задержании.

– У тебя что ни вопрос, так удар под дых. В данном случае может быть два варианта: или от хозяев квартиры, которым, в свою очередь, слил информацию кто-то из милиции, знающий, что «Иуда» их постоялец, или этот тип, унесший кейс, контролировал ситуацию вокруг «Иуды».

– Я больше склоняюсь к версии о милицмейском следе, допуская, что кто-то из родственников хозяев квартиры работает в ОВД, который, на всякий случай, без враждебного умысла мог сказать им о происшедшем. Иначе, какой-то закрученный детектив получается, в котором кругом орудут одни шпионы.

Артем внимательно посмотрел на своего собеседника и, хихикнув, весело произнес:

– Эди, в нашем случае без шпионов не получится.

– Знаю, что без них у тебя одна тоска, – в тон ему отреагировал Эди, улыбнувшись, а затем, придав лицу серьезный вид, продолжил: – но, тем не менее, предлагаю проверить мою версию.

– Проверим, если надо, подключим возможности замминистра.

– И еще, по-моему, при завтрашнем допросе нужно огорошить «Иуду» вопросами о хозяевах квартиры, его вещах в ней, затронуть тему о кейсе, мол, что в нем принадлежит ему, а что нет, из чего он может сделать вывод, что кейс у нас. Это напряжет шпиона и заставит сильнее волноваться, что облегчит мою работу с ним, – предложил Эди.

– Согласен, но только после тщательного осмотра его вещей, а то ты сам говорил, как бы он...

Однако, ему договорить не удалось – раздался стук в дверь, и через несколько секунд в кабинет вошли Николай и Юра.

– Вот и мы, – весело произнес Николай, плотно прикрыв за собой дверь, а затем, кивнув в сторону своего спутника, добавил: – Это и есть Юра Рожков.

– Прекрасно, ребята, присаживайтесь, до прихода Бородина нам нужно поговорить о наших делах.

После знакомства и взаимных рукопожатий Эди и Юра согласовали порядок действий при общении с блатными и выполнении поручения «Иуды» в отношении Шушкеева. После чего Юра начал рассказывать, что делает, дабы поднять в изоляторе шум по поводу задержания Эди.

– Твои усилия уже сработали, Карабанов мне сегодня сообщил, что среди обслуживающего персонала СИЗО распространился слух о том, что за Эди вступился его местный товарищ, наняв некоего маститого адвоката, который то ли написал, то ли собирается писать в прокуратуру.

– Прекрасно, теперь надо двигаться дальше, – бодро произнес Артем, легко стукнув ладонью по столу.

– Да, только не забудьте передачку в камеру организовать, иначе мои сотоварищи не оценят моей крутизны – кореш есть, а жратвы нет.

– Организуем, сегодня или завтра с утра, – улыбаясь, промолвил Николай.

– Тогда, начальники, зовите следака, хочу на нары, – пошутил Эди, окинув ироничным взглядом своих собеседников.

– Не дай бог, такого иметь по ту сторону баррикад, – произнес Николай, коснувшись рукой плеча Эди.

– Да ну тебя, Коля, чего только в твою голову не лезет, – широко улыбнулся Артем. – Иди лучше зови нашего следопыта.

– Уже бегу, – отшутился Николай, медленно поднимаясь со стула.

– Таким темпом у тебя получится как в дремучем анекдоте о черепахе, которую лев посылал звать на сход зверей прохиндейку лису, – произнес Артем, подтрунивая над медленно двигающимся к выходу Николаем.

– Будете ерничать, вообще не пойду, – бросил он в сторону Артема, уже взявшись за ручку двери.

Тем не менее, через каких-то десять минут он вернулся вместе с Бородиным, который с порога в сердцах выпалил:

– Но такого мерзавца, как этот ваш Бизенко, я еще не видывал, он меня до кипения довел, ты ему одно, а он талдычит только о своем и о своем.

Окинув вошедшего недовольным взглядом, Артем жестко промолвил:

– Между прочим, он у нас один на всех и ожидать от него душевных откровений не следует. Надо заставить его говорить, используя для этого все доступные средства.

– Извините, вы уже не первый раз мне говорите, что надо заставить, заставить, но не забывайте, мы живем не в те времена, когда...

– Вы меня не так поняли, – прервал Артем следователя, – я имею в виду, прежде всего, искусство допроса, умение заставить этого подонка ошибаться.

– Мы и так немало продвинулись, – отпарировал Бородин, – с таким человеком, как Бизенко, не все сразу получается, а мою эмоцию, коллега, вы восприняли дословно. Не торопитесь с выводами, в нашем случае необходима дотошная совместная работа. Поэтому предлагаю ежедневно с учетом складывающейся ситуации корректировать план и тактику работы с подследственным, а не только призывать к действиям. Тогда и результат не заставит себя ждать.

Эди внимательно слушал Бородина, который, к его удивлению, неожиданно дал резкий отпор необоснованным наездам на себя, проявив при этом твердость характера и знание дела. От этого Артем сначала было даже растерялся, а потом съезжился и, как показалось Эди, намеривался осадить, на его взгляд, зарвавшегося следователя. В целом создалась ситуация, которая могла перерасти в контрпродуктивное столкновение характеров, что усложнило бы их дальнейшую совместную работу, чего нельзя было допустить.

«Надо спустить пар, иначе они могут и рассориться не на шутку», – решил Эди, и, не ожидая, когда Бородин завершит свой монолог, улыбнувшись, резко заметил:

– Извините, ребята. Как вы догадываетесь, я тоже имею отношение к этому делу. И потому хочу высказаться, конечно, если вы не возражаете, а то вы без меня все тут решите.

Произнеся эти слова, Эди сделал паузу, внимательно вглядываясь в лица Бородина и Артема, на которых еще сохранялись тени бывшего напряжения, как бы предлагая им, мол, прекратить фехтование колкостями, и, под одобрительное Николая: «Эди, говори» продолжил:

– Бизенко, действительно, трудный случай, в этом никто не сомневается, как и в том, что с ним нужно работать напористо и системно, и такие возможности у нас имеются. Есть совсем новые моменты, которые позволят его растолкать, есть и мысли, как использовать с максимальной пользой. Поэтому предлагаю еще раз все взвесить и четко определить, кто и как будет действовать. И поскольку все нити по данному делу держит в своих руках Артем, ему и карты в руки, но только предлагаю предварительно отпустить Юру, он должен заниматься моей свободой.

– Давайте так и сделаем, – согласился Николай.

– Я – за, но сначала нужно закончить с Бизенко и вернуть его в камеру на обед, – заметил Бородин и тут же подчеркнуто вежливо сказал Эди: – Вам тоже следует вернуться, а то могут возникнуть подозрения у сокамерников, да и надзиратели зададутся вопросами относительно того, где вы питаетесь. Если не в камере, значит кто-то подкармливает, здесь такое себе могут позволить лишь опера.

– Хорошо, давайте так и поступим, – примирительно промолвил Артем, поднимаясь из-за стола.

Вслед за ним встали и остальные. Николай и Юра тут же ушли. Артем медленно подошел к Эди и ткнул его кулаком в грудь, на что он отреагировал фразой:

– Это ты мне приятного аппетита так желаешь?

– От него дождешься приятных слов?! – иронично произнес Бородин, улыбнувшись.

– Да ну вас, ребята, – только и смог сказать Артем, окинув теплым взглядом Бородина, который наклонился к столу, чтобы нажать кнопку вызова.

– Эди, вы присядьте на стул, я вызвал надзирателей. Да, кстати, не забывайте о том, что они на вас затаили злобу, – порекомендовал Бородин, поглядывая на дверь.

– А разве с ними профилактическую работу не провели? – с волнением в голосе спросил Артем.

– Провели, но береженого, как говорится, бог бережет.

– Понятно, спасение утопающего... – начал было Артем, но стук в дверь и появление в кабинете надзирателя не позволили ему досказать известную пословицу.

Эди встал и, сложив руки за спиной, направился к выходу.

Когда через десять минут он остановился, повернувшись к стене около третьей камеры, один из двух сопровождавших его надзирателей скомандовал:

– Чего остановился, тебе не сюда, шагай до восьмой.

– Я здесь прописан, и мои вещи здесь, – произнес Эди, держа в поле зрения обоих надзирателей. Эта фраза была и своеобразным тестом для выяснения их истинных намерений.

– Твои шмотки уже в восьмой, мы перенесли, сейчас ты их увидишь, – оскалился тот же надзиратель.

«Такого не бывает, чтобы вещи зэка носили надзиратели, значит эти ублюдки решили затолкнуть меня к блатным, чтобы те избили, а потом сказать, что случайно перепутали камеру...» – рассуждал Эди, шагая вперед.

Как только процессия достигла восьмой камеры, надзиратель вновь скомандовал: «Стоять! – и затем, распахнув дверь, которая почему-то оказалась не запертой, нервно добавил: – В камеру».

Эди сделал два быстрых шага в камеру – один вперед, а другой вправо к стене – и встал, напряженно оглядывая пустую камеру. «Наверно, зэков на прогулку вывели», – подумал он, наблюдая за тем, как сопровождавшие его надзиратели зашли следом за ним и плотно прикрыли за собой дверь. В это время из дальнего угла на середину камеры вышли еще двое других, в одном из которых Эди узнал «грозного надзирателя».

«Решился все-таки на беспредел, лакей блатных, но посмотрим, что у тебя из этого получится», – еле слышно промолвил Эди, отслеживая движения приближающихся к нему надзирателей.

– Ну что, бандюга, труханул, – оскалился «грозный надзиратель», – мы сейчас тебе за все воздадим, и ты будешь всю оставшуюся паскудную жизнь кровью харкать. Против нас твои выкрутасы с ногами не пройдут.

– Если еще умудрится выжить, – в тон ему добавил один из тех, кто его сопровождал в камеру.

Эди же тем временем молча наблюдал за ними, уже готовый драться как тысяча чертей, так как увидел в этих оборотнях врагов системы, которой верил и исправно служил. Он даже почувствовал, что к нему пришло какое-то до сих пор ему мало известное чувство тяжелой злобы и ненависти, сиюминутно вскормленное хамством и наглостью этих распоясавшихся типов. Это чувство даже заставило сделать его шаг им навстречу, чем немало их озадачил.

Но, переборов в себе секундное замешательство, «грозный надзиратель» крикнул: «Дави его!» – и бросился на Эди с вытянутыми руками, но был опрокинут на пол акцентированным встречным ударом правой ноги в грудь. Отлетая назад, он задел своего напарника слева и вывел его из равновесия, чем тут же воспользовался Эди. Уходя от ударов наседавших со стороны

двери двух надзирателей, он той же ногой сделал глубокий выпад к нему и нанес удар правым кулаком в пах, отчего тот сразу со стоном рухнул на пол, схватившись руками за промежность и поджав к животу ноги. Эди же, совершив кувырок через него, встал, развернувшись к остальным нападавшим. Последовавшая за этим схватка была еще короче.

После нее он некоторое время постоял над лежащими надзирателями, не зная, что с ними делать. А потом, приняв решение возвратиться в камеру как ни в чем не бывало, извлек из кармана одного из сопровождавших его надзирателей связку ключей и, убедившись, что в коридоре все спокойно, вышел.

Через какие-то секунды он уже был у третьей камеры. На свою удачу, сразу смог подобрать нужный ключ и отпереть ее. Перед тем как войти, он выбросил связку ключей в сторону восьмой камеры и, плотно закрыв за собой дверь, направился к своей койке.

Появление Эди в камере без сопровождения крикливых надзирателей и то, что дверь осталась не запертой, вызвало немалое удивление заключенных, но, тем не менее, они молчали, поскольку поняли, что здесь что-то не так.

Первым не выдержал Слюнявый и громко произнес:

– О-о, теперь у нас самообслуживание, как в мужицкой рыгаловке⁴⁷, и мы можем шлындать⁴⁸ туда и сюда без шерсти кислой⁴⁹. Не понятно только, зачем надо было шлюцы⁵⁰ выбрасывать,годились бы братве. Я сейчас позекаю⁵¹ и если что, притараню⁵².

– Я тебе так притараню, что мало не покажется, – с угрозой в голосе выпалил Эди, присаживаясь на койку. – Никто к двери не подходит, если не хочет иметь неприятностей.

– Так бы и сказал, а то молчок, ну я и прикинул... – начал было снова Слюнявый, но, услышав донесшийся из коридора торопливый цокот множества подкованных сапог, в которых здесь ходят только надзиратели и конвоиры, тут же умолк.

Эди, ожидавший этого переполюха, не думал, что он начнется так скоро. «Видно, кто-то из них оклемался и поднял тревогу, надо было для пущей важности еще по одному разу долбануть по макушке. Подать что ли сигнал тревоги операторам? Хотя не надо, Карабанов наверняка будет проинформирован об этом происшествии, он и скажет ребятам», – рассуждал Эди, но с шумом открывшаяся дверь прервала ход его мыслей.

«Всем построиться!» – раздалась команда одного из стоящих в коридоре надзирателей, после которой эки стали торопливо выходить в центр камеры и строиться в шеренгу. Также поступил и Эди.

Дождавшись исполнения команды, в камеру вошли трое военных в форме внутренних войск во главе с Карабанным. В коридоре остались стоять еще несколько надзирателей, среди которых Эди заметил одного из тех, кто его сопровождал в камеру. Ему меньше всего и досталось при потасовке, поскольку все время молчал, не ругался, да и в драку, по всему, полез лишь из соображений товарищеской солидарности.

– Граждане заключенные, у вас все нормально, есть ли какие-нибудь претензии, заявления? – жестко произнес Карабанов, пристально оглядывая строй.

– Нормально, нормально, заявлений нет, – донеслось из шеренги.

– Нормально, нормально, тогда почему дверь в камеру не заперта? – повышая голос, спросил Карабанов, хотя и понимал несурзность своего вопроса.

⁴⁷ Рыгаловка – в данном случае столовая.

⁴⁸ Шлындать – ходить пешком.

⁴⁹ Шерсть кислая – надзиратель.

⁵⁰ Шлюцы – ключи.

⁵¹ Позекать – посмотреть.

⁵² Притаранить – принести.

– Ай да дела, теперь с нас еще за дверь спрашивают, – развязно проскрипел Слюнявый, а затем, хихикнув, добавил: – А ты, гражданин начальник, мне дай шлюцы. Я буду от-кры-вать и зак-ры-вать хату, и все будет в ажуре⁵³, это я вам говорю.

– Не гримасничай, не до твоих выпендреек, лучше скажи, кто последним в камеру вошел?

Неожиданно в камере наступила тишина, даже Слюнявый моментально умолк, и вопрос Карабанова повис в воздухе. Оценив для себя поведение сокамерников, Эди произнес:

– Я несколько минут тому назад вернулся с допроса, после меня никого не было.

– А дверь?

– Скорее всего, надзиратель забыл закрыть, – спокойным голосом ответил Эди.

– Возможно, возможно, но это не так. Так что следуйте за мной, будем в другом месте разбираться с этим, – угрожающе произнес Карабанов, и, круто развернувшись, вышел из камеры. А Эди, сложив руки за спиной, направился за ним.

Вслед ему послышались подбадривающие пожелания сокамерников. Даже Слюнявый и то посоветовал при допросе «чесать лохматого»⁵⁴.

«Надо же, никто не указал на меня, нравится тебе это или не нравится, товарищ майор, но это заслуживает уважения. Одним словом, не как на партийном собрании, где очень принципиальные товарищи могли бы спросить, а почему ты не пошел и не потребовал, чтобы за тобой дверь закрыли, или почему не постоял у этой самой двери до прихода надзирателя. Зэки же промолчали, а этот шнырь, более того, стал иронизировать по поводу вопроса Карабанова о двери. Вопрос-то, действительно, смешной, надо будет позже, когда вся эта катавасия закончится, рассказать ребятам в качестве анекдота, пусть посмеются...» – рассуждал Эди, внутренне смеясь над происшедшим в камере. От этих мыслей его не отвлекали даже периодически звучащие команды надзирателей и скрип открывающихся и закрывающихся решеток.

Вскоре процессия прежним строем затекла в служебный корпус и, поднявшись на второй этаж по узкому лестничному пролету, остановилась у обитой черным кожаным материалом начальной двери, выходящей в сумрачный коридор: другие соседствующие с ней несколько дверей по известной причине не удостоились такой чести.

– Через десять минут заключенного ко мне. Вам двоим охранять его. Смотрите, чтобы не сбежал. Остальным заняться говнюками из восьмой, – приказал Карабанов, зашел в кабинет, и, уже почти прикрыв за собой дверь, через плечо бросил: – И, как следует.

– Есть как следует, – отчеканили стоящие по стойке смирно подчиненные и, круто развернувшись, зашагали в обратном направлении.

Эди под наблюдением надзирателей остался стоять около кабинета, упершись взглядом в стену ядовито-зеленого цвета. Его попытка развернуться лицом к зарешеченному окну, за которым виднелась покачивающаяся на легком ветру крона белоствольного тополя, сквозь которую, словно огненные копыя, пробивались лучи летнего солнца, завершилась неудачей. Надзиратели потребовали оставаться в прежнем положении, что было воспринято им с пониманием, ведь они воспринимали его как опасного преступника, который может перегрызть толстую решетку и сбежать.

Неожиданно в коридоре показался почти бегущий Николай, который, пристально оглядев Эди с ног до головы, юркнул в кабинет. «Наверно, хотел убедиться, что я цел», – успел подумать Эди, как открылась дверь, и послышалась команда Карабанова:

– Заключенный, проходите в кабинет, а вы двое подождите там, пока не позову, – распорядился Карабанов, указав надзирателям на стулья, что стояли у входа в соседний кабинет. Николай встретил Эди вопросом:

⁵³ Ажур – норма.

⁵⁴ Чесать лохматого – врать без зазрения совести.

– Ты в норме? – и не дожидаясь ответа, продолжил: – Я, как узнал, сразу прибежал, оставив Бородина одного с Бизенко, он продолжает допрос. Артем в комитете, срочно вызвал Тарасов для разговора, вот-вот должен подъехать.

Эди хотел было уже ответить на вопрос Николая, но его опередил Карабанов:

– Он, слава богу, в норме, я за ним наблюдал по дороге сюда, чего не скажешь о тех негодях.

– Сажать их надо, сажать, – сквозь плотно сжатые зубы процедил Николай. – Ты представляешь, какие последствия могли быть, если бы им удалось совершить задуманное?

– Нетрудно догадаться, – с содроганием в голосе ответил Карабанов, – но, слава богу, Эди оказался им не по зубам.

– Сажать, может, и не надо, но вот гнать из системы определенно надо, пока они не натворили чего-нибудь похуже, – высказал свое мнение Эди. – К тому же, один из них, что мощнее других выглядит, лакействует перед Справедливым, я сам это видел.

– Это Зиновкин, известный тип, находится у нас в проверке по подозрению в соучастии с блатными, – отреагировал Карабанов.

– Выходит, он мог действовать и по поручению этого ворюги, – предположил Николай.

– Не исключено. И если это так, то Справедливый задумал, во-первых, отомстить за своих блатных и, во-вторых, подтолкнуть Эди к себе за поддержкой, – согласился Карабанов.

– Я склоняюсь к тому, что надзиратели действовали по своей инициативе, решив наказать меня за инкассаторов, – равнодушно заметил Эди, – хотя по сути это несколько их не оправдывает... И потому предлагаю особо не отвлекаться на них, так как нам нужно решать главную задачу.

– Внутреннее расследование мы просто обязаны провести, но оно не помешает нашим планам. В ином случае невозможно будет принять кадровое решение, – в извинительном тоне промолвил Карабанов.

– Но предварительно из них нужно вытянуть максимум сведений об истинных причинах нападения на заключенного, это пригодится Эди в дальнейшей работе здесь, – подчеркнул Николай, глянув на собеседников.

– Это будет условием того, что мы их не посадим. Так что они, как я думаю, будут разговорчивы, – улыбнулся Карабанов. – Вот только надо как-то обыграть ситуацию с дверью и возвращением Эди в камеру, а также его доставкой в администрацию. Этот факт да и то, что произошло в восьмой камере, наверняка станет достоянием заключенных, особенно блатных, если не сегодня, то завтра наверняка, такие дела от них не скрыть, у них повсюду имеются свои глаза и уши.

– Поэтому не надо пытаться делать из этого тайну, – спокойно отреагировал Эди. – А относительно своего пребывания в администрации, если потребуется, скажу, мол, следак хотел пристегнуть к очередному делу, но я заявил, что ничего не знаю и изрядно чесал лохматого, как советовал Слюнявый. Ну а как повести себя с Бизенко, определюсь при встрече с ним.

– По-моему, убедительно, – промолвил Николай и вопросительно глянул на Карабанова. Тот в знак согласия сначала молча кивнул, а затем важно обронил:

– Конечно, чем проще, тем лучше. Предложенный вариант проходной, потому что он без всяких там премудростей. Здешний народ, хоть и сволочной, но не лишен наблюдательности и способности к анализу.

– В этом, если речь ведете о блатных, им не откажешь, а что касается Бизенко, тем более, – задумчиво произнес Эди. – Поэтому, Николай, мне кажется, что до него под благовидным предлогом целесообразно довести информацию о моем столкновении с надзирателями.

– Не совсем понятно, с какой целью, да и у Бизенко может возникнуть вопрос, с чего это следователь решил с ним делиться такой новостью, – с сомнением в голосе заметил Карабанов.

– Этого можно достигнуть вопросами по уточнению обстоятельств происшедшего и отрицательных черт характера Эди, которые могли толкнуть его на противостояние с надзирателями, – предложил Николай, уже понявший, что Эди задумал сложившуюся ситуацию использовать для получения информации о том, как объект отреагирует на интерес следователя к соседу по камере и будет ли поддерживать разговор о нем.

– В таком ключе, конечно, это может сработать на пользу, – согласился Карабанов.

Довольный тем, что предложенная им логика действий оказалась убедительной для многоопытного знатока эковского закулисья, Николай продолжил:

– Я сейчас вернусь к Бородину, но у нас нерешенным остается вопрос с осмотром вещей...

– В камере это произойдет после обеда, во время прогулки эков, а чтобы раздеть Бизенко, сегодня ближе к вечеру устроим баню, мы на этот счет с Артемом уже договорились, – отреагировал Карабанов, прервав Николая.

– Я в курсе, нужно только дождаться наших специалистов, – порекомендовал Николай и, попрощавшись с Эди, направился к двери.

Оставшись вдвоем, Эди и Карабанов еще некоторое время поговорили об обстановке в изоляторе, Справедливом и его роли в управлении минским воровским сообществом. Перед тем как вызвать надзирателей для возвращения Эди в камеру, он назвал ему фамилию своего агента и пароль для связи с ним. При этом заметил:

– С Жиковым будь поаккуратнее, он работает на всех, при этом рисуется, завышает свои возможности.

– Тем не менее, в осведомленности ему не откажешь: он знал о решении надзирателей наказать меня.

– Я же и говорю, что он со всеми... – только и успел сказать Карабанов, как в кабинет вошли двое надзирателей.

Глава IX

Через пятнадцать минут Эди уже был в камере. Ее обитатели встретили его подчеркнуто тепло, а сидевший за столом Слюнявый даже предложил подкрепиться жрачкой⁵⁵ из запасов братвы.

Эди, поблагодарив всех коротким спасибо, прошел к своей койке и лег, прикрыв глаза: ему хотелось забыться и уснуть. Это дало бы возможность быстро восстановить силы, но рой мыслей, связанных с тем, что произошло за прошедшие полдня, тревожили его и не давали расслабиться. Лишь спустя минут десять усилием воли ему удалось прогнать их прочь и погрузиться в тревожный сон.

Наблюдавшие за ним сокамерники, снедаемые любопытством узнать, а что все-таки произошло, не решились потревожить его.

Однако, услышав лязг ключей и скрип открывающейся двери, он тут же открыл глаза и увидел, как в камеру медленным шагом вошел Бизенко. Остановившись у самого входа на какие-то мгновения, он первым делом бросил взгляд в сторону Эди, а затем чуть быстрее направился к нему, не обращая никакого внимания на вопросы и реплики со стороны сокамерников.

– Все-таки вы дали им повод зацепиться за себя, – удрученно обронил Бизенко, присаживаясь напротив него. – Они пытали меня, стараясь получить что-либо компрометирующее вас.

– О чем это вы? – спросил Эди, резко присев на койке. – То есть, как это пытали?!

– Не буквально, конечно, но сделав акцент на том, что вы напали на надзирателей, требовали сведений о вас, – полушепотом произнес Бизенко, наклонившись к Эди.

– А вы-то причем, к тому же все это произошло в ваше отсутствие.

– Не знаю, но они все выпытывали, не собирались ли вы нападать на них и всякое тому подобное. По всему, вас не хотят выпускать отсюда.

– Ничего у них из этого не получится, Юра уже объявился, он уже...

– И что? – не дав закончить, спросил Бизенко.

– Он, оказывается, утром в прокуратуре такую бучу поднял, а потом примчался сюда вместе с каким-то адвокатом, который так застрашал моего следователя, который то ли с перепуга, то ли на всякий случай дал ему встретиться со мной.

– Выходит, Юре не следователь сказал, что вы здесь, если он так перепугался? – неожиданно спросил Бизенко, пристально глядя в глаза Эди.

– Мерзавец, он, по всему, и не думал выполнять мою просьбу, но я застраховал себя, как говорится, дублем.

– Чем застраховали? – переспросил Бизенко, изобразив на лице удивление.

– Знаете, вы мне чем-то напомнили следователя, который пытается изобличить меня во лжи, когда я ему твержу, что ничего не знаю об инкассаторах, – раздраженно произнес Эди, упершись взглядом в переносицу Бизенко.

– Эди, да вы что, ради бога извините, я просто обрадовался вашей дальновидности и тому, как вам удалось найти Юру. Вы же понимаете, почему я так трепетно отношусь ко всему, что связано с этим человеком.

– Ну, хорошо, – примирительно произнес Эди, – я вчера на прогулке познакомился с одним влиятельным блатным, который и сумел передать по своим каналам Юре нужные слова. Откровенно говоря, я и не надеялся, но оказалось, что вор умеет держать слово.

– Вам удалось с Юрой встретиться?

⁵⁵ Жрачка – еда.

– Нет, но я написал ему, что нужно сделать, и передал через адвоката вашу записку. Думаю, завтра или послезавтра мне удастся с ним лично встретиться. По крайней мере, адвокат пообещал все организовать.

– Эди, а что все-таки произошло у вас с надзирателями?

– Они хотели избить меня, затолкав для этого в пустую камеру, но не рассчитали свои силы.

– Вы знаете, когда следователь начал мне задавать вопросы, я чуть дара речи не лишился, подумав, что они с вами что-нибудь сделали, но зайдя в камеру и увидев вас в добром здравии, успокоился. Ради бога не давайте им повода. Если что, лучше промолчите, это нисколько не умалит вашего достоинства. Они не заслуживают того, чтобы вы обращали на них внимания.

– Извините, но это очень сложно сделать, когда четверо молодых людей наваливаются на тебя с кулаками и перекошенными от злобы лицами, – произнес Эди, ухмыльнувшись.

– Не хотелось бы, чтобы они, воспользовавшись вашим независимым характером, толкнули бы к поступку, за который могут осудить.

– Уже пытались, вытащив меня на повторный допрос, но я смог отбиться.

– А как?

– Я просто задал следователю встречные вопросы, мол, почему меня отвели в восьмую камеру, если после допроса должны были вернуть в третью. Где находились в неурочное время эки из восьмой камеры, и почему в ней оказались четыре надзирателя, если меня сопровождали только двое. При этом пригрозил, что через адвоката обращусь в прокуратуру с заявлением о расследовании этого вопиющего факта произвола со стороны администрации СИЗО. И этим заметно охладил их пыл.

– Может быть, все-таки следовало и на самом деле заявить, – промолвил Бизенко. – Как бы не получилось, что вас успокоили, а сами будут действовать. От них всякое можно ожидать.

– У меня завтра будет новая встреча с адвокатом. С ним и решу, как быть. Он опытный специалист в своем деле, я это сразу почувствовал.

– Вот это правильно, – промолвил Бизенко, глубоко вздохнув.

– Ну что мы все обо мне, да обо мне, как-то даже неудобно, лучше скажите, как ваши дела складываются? – спросил Эди, глядя в глаза Бизенко.

Это был первый вопрос по существу дела, адресованный объекту с момента их знакомства. От того, как Бизенко его воспримет и насколько правдивый будет ответ, можно было делать какие-то выводы относительно его готовности к углублению их отношений. Время спрашивать и интересоваться делами соседа по камере уже пришло, иначе могло создаться впечатление, что Эди безразличен этот участливый к его судьбе человек, что в целом противоречило бы избранной им линии поведения. Или напрашивался бы вывод – он не спрашивает, потому что знает о происходящем с объектом. И потому Эди внутренне напряженно ждал реакции собеседника, не отрывая от него взгляда.

Бизенко выдержал этот вопросительный взгляд, и в очередной раз глубоко вздохнув, заговорил:

– Я им признался в том, что ранил своего товарища и готов понести за это заслуженную кару, но они что-то тянут, будто чего-то ждут, чего – толком не говорят. Я даже спрашивал у следователя, чего ему от меня еще нужно, а он вокруг да около. Вот сегодня неожиданно начал спрашивать, знаю ли я о том, что Шушкеев спекулировал валютой. Можно подумать, что тот раскладывал передо мной свои секреты. Так что чувствую, крепко за меня взялись эти то-ва-ри-щи.

– В смысле как – товарищи, их что, много? – спросил Эди.

– Каждый раз по два-три человека бывает, и, как это у них называется, перекрестный допрос устраивают, чтобы запутать меня и заставить что-то лишнее сказать. В целом неприятная, а по сути детская игра в кошки и мышки. Ничего этими хитростями они не достигнут.

– Весело, однако, у вас там. У меня проще, изо дня в день одно и то же: «это ты поубивал инкассаторов?» и «куда краденые деньги подевал?», «признавайся добровольно, и мы скостим тебе срок» – усмехнулся Эди, а потом, сделав короткую паузу, будто раздумывая над пришедшей ему в голову мыслью, неожиданно уткнулся тревожным взглядом в «Иуду» и, стиснув зубы, произнес: – Пойдите, пойдите, что ж получается, выходит, я с вашей подачи Юру направил к человеку, которого они подозревают в валютных сделках?..

– Эди, это только домыслы ментов, – трясущимся от волнения голосом быстро пролепетал «Иуда». – Только не надо волноваться, все будет нормально, я вас уверяю.

– Как это не волноваться, ведь я своими руками толкнул его к ним, а они разбираться не станут, – холодно бросил Эди, наблюдая за тем, как «Иуда» борется с охватившим его волнением. – Вы что, не видите, что они со мной пытаются сделать?

– Ваш приятель здесь ни при чем, об этом менты наверняка знают, ведь они давно наблюдают за Шушкеевым и знают всех, кто с ним связан.

– Откуда вам это известно? – с недоверием в голосе спросил Эди.

– Они сами сказали, даже фотки показали.

– Не говорите загадками, я это не люблю, – начал сердиться Эди.

– Какие загадки, если они фотографировали нас в разных местах и даже городах.

– Какой-то детектив получается, я должен немедленно предупредить Юру, чтобы он не ходил в больницу.

– Эди, я вас прекрасно понимаю, в вас живет прекрасное чувство товарищества. Но поверьте, поход в больницу не нанесет Юре никакого вреда. Он всегда может сказать, что его просто попросили передать письмо. И я готов это подтвердить на любом уровне. К тому же я отблагодарю вас и его за это.

– Отблагодарите... ладно, я еще подумаю, хотя радости от всего этого не ощущаю, даже начал сожалеть, что согласился, поскольку за вашими просьбами какой-то шлейф неясностей, – несколько примирительно заметил Эди, но тут же холодно добавил: – Не дай бог, еще и звонок дочери имеет какой-то подтекст. Нет, уж лучше сразу скажите, а то наши отношения могут завершиться на плохой ноте.

– Зря вы так, ведь я же открылся перед вами, иначе не стал бы рассказывать о фотографиях и о том, что Шушкеева подозревают в торговле валютой.

– Вы знаете, я системщик и неплохо владею методикой поиска истины. И это позволяет увидеть наличие или отсутствие логики в исследуемом явлении и делать в целом близкие к истине выводы, а в нашем случае – сомневаться в том, что вы говорите. Откровенно скажу, услышав от вас о том, что менты длительное время наблюдали за Шушкеевым, с которым вы поддерживали до каких-то пор приятельские отношения, а потом по пьяни пырнули его ножом, я делаю вывод, что вы тоже находитесь под колпаком милиции. А если вы мыслите иначе, то поступаете опрометчиво.

– Эди, я рад, что вы не служите у них, иначе с вашей логикой и предметным анализом доставили бы мне большие неприятности. Слава богу, что эти товарищи не обладают такими знаниями о природе теневых поступков и действий людей. Ну а насчет того, под колпаком я или нет, то у меня в этом нет никаких сомнений с того самого момента, когда увидел фотографии, – уже в несколько спокойном тоне пояснил «Иуда», продолжая все так же внимательно глядеть в глаза Эди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.